THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

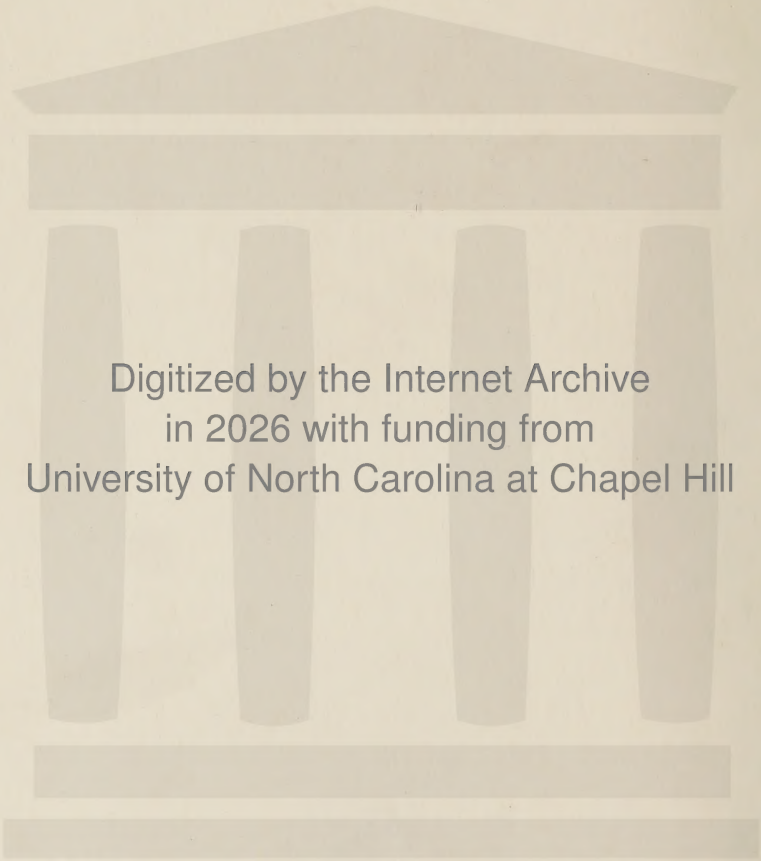
HX313
.B388
1922

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008115023

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JUN 0 1 1995			
	JUN 06 '95		

Form No. 513,
Rev. 1/84


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ocherkistoriisot00batu

9
2837
154

Н. Батурин

ОЧЕРК ИСТОРИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1922.

ОЧЕРК ИСТОРИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ Р. К. П.

HX313
.B383
1922

Н. БАТУРИН.

ОЧЕРК ИСТОРИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ.

Перепечатано со 2-го издания.

OCHERK ISTORII SOTSIAL-DEMOKRATII V ROSSII

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
МОСКВА — 1922 г.

The Library
The University of North Carolina
Chapel Hill

Отпечатано в 5-й тип.-лит.
МСНХ „Мосполиграф“, в кол.
10000 экз.

ВВЕДЕНИЕ.

Социализм и рабочее движение.

„Современный социализм,—говорит Фр. Энгельс,—по своему содержанию представляет непосредственный продукт наблюдения, с одной стороны над господствующими в современном обществе классовыми противоречиями между имущим и неимущим, капиталистом и наемным работником, с другой стороны—над существующией в производстве анархией.

Таким образом, современный социализм—это порождение современной хозяйственной системы—капитализма. Противоречия, свойственные капиталистическому строю, стали изучаться уже давно. Огромный рост производительных сил и небывалое накопление общественных богатств, которые принес с собою капитализм, не могли закрыть от людей беспристрастных и наблюдательных, его оборотную сторону. Свобода, равенство и братство, провозглашенные буржуазной революцией, нашли своих беспощадных критиков тотчас же, как только эта революция проложила дорогу капиталу. Еще в конце XVIII века, на исходе великой французской революции, небольшая группа коммунистов во главе с Гракхом Бабефом от имени всех неимущих обличает торжествующую буржуазию в своем „Манифесте Равных“.

„Нам нужно не только это равенство, написанное в декларации прав человека и гражданина: мы требуем, чтобы оно существовало среди нас, под крышей наших домов.

„Мы заявляем, что не можем больше мириться с тем, чтобы огромное большинство людей в поте лица своего трудилось, создавая роскошь для ничтожного меньшинства“.

Авторы манифеста с замечательной проницательностью разглядели ту пропасть, которая тогда уже отделяла „ни-

чтожное меньшинство“ от „огромного большинства“, несмотря на формально провозглашенное равенство. И каким пророчеством звучат слова этого замечательного манифеста: „Великая французская революция—это только предвестница другой, более крупной, более величественной революции, которая и будет последней“.

Целый ряд глубоких мыслителей в начале XIX в. исследует новые общественные отношения, создает социальные системы, работает над переустройством человеческого общества. Особенно выдаются в этом отношении сочинения Сен-Симона, который впервые указывает, что как в великой французской революции, так и во всей вообще истории человечества движущей силой всегда была классовая борьба.

Замечательно глубокая критика капитализма была дана другим писателем того времени Ш. Фурье. Анархия, царящая в производстве, и все происходящее из нее зло, а также все пороки разлагающегося буржуазного общества никогда еще ярко и остроумно не изображались, как в сочинениях этого гениального человека.

В первой половине XIX века во Франции основываются многочисленные социалистические школы и общества, которые однако имеют немногих последователей и в лучшем случае не проникают дальше низов буржуазного общества.

На самом же дне этого общества, среди тех обездоленных рабочих масс, над положением которых задумывались великие мыслители, в интересах которых они сочиняли проекты всеобщего счастья, мы не находим пока никаких признаков сознательной жизни. Погруженные во тьму невежества,. эти массы остаются совершенно равнодушными к великим творениям; и если они от голода и отчаяния приходят в движение, то разве лишь для того, чтобы предаться грабежу и разбою, разнести фабрику и машины. Первые пролетарские движения — это, по выражению Карлейля, „барахтанья несчастной, глубоко погребенной массы“. Проходит не мало времени, пока в этом стихийном пролетарском движении появляются проблески классового сознания.

В 1831 г., то-есть на другой год после июльской революции, восставшие лионские ткачи написали на своем чер-

ном знамени: „жить работая или умереть в борьбе“. Это была первая программа французских рабочих. Еще более определенно выступают эти классовые пролетарские требования в чартистском движении в 1837—48 г. в Англии.

„Вопрос о хартии (то-есть конституция),—говорит один из вождей этого движения, это не политический вопрос, а вопрос ножа и вилки; хартия означает хорошее жилище, хорошую пищу и питье, хороший заработок и короткое рабочее время“. „Политическая власть,—заявляют чартисты,—наше средство, социальное благополучие—наша цель“.

Словом, повсюду, где пробуждается более или менее сознательное классовое движение пролетариата, он резко противопоставляет буржуазной свободе, свободе эксплуатации, свое собственное освобождение из-под ига капитала. Сначала его требования очень скромны и неопределенны. Но на протяжении всей истории XIX в. рабочий класс все более решительно переходит от смутно сознанных и неопределенных требований и лозунгов не только к оборонительной, но и наступательной борьбе против капитала. В противоположность буржуазным революциям, которые только упрочивали силу и господство имущих классов, в его стремлениях все более ясно выступает идея *социальной революции*. Но социализм, как полное выражение пролетарских стремлений, как законченная программа рабочего движения, появляется только после долгой и упорной классовой борьбы, после целого ряда побед и поражений.

Все социалистические учения начала XIX в. стояли совершенно в стороне от рабочего движения. Да и сами социалисты-реформаторы вовсе не думали, что их стремления скорее всего могут найти отклик в рабочем классе. Нет, они обращались со своей проповедью ко всем классам, и даже по преимуществу к богатым и сильным мира: ведь они-то прежде всего могут понять и осуществить их идеи. Вот почему этот социализм называют *утопическим*.

Рабочее движение шло мимо этого социализма, своими собственными путями.

Таким образом, можно сказать, что в первой половине XIX века существовал *социализм* и было *социалистическое движение, но оно не распространялось на рабочий класс*. В то

же время *существовало уже рабочее движение, но оно не было еще социалистическим.*

„Для примирения рабочего и социалистического движения,—говорит Каутский, — требовалось, чтобы социализм вышел за пределы утопизма. Это великое, всемирно-историческое дело было выполнено Марксом и Энгельсом, которые своим „Коммунистическим Манифестом" 1848 г. заложили научный фундамент *современного социализма* или *социал-демократии*".

Итак, современный социализм и современная социал-демократия появляются только тогда, когда социализм сливается с рабочим движением, когда он становится глубоким и научным обоснованием классовых интересов пролетариата.

Как в „Коммунистическом Манифесте", так и в позднейших сочинениях Маркс и Энгельс впервые доказывают, что социализм неизбежно явится результатом „развивающегося на наших глазах исторического движения", что в нем лежит единственное разрешение тех противоречий, которые все более обнаруживаются в капиталистическом производстве.

Мы уже видели, что в этом направлении социалистическая мысль работала еще задолго до появления „Коммунистического Манифеста", что такие мыслители, как С.-Симон и Фурье, указывали на существующую классовую борьбу и анархию производства. Но им и в голову не приходила та мысль, что социализм вовсе не в интересах господствующих классов, что он может осуществиться только путем жестокой классовой борьбы пролетариата, который только и может решительно выступить на борьбу за социализм. Поэтому, в противоположность благодушным обращениям утопистов ко всем классам, „К. М." указывает на неизбежную и непримиримую классовую борьбу. „Они (коммунисты),—говорится в Манифесте,—обращают свой призыв к пролетариату. В грядущей борьбе пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, приобретут же они целый мир"...

„Коммунистический Манифест" открывает новую эпоху в развитии международного социализма, который с этого времени становится огромной силой, по мере того, как он проникает в сознание рабочего класса. „История этой кни-

ги,—говорит Энгельс,—является в известной степени отражением истории современного рабочего движения, начиная с 1848 года. В настоящее время (в 1890 г.) это без сомнения—истинно международное и самое распространенное из произведений социалистической литературы, общая программа миллионов рабочих всех стран от крайней оконечности Азии до Калифорнии".

Первой ячейкой, первым зародышем современной социал-демократии в Европе был „Союз Коммунистов" (1847 г.), по поручению которого был написан знаменитый „Коммунистический Манифест", и который признал этот Манифест своею программой. Это было небольшее общество, в которое входили передовые рабочие разных стран. В то время члены этого Союза могли только тайно заниматься пропагандой идей научного социализма и подготовлять пролетарскую организацию. Несмотря на то, что к концу своего существования (1850 г.) Союз имел отделения в разных государствах (в одной Германии их было 17), он был еще оторван от широкого движения европейского пролетариата. Союз просуществовал недолго. Он был разрушен реакцией, наступившей в Европе после революции 1848 г. Большинство его тайных отделений в Германии и других странах были открыты и разгромлены полицией, многие члены Союза попали в тюрьму. Но уже из этой первой социал-демократической организации вышло не мало сознательных пролетариев—социал-демократов, которые потом стали видными участниками и руководителями рабочего движения.

Гораздо большую роль сыграла другая, возникшая позже, организация, „Международное Товарищество Рабочих" или „Интернационал". Это общество было официально открыто на одном международном митинге в Лондоне, в 1864 г. Оно приняло устав, предложенный Марксом, который все время оставался ее главным руководителем. Интернационал имел многочисленные разветвления почти во всех государствах Европы и Америки. Он поставил себе задачу на деле осуществить тот призыв, которым заканчивался „Коммунистический Манифест": „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Ему действительно удалось об'единить передовых рабочих всех капиталистических стран и через свой находившийся в Лондоне „Генеральный Совет" и местные

отделения — руководить классовой борьбой рабочих и распространять социал-демократическое учение в широких массах. Как и „Союз Коммунистов“, он прекратил свое существование под ударами реакции, наступившей в 70-х годах, после поражения Парижской Коммуны. Упадок революционного духа всегда сопровождался также временным упадком „марксистского“ направления и торжеством анархических и других мелко бужуазных течений*). В течение своего десятилетнего существования Интернационал сыграл большую роль в развитие современного рабочего движения. Идея международной солидарности и основные социал-демократические положения не могли уже умереть в рабочей среде после его распадения.

Интернационал был большой международной социал-демократической школой, из которой вышло много выдающихся вождей и организаторов социал-демократических партий в разных странах (Гэд, Лафарг, Либкнехт, Грейлих и др.). Создание этих партий в отдельных государствах было новым могучим толчком в развитии международной социал-демократии. Отдельные национальные партии могли еще теснее об'единить рабочий класс на почве общих политических интересов, захватить еще более широкие слои рабочих и еще успешнее „слить воедино“ рабочее движение с социализмом.

Начиная с конца 70-х годов, социалистические рабочие партии возникают почти во всех крупных капиталистических странах: в Германии (1875 г.), в Бельгии (79 г.), во Франции (80 г.), в Австрии (86 г.). Позднее они появляются уже во всех странах мира: в Англии, Венгрии, Италии, Болгарии, России, С.-Американских Соединенных Штатах, наконец, в Японии, Аргентине и пр.

Когда социал-демократические партии повсюду значительно выросли и окрепли—идея международной солидарности и общности интересов и стремление к более тесному союзу пролетариев всех стран снова получили выражение в международных социалистических конгрессах. На первом таком конгрессе в 1889 г. в Париже один из участников

*) Ближайшим поводом к распадению Интернационала был раскол, вызванный Бакуниным, увлекшим часть его организаций на путь анархизма.

старого Интернационала В. Либкнехт сказал: „Интернационал не умер! Он перешол в могучие рабочие организации и рабочие движения отдельных стран. Интернационал продолжает жить в нас, этот конгресс—его создание". И действительно, международный социалистический конгресс в огромном своем большинстве стоял на точке зрения социал-демократии, был как бы возродившимся новым Интернационалом.

Но какая огромная разница между этим новым и старым Интернационалом! В то время, как Интернационал Маркса насчитывал в числе своих членов, быть-может, несколько тысяч передовых рабочих во всех странах, новый Интернационал об'единяет миллионы организованных на местах пролетариев. Значительная часть рабочих, входивших в старый Интернационал, еще далеко не отрешилась от буржуазных взглядов на свое собственное положение. Так, напр., некоторые французские члены его (Прудонисты) полагали, что следует стремиться не к уничтожению, а к „равенству классов", что женщина не должна вмешиваться в политику, так как ее место у домашнего очага; они восставали даже против стачек, так как стачки нарушают „свободу договора", и против всеобщего обучения, законодательного сокращения рабочего дня и пр. Сознание пролетариев, об'единенных новым Интернационалом, с тех пор выросло неизмеримо. Резолюции международных конгрессов и дружная поддержка их рабочими организациями показывают, что огромное большинство организованного пролетариата не только освободилось от идейного влияния буржуазии, не только проникнуто глубокой ненавистью к буржуазному миру и готово вести неустанную борьбу с капиталом, но и поняло конечную цель этой борьбы, усвоило идею социальной революции.

Уже парижский социалистический конгресс 1889 г., который впервые подсчитал силы международной социалистической армии и учел результаты долгой классовой пролетарской революции, внушил глубокое убеждение, что будущее международного социализма обеспечено.

Так, рост рабочего движения и „развитие социализма от утопии к науке" неизбежно привели к слиянию рабочего

движения с социализмом, к созданию той силы, которая называется социал-демократией.

Это слияние рабочего движения с социализмом, которое ни в одной стране, конечно, вполне не закончилось, а во многих только начинается, в каждой отдельной стране имело своеобразную историю. Так, рабочая партия в Бельгии сначала стояла очень далеко от научного социализма и только постепенно в процессе борьбы все больше приближалась к положениям „Коммунистического Манифеста". Во Франции одновременно возникает несколько партий с различными программами, и создание современной социал-демократической партии происходит путем усиления одной партии на счет другой, слияния нескольких партий в одну. Наибольший успех идеи научного социализма имели в Германской Социал-демократической Рабочей Партии с самого ее возникновения, так что один из ее историков вполне справедливо говорит, что „Германия сделалась классической страной современного рабочего движения, духовным центром нового Интернационала".

Но, как бы ни были различны местные условия в каждой стране, они нигде не могли помешать возникновению социал-демократии, раз только было налицо одно общее условие: капитализм.

Развитие капитализма в России решило и здесь судьбу социалистического движения.

Уже давно прошли те времена, когда русские социалисты спорили о том, по какому пути пойдет экономическое и общественное развитие России: разовьет ли она, по примеру Запада капиталистическое хозяйство, или же пойдет своим собственным „самобытным" путем. Капитализм стал фактом русской жизни, и „самобытный" русский народ, по выражению Энгельса, „присоединился к семье прочих грешных народов Европы".

Пока же Россия оставалась „самобытной", т.-е. экономически отсталой страной, в ней не было никакой почвы для развития современного социализма.

В 60-х годах на русский язык был переведен „Коммунистический Манифест". В то время как повсюду он имел огромный успех, в России он тогда не оставил никаких следов. И это понятно. Рабочего движения тогда у нас

почти не существовало, а народолюбивая русская интеллигенция могла вычитать из него что угодно, кроме идей научного социализма. Как отзвук старого Интернационала, в 1869 г. в России появилась Нечаевская анархическая организация: „Общество народной расправы или топора“. В своих листках и брошюрах она призывала „примкнуть к миру работников“. Это была жалкая пародия на современное социалистическое движение. Призванная играть роль „русской секции“ Бакунинского „Аллианса“ *), она об'единяла нескольких студентов в Петербурге, Москве и Ярославле и скоро была арестована. Это было все, чем Россия в конце 60-х годов отозвалась на возникавшее в Европе социал-демократическое движение.

Новый Интернационал уже на первом парижском конгрессе 1889 г. увидел в числе своих членов русских делегатов, от которых он узнал о существующем уже в России рабочем движении и о возникшей русской социал-демократии.

---

*) Так называлась отколовшаяся вместе с Бакуниным анархическая часть старого Интернационала.

Группа „Освобождение Труда“.

„Ближайшее знакомство с литературой „марксизма“ покажет нашим социалистам, какого могучего орудия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя „пролетариев всех стран“. Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами“.

Плеханов. „Социализм и политическая борьба“.

Как в З. Европе, так и у нас в России социалистическое движение должно было пережить детский, утопический период, прежде чем вступить на путь современного социализма. Но едва ли в какой-нибудь другой стране развитие научной социалистической мысли и современного социалистического движения было затруднено такими сложными запутанными условиями, как у нас. В то время как в З. Европе самостоятельное рабочее движение возникает только после целого ряда буржуазных революций, утвердивших политическую свободу, в России сознательная борьба рабочего класса начинается под двойным гнетом капитала и докапиталистической формы государственного строя. С другой стороны, наиболее революционная часть образованного русского общества, так-называемая русская интеллигенция, выступая на борьбу против существующего строя, не довольствуется уже буржуазными идеалами зап.-европейских революций. Опыт этих революций слишком хорошо показал, что одна только политическая свобода не приносит освобождения народным массам. Поэтому запоздалое русское революционное движение почти с самого своего зарождения подхватывает современные социалистические лозунги З. Ев-

ропы, которые на почве отсталой экономической действительности перерабатываются в самобытные социалистические теории.

Неудивительно, что программы и теории старых русских социалистов оказываются так же далеки от современного социализма, как и все утопические учения З. Европы. Таков был и „самобытный“ русский социализм 70-х годов, который известен под именем народничества.

Сами народники указывали на свое отличие от западноевропейских социалистов в том, что они ищут своих союзников, борцов за социализм не в рабочем классе, как в З. Европе, а в русском крестьянстве, которое, благодаря самобытным устоям русской экономической жизни—общинному землевладению, способно скорее всякого другого класса осуществить социалистический строй. Правда, первые опыты социалистической пропаганды в деревне (массовое хождение в народ 74 г.) дали ей неважные результаты. Крестьянин, который, по народнической теории, был насквозь пропитан социализмом, оставался равнодушен к этому учению. Но это не смущало народников. Они об'ясняли это равнодушие тем, что крестьянская община еще не достаточно высоко высоко развилась, но дальнейшее развитие общины в будущем непременно приведет к социализму. Задачей революционной партии народники считали поэтому устранение всех препятствий к сохранению и дальнейшему развитию общины и вообще всех самобытных устоев русской экономической жизни. Но это вовсе не значит, что народники хотели бороться за политическую свободу, за установление свободного и демократического государственного строя. Как и теперешние анархисты, они призывали *к изгнанию и истреблению* властей и захвату земли. Народная революция должна уничтожить государство, на развалинах которого сами собою возникнут вольные социалистические общины. Политическая же свобода без социального переворота оказала бы плохую услугу народу. Она открыла бы простор для капитализма, который приведет к разрушению общины. Таковы были взгляды народников-социалистов, лежавшие в основе их программы.

Первою большою организацией, которая усвоила эту народническую программу, было общество „Земля и Воля“,

сложившееся в 1876 г. Сначала это общество вело лишь мирную пропаганду социализма в деревне и согласно своей программе воздерживалось от всякой „политики“. В то время, как народническая проповедь социализма не имела почти никакого успеха в крестьянстве, она скоро встретила к тому же большие препятствия со стороны правительства. Полицейские преследования, а потом и жестокие расправы с арестованными стали все более наводить народников на мысль о борьбе с правительством своими собственными силами.

Еще раньше, чем созрела эта мысль, зверства и издевательства над заключенными побудили отдельных лиц взяться за оружие, чтобы отомстить насильникам. За покушениями на жандармов, шпионов, губернаторов, скоро последовали вооруженные сопротивления при арестах. Правительство отвечало на это смертными приговорами, и, таким образом, борьба все более ожесточалась. Среди народников, отвергавших до сих пор всякую политическую борьбу, все более горячо стал обсуждаться вопрос; не должна ли социалистическая партия последовать примеру этих отдельных лиц и посредством систематического и организованного террора нанести решительный удар своему ближайшему врагу? От решения этого вопроса зависело направление всей деятельности партии. Разумеется, что правоверные народники, не поступаясь своей теорией, не могли мириться с террором. Вот что писал по поводу происшедших покушений орган партии „Земля и Воля“):

„Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбой против существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ... Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью—значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной.

„Такое направление нашей деятельности было бы великой ошибкой еще с другой стороны, со стороны тактики“. „Самодержавие, поражаемое со всех сторон, падет, уступив место современному конституционному строю, который, как всякая конституция, выдвинет на первый план привилегированные сословия: помещиков, купцов, фабрикантов—всех владетелей капитала движимого и недвижимого, одним словом, буржуазию в экономическом смысле слова. В настоящее время они разрознены и потому бессильны. Конституционная же свобода, как бы жалка она ни была, им-то во всяком случае, даст возможность

сорганизоваться в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестового похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов".

Так смотрели правоверные народники на выдвинутый вопрос о борьбе с правительством. Они составляли пока большинство, и еще зимою 1877—1878 г. общество „Земля и Воля", обсуждая свой устав, с негодованием отвергло всякие предложения ввести в свою программу какие бы то ни было политические требования. Но когда осенью 1879 г. собрался очередный с'езд партии в Воронеже, число сторонников политической борьбы и террора было уже очень велико. Взгляды нового направления сводились к следующему:

„Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и по каким бы то ни было причинам оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем, эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет идейная борьба" *).

Из приведенных здесь взглядов сторонников и противников террора нетрудно заметить, что как те, так и другие, оставаясь народниками, противополагают социализм политической борьбе. Вопрос, который по-разному решался двумя спорившими фракциями, ставился таким образом: социализм *или* политическая борьба? Одни, желая остаться верными социализму, отвергали всякую политическую борьбу, как смертный грех; другие, убедившись в неизбежности политической борьбы, отодвигали на задний план задачи социализма.

Обе фракции землевольцев не могли прийти к соглашению, и вскоре после Воронежского с'езда „Земля и Воля" раскололась на две партии: „Народную Волю", в которую вошли

*) Так передает автор биографии Желябова Л. Тихомиров те мысли, которые развивал Желябов на липецком съезде землевольцев-террористов. Эти взгляды Желябова встретили всеобщее одобрение и защищались террористической партией З. и В. на Воронежском съезде. Народовольческая теория социального переворота при помощи захвата власти временным революционным правительством была разработана только позднее.

сторонники нового, террористического направления, и „Черный Передел“, к которому примкнули правоверные народники.

Приступив к террористической борьбе с правительством, „Народная Воля“ открыла новую, блестящую эпоху революционного движения в России. Всем известен исход этой борьбы.

Удавшееся, наконец, покушение на Александра II вовсе не означало ни торжества социализма, ни падения самодержавия; напротив: оно обнаружило все бессилие революционной партии, которая в течение нескольких лет наводила ужас на правительство и своей геройской борьбой приковала к себе внимание всего мира. В решительную минуту эта партия стояла совершенно одинокой пред огромной силой правительства, которое быстро оправилось после первого смятения.

Убедившись, что за таинственным „Исполнительным Комитетом“ „Народной Воли“ не скрывается никакой серьезной силы, нет никакой широкой народной организации, правительство Александра III мало-по-малу старается свести на-нет все жалкия либеральные начинания так-называемой „эпохи великих реформ“. Искажается суд присяжных, ограничиваются права земства, новым университетским уставом искореняется вольный дух учащейся молодежи, закрываются лучшие журналы и газеты, учреждается свирепая цензура, вводятся земские начальники. 80-е годы оставили по себе память, как эпоха худших времен самодержавия.

В то самое время, когда в Западной Европе растет и развивается социалистическое движение, когда во Франции, в Бельгии, Австрии возникают сильные рабочие партии,—у нас в России с начала 80-х годов наступает полный упадок всяких общественных движений, а к началу 90-х годов политическая жизнь под ударами реакции почти совершенно замирает.

Уцелевшие остатки „Народной Воли“ уже не могут снова сорганизоваться в сильную партию и оказать какое-нибудь противодействие всеобщей реакции. Напротив, с наступлением этой реакции сама „Народная Воля“ неуклонно идет к своему разложению и, наконец, совершенно обессилив, сходит со сцены русской политической жизни.

„Народная Воля“ потерпела поражение, потому что она не была поддержана народным движением. Но на эту опасность, как мы видели, указывали еще сами народники, боровшиеся против возникающего террористического направления, когда они говорили, что „с борьбой против существующего порядка терроризация не имеет ничего общего“, и что „разрушить систему может только сам народ“. И однакоже полный упадок „Народной Воли“ об'ясняется вовсе не тем, что она отступила от программы правоверного народничества. Лучшим доказательством того служит судьба другой народнической партии, которая, в противоположность „Народной Воле“, стремилась отстоять идеи народничества во всей их чистоте.

Одним из самых горячих защитников чисто-народнических взглядов на Воронежском с'езде землевольцев выступил Г. В. Плеханов, редактор „Земли и Воли“. Он страстно отстаивал старую землевольческую программу, доказывая, что террор совершенно не совместим с задачами широкой агитации в народе. Когда же с'езд большинством голосов решил оказать поддержку террористам, он вышел из общества „З. и В.“, заявив, что „не желает иметь ничего общего с изменниками народному делу“.

Приехав после с'езда в Петербург, Плеханов встречается здесь с другими членами „Земли и Воли“, прибывшими из-за границы: Л. Дейчем, Л. Стефановичем и В. И. Засулич, которые также оказываются сторонниками прежней народнической программы. Через месяц после с'езда группа единомышленников окончательно выделяется в партию: „Черный Передел“ и приступает к изданию своей газеты под тем же названием.

Эта партия чистых и последовательных народников просуществовала недолго и успеха не имела. Первый же номер газеты „Черный Передел“, изданный в России, был арестован в январе 1880 г. в тайной типографии партии. Арестованный по этому делу Жарков *), работавший в типографии партии, выдал своих товарищей. Редактор газеты Плеханов вместе с другими чернопередельцами, спасаясь от преследований правительства, бежит за-границу, в Женеву, куда переносится издание „Черного Передела“.

*) Впоследствии он был убит народовольцами, как предатель.

За время (1879—1881), в течение которого были изданы все 4 номера этой газеты, взгляды заграничной группы черно-передельцев подверглись значительному изменению. „Опыт скоро показал нам“, рассказывает Плеханов *), „что идея хождения в народ, еще так недавно и так сильно увлекавшая наших молодых революционеров, утратила всякую серьезную власть над их сердцами. Очень значительная часть революционной молодежи сознательно становилась на сторону террористов и разделяла их мысль о том, что деятельность в крестьянстве, при существующих у нас политических условиях, заранее осуждена на полное бесплодие“. Этот опыт революционного движения сильно поколебал веру чернопередельцев в жизненность и непогрешимость народнической теории и прежде всего того убеждения, что социализм несовместим с „политикой“.

Решающее влияние на выработку новых взглядов заграничной группы оказало основательное знакомство с теорией и практикой современного социализма в З. Европе. Плеханов был знаком с учением Маркса еще раньше, когда он работал в партии „Земля и Воля“. В своей статье в 3 и 4 №№ „Земли и Воли“, под заглавием: „Закон экономического развития общества и задачи социализма в России“, формулируя народническую программу, он указывает на важное значение учения Маркса, в исторической теории которого социалисты, по его мнению, должны искать разрешения задач своей практической деятельности. Редакция „Черного Передела“ в своих статьях заявляла, что согласно учению Маркса она признает экономические отношения „основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни общества, но и умственного и нравственного склада его членов“. Однако, повторяя этот взгляд Маркса, чернопередельцы далеко не стояли на точке зрения научного социализма. Они принимали это учение в том искаженном виде, какой придавал ему Бакунин и некоторые современные анархисты. Из того положения, что экономические отношения общества лежат в основе всего политического строя, они делали вывод, что социалисты должны стремиться к экономической революции, отвергая

*) Искра, № 54. Почему и как мы разошлись с „Вестником Народной Воли“.

всякую политическую борьбу *). Только в последнем, 4 № „Черного передела“ (19 сентября 1881 г.) члены группы заявляют себя уже сторонниками политической борьбы, а также признают пользу террора. Не отрицая пользы политической свободы, чернопередельцы, в своих спорах с народовольцами, усиленно подчеркивали, однако, необходимость широкой агитации в народе, в противовес узкой заговорщицкой тактике народовольцев. Только народные крестьянские организации, по их мнению, могут обеспечить народу экономические выгоды от революции. Эту мысль чернопередельцы проводили в рабочей газете „Зерно“, которую они издавали в 1881 г. (вышло 6 №№).

Дальнейшее знакомство с социал-демократической литературой и с практикой западно-европейского рабочего движения окончательно разрушили не только народническую программу практической деятельности, исключавшую всякую „политику“, но также и самые основы народнической теории. Вооружившись теорией научного социализма, чернопередельцы подвергли беспощадной критике не только свои собственные, во и все вообще старые русские программы и теории. „В основу этой критики, говорит Плеханов **), был положен практический опыт, частью приобретенный нами самими, во время нашей народнической деятельности, частью завещанный нам социалистами первой половины того десятилетия“ (т.-е. 70-х годов). Большое значение для выработки новых взглядов Плеханова имело, конечно, его близкое знакомство с петербургским рабочим движением, вызванным к жизни народнической пропагандой. В результате предпринятой критики от народничества не осталось ничего. Бывшие чернопередельцы окончательно расстались с утопическими теориями общинного „русского“ социализма и пришли к убеждению, что и в России социалистическое движение может итти успешно только под знаменем научного социализма и что единственной революционной силой, способной

*) Ср. предисловие Кропоткина к русскому изданию брошюры Бакунина: „Парижская Коммуна и идея государства“, Женева 1892, стр. V: „Желать достичь социализма или хотя бы аграрной революции посредством политической революции — чистая утопия, потому что история всюду показывает, что политические изменения являются последствиями великих социальных революций“.

**) Предисловие в „Истории рев. движения в России“ Туна.

стать под это знамя, и у нас, как в З. Европе, может быть только рабочий класс.

Таким образом *опыт революционного движения в России* и основательное изучение теории и практики зап.-европейского социализма привели передовую часть русских „самобытных“ социалистов к усвоению учения современной социал-демократии.

Убедившись, что борьба за социализм вовсе не исключает политической борьбы, заграничная группа должна была теперь признать большую заслугу за „Народной Волей“, которая, хотя бы и расходясь со своей народническою теорией, в своей практике вела упорную борьбу с правительством. Это значительно сближало практические цели как заграничной группы бывших чернопередельцев, так и „Народной Воли“ и делало возможной совместную работу.

Начиная с 1880 г., Плеханов вместе с народовольцами участвует в издании „Социально-революционной библиотеки“, сборника „На Родине“, биографий Желябова, Перовской, Кибальчича. Плехановым же был приготовлен для этого издательства перевод „Коммунистического Манифеста“, который был напечатан в 1882 г. с предисловием Маркса к русскому изданию. „Исполнительный Комитет“ предложил даже Плеханову принять участие в редакции своего заграничного журнала „Вестника Народной Воли“. Плеханов принял это предложение и вместе с П. Лавровым и Степняком (Кравчинским) вступил в редакцию „Вестника“.

Таким образом, русским социал-демократам представлялась возможность при помощи народовольческого издания подготовить русских революционеров к усвоению социал-демократического учения, в котором, по их мнению, Нар. В. только и могла найти оправдание своей практической деятельности. С этою целью Плехановым была написана для „Вестника Н. В.“ статья: „Социализм и политическая борьба“. Почти уже состоявшееся соглашение было расстроено стараниями Л. Тихомирова, при ближайшим участии известного провокатора Дегаева. Тихомиров, заступивший место Степняка в редакции „Вестника Народной Воли“, сначала очень примирительно относился к социал-демократическому направлению, которое хотел придать журналу Плеханов; приехавший за-границу Дегаев, уже тогда находившийся в

сношении с начальником департамента полиции Судейкиным, внушил Тихомирову, будто молодые товарищи очень не сочувствуют его сближению с бывшими чернопередельцами. Опасаясь потерять свою популярность среди революционеров в России, Тихомиров поспешил резко переменить свое отношение к социал-демократии, и Плеханову пришлось выйти из редакции.

Убедившись в полной невозможности совместной работы с „Народной Волей“, бывшие чернопередельцы организовали самостоятельную группу под названием „Освобождение Труда“, в которую вступили 5 членов, принимавших деятельное участие в движении 70-х годов: В. Н. Игнатов *), Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и Г. В. Плеханов.

Эта небольшая заграничная группа была первой русской социал-демократической организацией и волне справедливо считается родоначальницей русской социал-демократии.

Самостоятельное выступление группы „Освобождение Труда“ было встречено очень враждебно. Ее, между прочим, обвиняли в том, что она стремится расстроить организацию „Народной Воли“. Такие нападки могли происходить только от грубого непонимания тех задач, которые поставила себе новая группа. Члены этой группы высказывали свое сочувствие практической деятельности „Народной Воли“, но они не могли согласиться с тем обоснованием этой деятельности, которое народовольцы попрежнему искали в старом народничестве. Несмотря на всеобщее несочувствие, социал-демократическая группа приступила к литературной пропаганде своих взглядов, в полной уверенности, что сама русская действительность рано или поздно подтвердит правоту этих взглядов.

Непринятая в „Вестник Народной Воли“ статья Плеханова „Социализм и политическая борьба“ была теперь самостоятельно издана группой „Осв. Тр.“.

Мы уже видели, какое важное значение имел вопрос об отношении социализма к политической борьбе в социалистическом движении 70-х годов. Брошюра Плеханова „Социализм и политическая борьба“ впервые дала в русской

*) Умер в 1885 г.

литературе блестящее разрешение этого вопроса, выдвинутого ходом революционного движения в России.

Вооруженный теорией современного социализма, которая учит, что „всякая классовая борьба есть борьба политическая“, автор брошюры мог не только опровергнуть, но также исторически об'яснить то народническое убеждение, что социализм не совместим ни с какой „политикой“. Он показывает здесь, что в основе этого убеждения лежало Прудоновско-Бакунинское, т.-е. анархическое учение о государстве, которое покоилась на утопических представлениях русских народников-бунтарей (последователей Бакунина) о будущих коммунистических общинах. По мнению народников, коммунизм должен вырасти „сам собою“ из условий крестьянской жизни, как только будут устранены препятствия к свободному развитию „народных идеалов“, но господствующее внутри общины товарное хозяйство, — говорит Плеханов, — неизбежно должно привести не к коммунизму, а к капиталистической эксплуатации.

Анархическая тактика воздержания от политики, которую народники-бунтари рекомендовали, между прочим, и русским рабочим („Земля и Воля“, „Зерно“), свелась-бы на деле к тому, что лишила бы рабочих возможности об'единить свои усилия в общей политической борьбе, направить свои удары на созданную их эксплуататорами общественную организацию. Следуя советам бунтарей, русские рабочие должны были бы вести разрозненную войну с отдельными эксплуататорами, на стороне которых всегда стояла бы организованная сила государства.

Итак, русские народники в своем отношении к политической борьбе повторяли заблуждения з.-европейских анархистов. Что касается народовольцев, то Плеханов признает их заслугу в том, что они открыли „новую эпоху в развитии нашей революционной партии—эпоху сознательной политической борьбы с правительством“. Но он восстает против народовольческого понимания этой борьбы в форме заговора с целью захвата власти. Плеханов бесспощадно критикует наивную веру народовольцев во всемогущество горсти заговорщиков, которая, по их мнению, захватив власть, может совершить не толькой политический, но и

социальный переворот даже „при отсутствии социально-революционной инициативы в самом народе".

Указывая на утопические предрассудки и заблуждения, которые мешали как народникам, так и народовольцам правильно понять вопрос об отношении социализма к политической борьбе, Плеханов определяет ближайшие задачи русских социалистов следующим образом: „Единственной не фантастической задачей русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных учреждений — с одной стороны и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* в России—с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая дала бы рабочим, путем всеобщего избрательного права, возможность активного участия в политической жизни страны".

Так решила вопрос о социализме и политической борьбе эта первая социал-демократическая книжка, изданная группой „Освобождение Труда". Огромным большинством тогдашних революционеров эта новая постановка вопроса была понята очень плохо и не встретила никакого сочувствия. Это первое издание группы не только не привлекло к социал-демократии симпатий революционной интеллигенции, но положило начало упорной борьбе с народничеством, борьбе, которая потом долгие годы велась группой „Осв. Тр.", прежде чем привела к торжеству идей научного социализма в России.

Еще раньше выступления группы „Осв. Тр." некоторые русские народники были знакомы с учением Маркса и Энгельса. Не оспаривая его правильности по существу, они решительно отвергли его применимость к программе своей партии на том основании, что это учение „явилось результатом наблюдения общественных отношений в капиталистических странах и не может иметь никакого значения для земледельческой России". Напрасно возражали социал-демократы, что учение Маркса обнимает всю культурную историю человечества и поэтому может быть применимо к России так же, как и к Греции и Риму, Индии и Египту. Устои русской экономической жизни казались народникам настолько самобытными, что развитие капитализма и создание рабочей партии они считали делом невозможным даже в буду-

щем: развитие крестьянской общины к социализму должно предупредить у нас развитие капитализма. Вопрос о значении капитализма и развитии его в России на-ряду с вопросом об общине был долгое время предметом споров между социал-демократами и народниками. Этому вопросу и было посвящено другое сочинение Плеханова „Наши разногласия", изданное группой „Осв. Тр." в 1884 г. Подвергнув обстоятельному разбору всех выдающихся представителей руского социализма — А. Герцена, Н. Чернышевского, М. Бакунина, П. Ткачева — автор переходит к подробному рассмотрению русской экономической действительности, на почве которой выросли самобытные теории. При помощи обширной статистической литературы Плеханов обнаруживает всю вздорность народнических утверждений, будто капитализм не имеет у нас никакого будущего. Увеличение числа фабрик с миллионными оборотами, развитие кредита, вытеснение кустарных промыслов крупными предприятиями, наконец, появление некоторых продуктов русской промышленности (как, напр., рафинада) на иностранных рынках — все это показывает, что „не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму".

Крестьянская община не только не может помешать дальнейшему росту капитализма, но сама развивает товарное производство, которое приведет к полному ее разложению. Общинное землевладение уже и теперь тяготит не только деревенских кулаков, но также и беднейшую часть крестьянства, которая, отправляясь на заработки, сдает свои наделы в аренду, приплачивая за них арендатору.

Подводя итог своей критике народничества с социал-демократической точки зрения, Плеханов устанавливает следующие „наши разногласия".

1. Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются почти все наши революционеры.

2. По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3. При переходе к этим последним ей принадлежит не активная, а пассивная роль; она не в состоянии двинуть

Россию на путь коммунизма; она может только менее сопротивляться такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4. Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, класс,

5. освобождение которого может быть достигнуто лишь путем его собственных усилий.

Таким образом, революционная интеллигенция должна направить все свои усилия прежде всего на пропаганду в рабочей среде. Но тем самым она приобретет наилучшее средство для революционного воздействия и на крестьянство. Промышленный рабочий имеет много общего с деревней. Он-то и послужит связующим звеном между революционной интеллигенцией и крестьянством.

Несмотря на то, что книга Плеханова „Наши разногласия“ дала уничтожающую научную критику народничества, она так же, как и предыдущее его сочинение „Социализм и политическая борьба“, не могла похвалиться успехом среди русских революционеров, которые в большинстве продолжали упорно держаться народнической теории и не скрывали своего враждебного отношения к „освободителям труда“ *). Безграничное уважение к погибшим героям „Народной Воли“ мешало русским революционерам внимательно и беспристрастно рассмотреть, — что собственно представлял тот социализм, под знаменем которого боролась эта партия. Всякая критика народовольческой программы принималась, как оскорбление „великих теней“.

Каково было научное значение этой книги, ясно обнаружилось 10—15 лет спустя после ее появления. Когда во второй половине 90-х годов в русской легальной литературе впервые возгорелась борьба с народничеством, которое все еще считалось передовым и преобладающим направлением русской интеллигенции, то так-наз. „легальный марксизм“ в своих спорах с народниками о капитализме и общине очень немногое мог прибавить к той критике народничества, которая была дана в „Наших разногласиях“.

---

*) Так назвал членов группы П. Л. Лавров в одной заметке о ней в „Вестнике Народной Воли“.

„Социализм и политическая борьба“, „Наши разногласия“, а также переведенные на русский язык сочинения Маркса и Энгельса выполнили существенную часть той задачи, которую поставила себе группа „Осв. Тр.“. Познакомив передовую русскую интеллигенцию с научным социализмом, группа „Осв. Тр.“ дала в то же время обстоятельную критику теории русского социализма и указала путь для решения практических вопросов русского социалистического движения.

Свои социал-демократические взгляды гр. „Освобождение Труда“ формулировала в „проекте программы русских социал-демократов“, изданном в первый раз в 1885 г. В отличие от всех народнических программ, этот первый проект социал-демократической программы определял задачи русских социалистов следующим образом:

„Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического *накопления*, а местами,—в наших промышленных центрах,—оно испытывает уже гнет капиталистического *производства*, не ограниченный еще ни сколько нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает, как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента, не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из важнейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя *инициативу* борьбы с абсолютизмом.

„Социалистической интеллигенции пришлось поэтому, стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть сознание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты со своей стороны должны доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения, этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом *позорные* действия, к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую избирать их из бедных классов населения.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5) Свободу передвижений и занятий.

6) Полную равноправность всех граждан независимо от религии и племенного происхождения.

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

„Но цель эта останется недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

„Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе, как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями".

„Группа „Осв. Тр." убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса на огромной степени зависит от указанной выше работы в его среде".

...„Группа „Осв Тр." задается целью и пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению".

„Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами гр. „Осв. Тр." в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией „Народной Воли" лишь по вопросам о так-наз. захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса".

...„Группа „Осв. Тр." нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромную часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде всего направлена на более развитой слой этого населения, коим и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою разумеется, что распределение сил наших социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение, и что даже в настоящее время, люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа „Осв. Тр." не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы".

Не трудно отметить в этом проекте места, которые не соответствуют ни духу социал-демократического учения вообще, ни общим социально-политическим взглядам самой группы „Осв. Тр.“—в частности. Прежде всего бросается в глаза, что группа отводит такое важное значение „социалистической интеллигенции“, которое не согласуется с классовой теорией научного социализма. Далее, признавая „необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства“, группа „Осв. Тр.“ склоняется, хотя и с большими оговорками, к тактике „Народной Воли“, совершенно несвойственной социал-демократии. Наконец, в своей программе группа выставляет два требования (не приведенные в тексте), которые не поддерживаются в настоящее время социал-демократическими партиями: 1) государственная поддержка производительным ассоциациям и 2) непосредственное народное законодательство. Словом, весь проект в целом нельзя было бы признать вполне выдержанной социал-демократической программой.

Не нужно, однако, забывать, что группа очевидно и не ставила себе целью дать программу *с.-д. партии*, для создания которой не было тогда налицо необходимых условий. Проект программы имел в виду только подготовительную деятельность революционной интеллигенции в интересах будущей рабочей партии.

К тому же, проект этот составлялся в то время, когда „Народная Воля“ была еще достаточно сильна и исход борьбы ее с правительством еще далеко не был выяснен. Не разделяя утопических надежд народовольцев на социальный переворот путем захвата власти временным правительством, члены группа „Осв. Тр.“ считали, повидиму, возможным, что самодержавие под ударами организованного террора пойдет на уступки и даст либеральную конституцию еще прежде, чем революционное движение распространится на широкие народные массы. Такой исход борьбы революционной интеллигенции имел бы, конечно, большое значение для рабочего движения. Это значение и учитывалось в проекте программы, которая на-ряду с „подготовкой рабочего класса к социально-политическому движению, признает необходимость террористической борьбы“. При таких обстоятельствах члены группы „Осв. Тр.“ считали себя вынужденными сделать даже со-

знательные уступки народовольцам, применяясь к господствующим взглядам среди русских революционеров *). Такими сознательными уступками Плеханов об'ясняет два места программы, которые „не выдерживают критики с точки зрения „ортодоксального“ марксизма: государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях нашего народного хозяйства и очень неопределенная формулировка ее аграрных требований. Весь проект, таким образом, излагая основные социал-демократические взгляды, представлял не только с.-д. программу, как мы понимаем ее в настоящее время, но и растворенные в ней тактические соображения.

Однако, эта тактика, расчитанная почти исключительно на деятельность „социалистической интеллигенции“, оказалась бесплодной. Это вполне ясно обнаружилось к концу 80-х годов, когда „Народная Воля“ почти уже прекратила свое существование, и тем не менее остатки разбитых организаций революционной интеллигенции в огромном большинстве оставались попрежнему глухи к социал-демократической пропаганде. Вольные и невольные отступления проекта программы группа „Осв. Тр.“ от социал-демократических взглядов были значительно исправлены группой во втором издании этого проекта в 1888 г. То место, где говорится о „необходимости террористической борьбы“, было выпущено. „Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма, — говорится во втором

*) „....ей (группе Осв. Тр.) невозможно было не считаться с народническими симпатиями,—скажем откровеннее: предразсудками,— тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социал-демократической группой, а число возможных русских социал-демократов казалось очень большим, т. к. все старые революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа (О. Тр.) поневоле должна была потребовать по крайней мере быть осторожной, мягкой и уступчивой... На деле такая осторожность ни к чему не привела, потому что споры эти (т.-е. по аграрному вопросу) все же пришлось начать очень скоро после составления проекта программы: доказательство—книга „Наши разногласия“, представляющая собою резкий ответ на ехидные литературные выходки ныне благополучно юродствущего г. Л. Тихомирова против социал-демократической ереси. „Заря“, № 4, Stuttgart 1902 г., ст. Плеханова: „Проект программы Р. С. Д. Р. П.,“ стр. 18—19.

проекте, — русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций". За „социалистической интеллигенцией" уже не признается такого самостоятельного и решающего значения в деле завоевания политической свободы. Во втором издании проекта говорится, что „завоевание демократической конституции..." „является целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом".

Второе издание проекта программы отличается от первого еще тем, что оно более сжато и точно формулирует положения научного социализма и таким образом, по форме изложения, более приближается к программе. Все же практические требования остались в нем без изменения. В своем переработанном виде проект попрежнему имеет в виду лишь подготовительную деятельность русских социал-демократов *).

Если гр. „Осв. Тр." своими изданиями много сделала для распространения социал-демократического учения в среде революционной интеллигенции, то ее собственные силы оказались недостаточными для того, чтобы понести это учение в рабочую среду. Попытка создать популярную рабочую литературу успеха не имела, так как, оставаясь за границей, группа скоро потеряла связь с Россией. В 1884 г. Л. Дейч, пытавшийся перевезти первые издания группы в Россию, был арестован во Фрейбурге германскими властями и выдан русскому правительству. За свою прежнюю революционную деятельность в партии „Земля и Воля" он был приговорен военно-окружным судом в Одессе к 13 г. и 4 м. каторги. Только в 1901 году ему удалось бежать из Благовещенска

---

*) Объясняя неясность и неправильность с с.-д. точки зрения некоторых практических требований своей программы уступками народническим предразсудкам, группа „Осв. Тр." признала свою ошибку в вопросе о непосредственном народном законодательстве: „На счет представительной системы и прямого народного законодательства надо прямо сказать, что в этом отношении гр. „О. Тр." находилась тогда под влиянием идей Риттинггаузена, и что прекрасная работа Каутского: „Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie". (парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия), Stuttgart 1893, заставили ее значительно изменить свой взгляд". „Заря", № 4, ст. Плеханова о программе, стр. 19.

в З. Европу (через Америку) и снова принять участие в социал-демократическом движении.

После ареста Дейча группа „Осв. Тр.“ лишилась своего главного организатора, через которого она поддерживала связи с Россией. Потеряв эти непосредственные связи, она должна была отказаться на некоторое время от издания рабочей литературы и ограничиться печатной и устной пропагандой среди революционной русской молодежи за границей. Из готовившейся к печати „рабочей библиотеки“ появилась только книжка П. Аксельрода: „Рабочее движение и социал-демократия“.

В 1888 г. группа „Осв. Тр.“ издает сборник „Социал-демократ“, который с 1890 г. превращается в социал-демократический журнал (вышло 4 номера). В целом ряде статей члены группы знакомят русского читателя с успехами зап.-европейского рабочего движения (ст. П. Аксельрода о германской социал-демократии) и освещают с социал-демократической точки зрения выдающиеся явления русской и заграничной общественной жизни и литературы (ст. Плеханова: „Н. Г. Чернышевский“, „Русский рабочий в революционном движении“, В. Засулич: „Революционеры из буржуазной среды“ и др.).

Исключительно тяжелые условия, созданные реакцией 80-х годов, были причиной того, что деятельность членов первой социал-демократической организации свелась главным образом к литературной пропаганде за границей *), откуда эта пропаганда распространялась очень медленно в России. Впоследствии русской социал-демократии бросали упрек в том, что ея первая программа была выработана за-границей, и потому должна страдать оторванностью от русской жизни. Поскольку дело идет о научном обосновании классовых интересов пролетариата, то подобный упрек с одинаковым правом можно отнести ко всякой социалистической рабочей партии, которая усвоила идеи „Коммунистического Манифеста“, написанного немцами Марксом и Энгельсом. Но таким патриотическим упреком менее всего могут смущаться „пролетарии всех стран“, у которых „нет отечества“. В свое время некоторые „истинно-немецкие“

*) Заметим, что Дейч, Засулич и Аксельрод неоднократно приезжали „нелегально“ в Россию.

люди упрекали и самого Маркса в том, что он придумал свою программу за пределами Германии.

Однако заграничное пребывание Маркса, остававшегося почти всю жизнь в изгнании, не только не помешало, но значительно помогло ему в выработке теории современного социализма, так как оно дало ему возможность близко наблюдать развитие капитализма и рабочего движения в передовых капиталистических странах, а не только в отсталой Германии.

Заграничное пребывание членов группы „Осв. Тр.“ дало им возможность близко познакомиться с теорией и практикой современного социализма в З. Европе, опередившей нас по пути развития общественных отношений и социалистической мысли, и усвоить идеи научного социализма, которые лежат в основе всей современной социал-демократии.

Что же касается практических задач русских социал-демократов, то они требуют, конечно, глубокого знания своеобразных экономических и общественных условий России. Но все члены группы „Осв. Тр.“ принимали деятельное участие в русском революционном движении, как члены „Земли и Воли“, и в ответ на упомянутые доводы противников они с полным правом могли сослаться на свой революционный опыт: „За границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России. И во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1884 году и напечатанном в 1885 г., нет ни одной строки, которая не имела бы в виду того или иного „проклятого вопроса“ нашей революционной практики, и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики“ *).

И действительно, ни что иное, как неудачи революционной практики привели к полному крушению старых утопических теорий заграничной группы бывших черно-передельцев. Эта же практика должна была показать, насколько далеки или близки были к условиям русской жизни новые социал-демократические взгляды группы „Освобождение Труда“.

---

*) Плеханов, предисловие к „Истор. револ. движения в России“.

II.

Рабочее движение в 70-х и 80-х г.г.

В то время, как революционная интеллигенция возлагала все свое упование на русскую общину и бесплодно растрачивала свои силы на социалистическую пропаганду в деревне, в недрах промышленной России быстро развивалась новая революционная сила—рабочий класс. Правда он был еще очень не велик по числу в сравнении с огромной массой земледельческого населения. Эта-то малочисленность городского пролетариата и внушала народникам уверенность в том, что капитализм не имеет в России никакой почвы и что у нас невозможно рабочее движение в том виде, как оно существует на Западе. „Но если у нас мало рабочих, писал Плеханов в 1893 г., то из этого еще не следует, что у нас должно быть много утопических предразсудков“ *). И действительно, только народнические предразсудки мешали русской интеллигенции разглядеть общее направление нашего экономического развития и действительные размеры уже существующего капитализма.

Еще накануне освобождения крестьян в 1860 году в Европейской России, кроме Финляндии и Польши, считалось, по сведениям департамента торговли и мануфактур, 15.388 фабрик и заводов и 565.142 рабочих. С падением крепостного права капитализм стал развиваться гораздо быстрее, а вместе с тем возрастало и число фабричных рабочих. Но огромное большинство фабрично-заводского населения сохраняло тесную связь с земледелием, покидая фабрику на время полевых работ. Эта связь русского рабочего с землей казалась народникам тем преимуществом России пред З. Европой, которое должно предохранить нас „от язвы капитализма“. На самом же деле такой порядок вещей еще более ухудшал положение наших наемных рабочих, и без того очень тяжелое в периоде первоначального накопления капитала. Привязанные к своим ничтожным наделам, обложенным к тому же непосильными податями, работавшие на фабриках крестьяне изо всех сил стремятся поддержать свое падающее

*) Плеханов: „О русской социал-демократии в России 93 г.“.

хозяйство и на фабричную работу смотрят как на подсобный промысел. Понятно, что при таких обстоятельствах они соглашаются на самые тяжелые условия найма и гораздо менее способны оказать сопротивление эксплуатации, чем профессиональные пролетарии.

Но всякой эксплуатации бывает предел. Волнения и стачки на фабриках начались у нас еще при крепостном праве. Правда, бесправное положение крепостных рабочих делало почти безнадежной всякую борьбу с предпринимателями, которые были в то же время „господами“. Волнения крепостных рабочих мало чем отличаются от крестьянских бунтов.

Более или менее сознательное стачечное движение появляется у нас к началу 70-х годов. В мае 1870 г. забастовали все 240 прядильщиков—Невской бумаго-прядильни в Петербурге, требуя повышения заработной платы. Стачечникам впервые пришлось испытать на себе тяжелую руку русского правосудия, которое с самого начала рабочего движения выступило могучим покровителем капитала. 57 человек были приговорены окружным судом к аресту на разные сроки. Но русский закон, каравший за всякую мирную стачку, как за „бунт“, показался перепуганному правительству слишком слабым средством для охраны „общественной безопасности“ и предпринимательских интересов. После этой петербургской стачки был издан указ, который давал губернаторам право высылать забастовщиков за пределы губернии без всякого судебного разбирательства. Этот указ был применен задним числом к „зачинщикам“ на Невской бумаго-прядильне.

В 1872 году вспыхнула забастовка на огромной Кремгольской мануфактуре в Нарве. Она окончилась так же неудачно, как и петербургская. Депутаты рабочих были арестованы, а для усмирения „бунтовщиков“, требовавших освобождения товарищей, были высланы войска.

Более или менее крупные забастовки происходили в 1874 г. в Москве на суконной фабрике Лазарева; в 1875 г. на заводе Юза и на строившейся Оренбургской железной дороге. В 1876 г. бастуют 500 прядильщиков Никольской фабрики в Орехове-Зуеве, в 1878 г. была стачка в Новой бумаго-прядильне в Петербурге и пр. Только некоторые

из стачек этого времени привели к незначительным уступкам со стороны предпринимателей. Но зато всякая забастовка сопровождалась массовыми рассчетами рабочих, арестами и высылкою сколько-нибудь заметных участников.

Несмотря на жестокие преследования со стороны властей, борьба рабочих 70-х годов была направлена исключительно против предпринимателей. Пред'являя во время стачки требования к хозяевам, рабочие нередко обращаются с жалобами и ходатайствами в полицейский участок. Даже после того, как они убеждались, что полиция—плохой защитник рабочих, они все же надеялись на заступничество высшего правительства, которое непременно должно прийти к ним на помощь. Так, петербургские рабочие во время стачки на Новой бумагопрядильне в 1878 г. обратились с ходатайством о защите прежде всего к приставу. Но тот, после некоторой проволочки, по внушению высшего начальства, стал угрожать ходокам от рабочих наказанием и потребовал, чтобы рабочие приступили к работе на старых условиях.

„Снюхался с управляющим",—решили рабочие и пошли просить защиты у градоначальника. Когда же и градоначальник не оказал никакой поддержки, было решено обратиться за помощью к самому наследнику престола. Сочинив соответствующее прошение, забастовщики торжественно отнесли его всей толпой к Аничкову дворцу. Не дождавшись ответа на свое прошение, забастовщики вынуждены были скоро стать на работу. Они не добились почти никаких уступок, но зато пришли к убеждению, что им не на кого надеяться, кроме как на самих себя. У тогдашнего рабочего, недавно вышедшего из деревни, еще очень сильна была вера в заступничество высшего начальства.

Практика пролетарской борьбы скоро должна была вытравить эту веру. Когда в следующем же году повторилась стачка на Новой бумагопрядильне, то рабочие только смеялись, вспоминая о своих ходатайствах. Умудренные горьким опытом, они пишут уже не прошение к начальству, а воззвание ко всем петербургским рабочим:

„Братья! У нас на Новой канаве стачка уже не в первый раз.

„Каждый раз мы писали просьбы, обивали пороги у всякого начальства; теперь мы видим, что начальство стоит за хозяев, а не за рабочих, и никогда хозяина на рабочих не сменяет!

„Что же нам делать? Неужели позволять хозяевам мудрить над нами, как им вздумается?

„Оттого над нами и брали верх, что не дружно мы стояли. Не только с разных мастерских, с разных фабрик должны помогать друг другу. Поддержите нас, соберите у себя сбор, кто что может".

Такое же воззвание было распространено от бастовавших в то же время рабочих фабрики Шау.

Несмотря на беспримерные преследования, стачечное движение мало-по-малу распространилось по всей России. В 1882 году, когда разразился сильный промышленный кризис, происходили крупные стачки в Петербурге, Нарве, Перми, Иваново-Вознесенске и других городах.

Возникнув помимо всякого постороннего влияния, рабочее движение, особенно в Петербурге, неизбежно должно было встретиться с народническим социалистическим движением. Но что могли дать рабочему классу социалисты-народники, которые возлагали все свои надежды на крестьянскую общину и не придавали почти никакого значения рабочему движению в России? Они не понимали его и не верили в его будущее.

По поводу первой же стачки 1870 г. орган передовой русской интеллигенции. „Отечественные записки" писал: „Настоящее значение стачки у нас неизвестно и неподходяще к характеру (!) *русских* рабочих".

Но, не признавая никакого самостоятельного значения за рабочим классом, народники, однако, не упускали случая устраивать кружки из городских рабочих. Они делали это лишь с тою целью, чтобы выработать из рабочих пропагандистов в крестьянской среде. Не интересуясь рабочим движением, народники не могли, конечно, своей пропагандой удовлетворить самых основных запросов пролетария.

„Идя к рабочим, не то чтобы против воли, — рассказывает один бывший землеволец *), — а так сказать *против*

*) Плеханов, „Русский рабочий в революционном движении". Изд. „Пролетариат", стр 18.

теории, — мы, разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл *идеей четвертого сословия*. Мы проповедывали им не социализм и даже не либерализм (это было бы еще полбеды), а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать „бурзуазные“ политические права и „буржазную“ политическую свободу и ставил пред ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться глубокой ненавистью к правительству и „бунтарским“ духом, мог научиться сочувствовать „серому“ мужику и желать ему всего лучшего, но ни в коем случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария“.

И однакоже, народническая пропаганда принесла немалую пользу рабочему движению. Правда, само по себе народническое учение могло скорее только затемнить классовое сознание рабочих. Но пропаганда народников несомненно дала им некоторые полезные сведения*) и вообще способствовала их умственному развитию. Но самое главное это то, что сближение с революционными организациями интеллигенции помогло организоваться самим рабочим. Созданные народниками рабочие кружки скоро пришли к мысли о самостоятельной рабочей организации, которая, не только наперекор теории, но и помимо воли народников, пришла к *„идее четвертого сословия“*.

В 1875 г. на юге возникла первая большая рабочая организация: „Южно-Русский Рабочий Союз“. Но она очень скоро распалась, так как в том же году было арестовано большинство ее членов вместе с ее основателем Заславским На суде, разбиравшем дело Ю.-Р. Р. Союза, было прочитано письмо Союза к северным товарищам. В этом письме южные рабочие заявили, что они своей ближайшей задачей считают *завоевание политической свободы*. „Не думайте, однако,— писали они,—что мы отказываемся от великой конечной цели, переустройства всего общественного строя и перехода орудий

*) В этом отношении более полезной была пропаганда не „землевольцев“, а так наз. „лавристов“, которые были тогда в значительном меньшинстве, и не пользовались большим влиянием в революционном движении. Особенно ценными были те сведения, которые лавристы сообщали в своих лекциях о западно-европейском рабочем движении.

труда в руки трудящихся. Мы только считаем, что этой цели всего легче добиться уже по завоевании политической свободы.

Таким образом, мысль передовой части рабочих, затронутых революционной пропагандой, еще в половине 70-х годов, пришла к идее „буржуазной“ политической свободы, от которой открещивались интеллигенты-народники.

После распадения Ю.-Р. Р. Союза это „политическое“ направление продолжало делать успехи в наиболее сознательной части рабочего класса, несмотря на упреки со стороны народников, считавших это направление буржуазной ересью. Еще более определенно была разработана мысль о необходимости политической свободы северными рабочими.

Начиная с 1877 г. из отдельных кружков, примыкавших к обществу „Земля и Воля“, стала складываться самостоятельная рабочая организация, которая окончательно была основана в 1879 г. под названием „Северного Союза Русских Рабочих“. В первое же время после своего основания Союз насчитывал больше 200 членов. Его отделения с особыми комитетами, кассами и конспиративными квартирами были рассеяны по всему Петербургу. Руководство всеми делами Союза принадлежало центральному кружку, в распоряжении которого находилась центральная касса Союза и его библиотека. Душою Союза и главным ее организатором выступил столяр Халтурин. Об'единившись в самостоятельную рабочую организацию, „Северный Союз Русских Рабочих“ изложил свою программу в „Воззвании ко всем русским рабочим“.

„Северно Русский Рабочий Союз“,—говорилось в этом воззвании,—„тесно связанный в своих задачах с западно-европейскими рабочими партиями, выставляет следующую программу:

1) Уничтожение существующего политического и экономического строя.

2) Основание вольного народного союза (федерации) общин на основании полного равноправия при полном внутреннем самоуправлении.

3) Отмена частной собственности на землю и замена ее общинным землевладением.

4) Организация рабочих ассоциаций, передача всех средств производства и орудий труда в руки производителей.

Изложив эти *социалистические* требования, программа Союза продолжает:

„Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода печати и слова.

2) Свобода собраний и союзов.

3) Отмена тайной полиции и преследований за политическую деятельность.

4) Отмена сословных прав и привилегий.

5) Уменьшение постоянного войска или же его полная замена всеобщим народным вооружением.

6) Всеобщее бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

7) Право сельских обществ свободно заведывать своими делами.

8) Отмена паспортов.

9) Отмена косвенных налогов и замена их прямым налогом на доходы и наследства.

10) Ограничение числа рабочих часов на фабриках и заводах и запрещение детской работы.

11) Основание производительных артелей и товарищеских касс с беспроцентным кредитом от казны.

Такова была первая программа русских рабочих. Она была совершенно самостоятельно выработана рабочими, которые ревниво оберегали Союз от всякого вмешательства интеллигенции. По уставу членами Союза могли быть только рабочие. Однакоже нетрудно разглядеть в этой программе влияние народничества, которое сказалось в требовании федерации общин и государственной поддержки артелей. Основатели Союза вполне усвоили взгляды на будущее общество социалистов-народников, понимавших это общество в духе анархического коммунизма.

Кроме отсутствия научного обоснования социалистических требований, можно указать еще на другой недостаток этой программы: перечисляя в своих ближайших требованиях отдельные свободы, программа совершенно умалчивает о самом главном—замене существующей самодержавной власти народным представительством, которое только и может обеспечить все перечисленные свободы.

Но при всех этих недостатках, эта замечательная программа сделала огромный шаг вперед в сравнении с народничеством. Она впервые неразрывно связывает дело социализма с борьбою за политическую свободу. За „Северным Союзом Русских Рабочих“ нужно признать, таким образом,

огромную заслугу в том, что в истории нашего социалистического движения он первый отделался от утопических представлений „самобытных“ русских социалистов о социальном перевороте, который должен совпасть с предстоящей политической революцией. Заявляя в своей программе, что „решение социального вопроса прежде всего обеспечивается политической свободой“, Союз написал на своем знамени то самое требование, в защиту которого через 4 года выступила группа „Освобождение Труда“ во всеоружии научного социализма.

Однако, успехи „Сев. Союза Русских Рабочих“ не изменили взглядов народников на рабочее движение, а его программа встретила решительное осуждение на страницах „Земли и Воли“.

Отстаивая свою программу, Союз продолжал развивать свою деятельность. Еще при самом его возникновении явилась мысль об издании рабочей газеты. Редактором единогласно был выбран Халтурин. В газете предполагалось главным образом помещать сообщения самих рабочих об их положении на фабриках и заводах. Передовицы же должны были обрабатывать и освещать этот материал. Союзу удалось издать в собственной типографии 1-й № газеты „Заря Рабочего“. Но этот № был арестован тотчас же по отпечатании в феврале 1880 г. и потом уже возобновить издание газеты не удалось.

„Сев. Союз Русских Рабочих“, как показывает его название, вовсе не хотел ограничиться одним Петербургом; с самого начала своего существования он стремился завести связи с рабочими в провинции, с тем, чтобы потом устроить всероссийскую рабочую организацию.

Однако, обстоятельства сложились очень неблагоприятно для неокрепшего еще союза. Хотя он и стремился к полной самостоятельности, но на практике ему еще трудно было обойтись без помощи революционной интеллигенции, когда нужны были квартиры, паспорта или нелегальная литература. А между тем, эта интеллигенция уже ко времени основания Союза все более вовлекалась в террористическую борьбу. Когда же образовалась партия „Народной Воли“,—террор поглотил почти все силы революционеров, и рабочие организации были предоставлены самим себе. Кро-

ме того, террор „Народной Воли“ создавал еще большие затруднения для деятельности самих рабочих. Каждое новое покушение вело за собою усиленные репрессии, которые отзывались гораздо тяжелее на рабочих организациях, чем на террористах.

К тому же все больше ожесточавшаяся террористическая борьба с правительством стала мало-по-малу увлекать также и передовых рабочих. Доведенные до отчаяния постоянными „провалами“, они решили примкнуть к народовольцам, надеясь, что удачное покушение на царя принесет с собою политическую свободу и, таким образом, откроет простор для рабочего движения *).

Мы видели, что передовая часть сознательных рабочих сумела не только взять из революционной пропаганды народников все то, что она могла им дать, но смогла также самостоятельно переработать заимствованное у народников учение и внести в него те поправки, которые подсказывались им нуждами рабочего движения. Точно так же сумели оценить некоторые рабочие и террор „Народной Воли“, справедливо полагая, что этот способ борьбы совершенно не пригоден для рабочего класса. Но разгоравшаяся террористическая борьба подавала слишком большие надежды на скорую победу. Эти-то надежды и побудили рабочих, скрепя сердце, оставить свое „рабочее дело“, чтобы оказать помощь „Народной Воле“, с которой они и разделили ее ошибки заговорщической террористической тактики.

Лишившись не только поддержки со стороны революционной интеллигенции, но также и своих лучших сил из рабочей среды, „Северный Союз Русских Рабочих“ стал быстро клониться к упадку и скоро должен был прекратить свое существование. Наступившая же после разгрома „Народной Воли“ реакция наложила свою руку также и на рабочее движение.

Правда, промышленный кризис 1882 г. вызвал повсеместные волнения и стачки рабочих в промышленных центрах. Но к этому времени прежние рабочие организации

*) Так рассуждал, например, Халтурин. Из этих рассуждений мы можем заключить, что примкнувшие к террористам рабочие вовсе не разделяли их утопических надежд на социальный переворот, который должен последовать за покушением и захватом власти.

были уже совершенно обессилены. Они лишились самого сознательного своего ядра и не могли придать стихийному движению сознательную форму, не могли оказать никакого противодействия тем темным силам, которые толкнули озлобленный народ на еврейские погромы, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, столкновением с войсками...

При таких тяжелых условиях приходилось продолжать дело „Северного Союза Русских Рабочих“ первым последователям социал-демократического учения, которые, в противоположность народникам, стремились направить все свои силы на пропаганду социализма среди промышленных рабочих. Отдельные сторонники социал-демократии из революционной интеллигенции стали появляться почти тотчас же после первых изданий группы „Освобождение Труда“. Но в общем идеи научного социализма в течение 80-х годов пролагали себе дорогу в России очень медленно.

Первая социал-демократическая организация, занявшаяся пропагандой научного социализма среди рабочих, появилась в Петербурге в 1884 году. Она возникла совершенно независимо от группы „Освобождение Труда“, с которой, однако, скоро вступила в тесные сношения. Одним из ее основателей был болгарский студент Благоев, приехавший учиться в Петербург в 1880 г. Здесь он познакомился со многими народовольцами и чернопередельцами, но взгляды обеих этих фракций его не удовлетворяли, и после долгих споров с ними он обратился к изучению „Капитала“ Маркса и сочинений Лассаля. Ознакомившись с этими сочинениями, Благоев уже в конце 1883 г. приступил к пропаганде научного социализма среди петербургской интеллигенции. Наибольший успех он имел, по его рассказам, среди чернопередельцев. В 1884 г., благодаря его усилиям, сорганизовалась социал-демократическая группа, которая, выработав свою программу, приступила к практической деятельности. Группа вела пропаганду среди рабочих, а также среди интеллигенции, главным образом в студенческих кружках.

Первоначальные взгляды группы, как вспоминал потом Благоев, значительно отличались от взглядов современной социал-демократии. Они представляли смесь научного социализма с лассалианством и „лавризмом“. „В основе наших

взглядов и программы, писал Благоев к одному товарищу, лежал общий принцип социал-демократии, а именно, что рабочий класс России должен выделиться в самостоятельную политическую партию, конечная цель которой должна состоять в преобразовании общества на социалистических началах, на коллективном владении средствами производства, что для приближения к этой цели рабочему классу России необходимо прежде всего добиться конституции, и что в России конституционное управление останется мечтой до тех пор, пока не явится сильная рабочая партия с самостоятельными от буржуазии задачами. Политическую свободу мы считали первым необходимым условием для того, чтобы можно было бороться для социалистического переворота. А этот последний мы представляли себе по Лассалю, т.-е. через рабочие ассоциации, субсидируемые государством".

В духе этой программы петербургская социал-демократическая группа стала издавать в 1885 г. газету „Рабочий"— орган партии русских социал-демократов.

Но вскоре после своего возникновения петербургская группа завела сношение с группой „Освобождение Труда", с которой она долго вела переписку о программе. Эти сношения окончились тем, что петербургские социал-демократы окончательно приняли программу группы „Освобождение Труда". Уже в № 2 „Рабочего" была напечатана статья Плеханова: „Современные задачи русских рабочих" („Письмо к петербургским рабочим кружкам") и статья П. Аксельрода о западно-европейском рабочем движении. В своем письме к петербургским рабочим Плеханов развивает главным образом ту мысль, что борьба за экономическое освобождение неразрывно связана с борьбой за политическую свободу. Задачи рабочих кружков сводятся по мнению Плеханова, к тому, чтобы: 1) развивать сознательность в среде товарищей, 2) организовать и сплачивать их силы, 3) направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное, облегчили бы окончательную победу рабочих в будущем.

Эта первая социал-демократическая организация в России просуществовала недолго. Уже в марте 1885 г. один из

ее главных деятелей Благоев был арестован и выслан из России, как иностранец *).

27 января 1886 г. группа подверглась полицейскому разгрому, от которого она уже не могла оправиться. Были арестованы: Харитонов, Бутков, Теселкин, кн. Кугушев, бр. Катаевы, Артаумов. Была взята также типография группы, печатавшая газету „Рабочий". Оставшиеся члены поддерживали начатую работу до следующего года, когда они подверглись участи своих товарищей.

Последовательно возникавшие потом социал-демократические группы в общих чертах повторяли историю своей предшественницы. Аресты выметали обыкновенно без остатка всю организацию, не оставляя непосредственных преемников.

Организованный Брунсевым социал-демократический кружок студентов-технологов должен был заново устанавливать связи с рабочими, прежде чем приступить к пропаганде. Эта новая группа стремилась расширить свою организацию и установила связи с некоторыми провинциальными городами. Аресты 1892 г. прекратили ее существование. В 1888 г. небольшая социал-демократическая организация была основана д-ром Абрамовичем в Киеве, где ему удалось сорганизовать до 30 рабочих. Эта организация была уничтожена арестами в следующем же году. К началу 90-х годов отдельными последователями научного социализма социал-демократическая пропаганда заносится почти во все крупные промышленные города: Петербург, Киев, Харьков, Казань, Ростов-на-Дону, Тулу, Минск, Вильну.

Несмотря на все неблагоприятные условия 80-х годов, идеи современного социализма, хотя и очень медленно, все же прокладывают себе дорогу в рабочей среде. Сторонников нового учения было еще очень мало, а затишье, наступившее в рабочем движении, не позволяло даже и думать о широкой политической борьбе или хотя бы о такой широкой рабочей организации, какою был „Северный Союз Русских Рабочих". Единственной возможной задачей для немногочис-

---

*) Возвратившись к себе на родину, Благоев поддерживал некоторое время связи с Петербургской социал-демократической группой. Потом он принял деятельное участие в болгарской с.-д. партии, как депутат болгарского Народного Собрания и редактор научного социалистического журнала.

ленных с.-д. групп, затерявшихся на огромном пространстве Российской империи, была неустанная пропаганда в тесных рабочих кружках, которые в свою очередь должны были вербовать и об'единять все новых сторонников социал-демократии, новых сознательных товарищей.

Невелики были эти кружки и незаметна была работа первых социал-демократов в России. Но в безотрадные времена 80-х годов, когда прекратилось всякое организованное революционное движение, уступая дорогу торжествующей реакции, а хранители „славных традиций Народной Воли" вырождались в самых плоских либералов,—эти небольшие рабочие кружки были единственным залогом лучших времен, зародышем будущей социалистической рабочей партии.

Ш.

Социал-демократия и рабочее движение 90-х годов.

„Она—Р. С.-Д Р. П.—хочет быть и остаться—классовым движением организованных рабочих масс". (Манифест Р. С.-Д. Р. П. 1898 г.).

90-е годы принесли с собою новый, небывалый под'ем общественной жизни. После долгих лет застоя „вековые устои качнулись", наконец, для того, чтобы никогда уже не прийти в равновесие.

Так называемая „эпоха великих реформ" была выражением очень мелкого общественного движения, которое не шло дальше образованных, либеральных помещиков. 70-е годы вывели на сцену еще разночинную интеллигенцию, но и этот общественный слой, принявший участие в сознательной политической жизни, был очень невелик и оказался тем более ничтожной политической величиной, чем грандиознее были его благие пожелания. Считая свои собственные утопические идеалы выражением интересов крестьянства, социалисты-народники хотели построить здание социализма на том самом основании, которое на самом деле было самой прочной опорой старого режима. В этом и заключается утопизм народ-

нического революционного движения, которое было обречено на неудачу политической неподвижностью того класса, на который оно хотело опереться. Вместе с упадком движения рушились и самые утопические теории, по мере того, как после опыта революционной борьбы исчезала вера в революционные силы „народа“, т.-е.—крестьянства. Горькое разочарование в „народе“ звучит в тоскливой интеллигентской „дубинушке“—этом истинном произведении 80-х годов:

„...завещает родному он сыну
лишь слепую покорность судьбе роковой“...

Совсем иную картину представляет движение 90-х годов, которое, раз начавшись, продолжало расти и усиливаться, захватывая все более и более широкие слои народа, пока, наконец, не потрясло старый режим до самого основания.

Первым сильным толчком, всколыхнувшим стоячее болото реакции, был голод 1891—92 гг. Разразившийся неурожай окончательно разорил хозяйство „податного сословия“, благосостояние которого и раньше не поднималось выше уровня нищеты, благодаря финансовой политике, откровенно покровительствовавшей поместному дворянству и крупнейшей буржуазии. Но само по себе крестьянство и теперь еще, на краю голодной смерти, не представляло для правительства опасной силы. Если прежде нищета и бесправие не могли одолеть „слепой покорности“ забитой крестьянской массы, то теперь голод и последовавшая за ним холера могли породить только стихийные холерные бунты, сопровождавшиеся избиением земских врачей, разгромом и т. п.

Но либеральную буржуазию этот голод пробудил от долгой политической спячки. Передовая печать указывала, что голод—не случайное бедствие, а результат многолетней политики правительства, подкопавшей основы народного хозяйства. Самодержавие, которое еще недавно казалось огромной силой, опиравшейся на устойчивое и выносливое крестьянство, теперь было об'явлено „колоссом на глиняных ногах“.

Но ни крестьянские бунты, ни либеральное движение не представляли большой опасности для самодержавия. Все это было у нас и раньше. То, что вносило совершенно новый смысл в движение 90-х годов, что придавало ему особую силу, и в конце концов должно было сыграть решающую

роль,—это было поразительно быстро растущее рабочее движение, которого не знали предыдущие десятилетия.

Неурожай 91—92 гг. не только произвел опустошение в деревне, но и сильно подорвал уже значительно развитую фабричную промышленность. Разорив крестьянство, он лишил наши фабрики главного рынка и привел к сильному промышленному кризису. Неизбежные при всяком кризисе понижение заработной платы и массовая безработица вызвали повсеместные волнения рабочих. В 1892 г. были крупные беспорядки в Юзовке, окончившиеся военным усмирением. В 1893 г. происходят забастовки и волнения рабочих в Петербурге, Харькове и Ростове на-Д. В следующем году забастовки распространяются почти на все промышленные центры России.

Широко развернувшееся рабочее движение привлекает к себе внимание передовой русской интеллигенции. Присматриваясь к русской действительности, эта интеллигенция скоро должна была порвать с традициями народничества, которое было совершенно бессильно об'яснить новые явления русской экономической жизни, и согласовать с ними свои прогрессивные стремления. Бьющие в глаза успехи капитализма и широко распространившееся рабочее движение сделали то, чего не могла достигнуть литературная пропаганда группы „Освобождение Труда“ в 80-е годы. Те самые мысли, которые высказались в „Наших разногласиях“ и приобретали в свое время лишь единичных сторонников, теперь быстро усвоивались передовой русской интеллигенцией, так как находили блестящее оправдание в русской экономической и общественной жизни. Спор о значении капитализма и развитии его в России скоро перешел на страницы легальной печати и стал предметом ожесточенной борьбы между отживающим свои дни народничеством и сторонниками учения Маркса. В 1894 г. появляются в печати „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России“ П. Струве, это первое крупное произведение русского легального марксизма. Огромную роль в распространении новых взглядов сыграла книга Плеханова, изданная легально под псевдонимом Бельтова в 1895 г.: „К вопросу о монистическом понимании истории“. Она сводила окончательные счеты с народничеством в лице его самого популярного

представителя Н. К. Михайловского. С 1894 г. марксистами стал издаваться журнал „Новое Слово“, который с большим успехом продолжал начавшийся в легальной литературе поход против народников. Эта марксистская критика развенчивала народничество, как „передовое направление“ русской интеллигенции, в котором видели продолжение „славных традиций Народной Воли“, и привела к тому, что к концу 90-х годов „марксизм“ стал господствующим направлением в среде революционной молодежи.

Впоследствии обнаружилось, что далеко не все представители этого „легального“ марксизма, остались в то же время сторонниками русской социал-демократии. В то время, по цензурным условиям, в легальной печати было невозможно изложить учение Маркса во всей полноте. Пока дело шло о значении капитализма, о роли внутреннего и внешнего рынков и т. п., в среде „легальных“ марксистов, дружно боровшихся против народников, не замечалось никаких разногласий. Научные взгляды народничества в этих вопросах не выдерживали критики даже с точки зрения современной буржуазной политической экономии. Неудивительно поэтому, что в лагере „легального“ марксизма, под которым понимали все то, что боролось против народнических теорий, не замедлили обнаружиться крупные разногласия, как только споры с народниками приходили к концу. По мере того как даже сквозь цензурные перегородки все яснее выступало революционное содержание марксизма, как теоретического обоснования современной социал-демократии, многие из прежних его сторонников стали один за другим перебегать в лагерь либеральной буржуазии. Это случилось прежде всего с тремя наиболее популярными из „легальных“ марксистов: Струве, Туган-Барановским и Булгаковым—выступившими с критикой „ортодоксального“, т.-е. революционного марксизма. В этом и заключается пресловутый „кризис марксизма“, который доставил столько удовольствия и утешения нашим народникам, потерпевшим полное поражение от марксистов.

Массовое увлечение марксизмом русской интеллигенции, т.-е. демократической и либеральной буржуазии, и не могло, конечно, создать из этой буржуазии социал-демократических кадров. Но учению Маркса суждено было сыграть у нас ту

роль, какую оно не играло, кажется, ни в какой другой стране. Оно помогло русской интеллигенции освободиться от тяготевших над нею традиций народничества, которое, при данном уровне производительных сил, становилось все более *реакционным*. В учении Маркса прогрессивная буржуазия нашла то оружие, с помощью которого она с успехом боролась против реакционной мелко-буржуазной идеологии. Подобно тому как „Северный Союз Русских Рабочих" сумел значительно переработать народнические теории в духе социал-демократии, так и русская буржуазная демократия, воспользовавшись для своих целей революционной социал-демократической теорией, сумела переработать эту теорию „критикой" и приспособить ее к своим либеральным идеалам.

Но если революционный характер „ортодоксального" марксизма оттолкнул от него широкие слои „интеллигенции", то тем более крепко стала держаться этого учения революционная часть интеллигенции, которая теперь стала быстро пополнять ряды социал-демократии.

Рост рабочего движения и широкое распространение учения Маркса среди интеллигенции впервые создают у нас благоприятные условия для развития современной социал-демократии.

Однако в первой половине 90-х годов социал-демократическая работа почти не изменила своего характера и ограничилась, как и в 80-е годы, кружковой пропагандой. Она только увеличивается количественно и из главнейших промышленных центров—Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Киева, Екатеринослава—распространяется на новые местности. Особенно быстрые успехи с.-д. пропаганда делает в Северо-Западном крае среди еврейского пролетариата. Главнейшим центром движения и рассадником социал-демократии здесь явилась Вильна, где первые социал-демократические кружки из еврейской интеллигенции появляются одновременно с петербургскими еще в половине 80-х годов.

Но повсюду работа социал-демократов попрежнему носит пока только подготовительный характер. Она ставит себе задачей выработать из рабочей среды достаточное количество сознательных социал-демократов, которые могли бы в будущем оказать личное влияние на рабочие массы и руководить их борьбой. Как смотрели на свои ближайшие цели

небольшие социал-демократические кружки, мы лучше всего поймем из речей сознательных рабочих на тайном собрании 1 мая 1891 г. в Петербурге:

„...чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее,—говорил один оратор,—нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и сильных и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим".

„Следовательно успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии; и потому товарищи, наш долг, как честных и развитых людей, приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных пропагандистов и организаторов в социально-революционном деле и энергичных борцов за право человека и светлое будущее" *).

Так же точно смотрят на свои ближайшие задачи и еврейские социал-демократы. На тайном первомайском собрании, где присутствовало около 100 человек сознательных рабочих, один из них говорил:

„Мы не можем сидеть сложа руки и ждать помощи сверху: только от нас самих зависит наше освобождение и спасение. По мере возможности каждый должен стараться учить и себя и других и таким образом способствовать образованию на первых порах хоть маленьких кружков".

Этот узкий, кружковой характер работы был неизбежным до тех пор, пока ничтожное количество сознательных социал-демократов-рабочих тонуло в море темной рабочей массы. Понятно, что в период кружковой пропаганды социал-демократия остается в стороне от рабочего движения, на которое она еще бессильна оказать влияние. Как и знаменитая Морозовская стачка 1885 г., так и широкое стачечное движение начала 90-х годов происходит без всякого участия социал-демократов, которые, при слабости своих сил, не расчитывают оказать влияние на рабочие массы и не рискуют разбить те небольшие социал-демократические рабочие кружки, которые им удается создать путем долгих усилий.

*) Первое мая 1891 г. „Четыре речи рабочих". Женева, 1892 г.

Но по мере того, как расширялись с.-д. кружки и стихийно развивалось рабочее движение, одна только пропаганда перестала удовлетворять сознательных рабочих, которые стремятся принять участие в пролетарской борьбе.

„Чаша переполнилась,—говорит одна еврейская работница на том же первомайском собрании 92 г.:—Дальше продолжаться так не может. Наша покорность и безропотность ни к чему не поведут—мирным путем мы ничего несделаем. Мы должны бороться с нашими врагами. Но, конечно, каждый человек должен измерять свои силы... поэтому мы должны бороться с нашими ближайшими врагами, с которыми нам приходится сталкиваться каждый день, а именно с нашими хозяевами".

„...Чтобы не было между нами такой разрозненности, чтобы об'единиться—мы должны устраивать частые сходки... Все должны стараться основать кассы и заботиться об их расширении. Мы должны устраивать стачки".

Но прошло не мало времени, пока эти новые пути и способы борьбы преодолели все сомнения и проложили себе дорогу в социал-демократической практике. По мере расширения работы возникает борьба против „кружковщины" и созревает мысль о необходимости перейти от выработки отдельных социал-демократов путем пропаганды к широкой агитации в рабочих массах на почве повседневных нужд и требований. В первый раз эта мысль была обстоятельно развита в брошюре „Об агитации". Эта брошюра появилась в Вильне в 1894 г. и долго ходила по рукам в рукописи, пока не была издана в Женеве в 1896 г.

„Как бы широко ни было рабочее движение,—говорится в брошюре,—успех его не обеспечен до тех пор, пока рабочий класс не станет твердо на почву политической борьбы". „Как ни проста и очевидна идея политической свободы проникнуться ею, притом еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор. пока не перестанет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей не будет невозможным в пределах существующих политических условий. Задачей социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой

агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимает их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и в конце концов поставит пред ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный таким образом к более серьезной борьбе, рабочий класс приступает к решению своих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом более сознательном виде создаст почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса... Тот не социал-демократ, кто своею деятельностью не содействует росту классового сознания и революционных требований пролетариата".

Стремясь расширить социал-демократическую работу, брошюра создавала таким образом целую „теорию" агитации. Приступая слишком осторожно к новой задаче, автор в интересах сближения социал демократии с массой суживает самые задачи социал-демократии, рекомендуя ограничиться чисто-экономической агитацией в течение целых двух стадий, пока рабочий класс не будет подготовлен к политической борьбе. Грубая ошибка этой теории заключалась в том, что она предполагала для политической борьбы политическую зрелость всего рабочего класса, а не передовой его части, хотя бы и очень немногочисленной, и таким образом откладывала политические задачи социал-демократии в долгий ящик.

Несмотря на эти недостатки, брошюра „Об агитации" имела большое значение для расширения социал-демократической работы. Большую пользу нашему движению она принесла не своей доктринерской теорией, а той практикой, которую она настоятельно рекомендовала. Практика же сводилась к широкой агитации в массах и руководству экономической борьбой рабочих. Такая практика была большим шагом вперед в сравнении с „кружковщиной", которая оставляла социал-демократов в стороне от рабочего движения. Борьба с „кружковщиной" стала настоятельной необходимостью не только потому, что при изменившихся условиях она стала отсталой формой, не позволяла придать работе более широкий размах, но так же и потому, что она ме-

стами вырождалась в уродливые формы. Нередко спропагандированные рабочие, всецело погружаясь в науку, становились менее чутки к повседневным злобам окружающей их „серой“ массы, становились чуждыми этой массе, на которую они смотрели свысока. Из среды этой отсталой части социал-демократов, потерявшей чутье к вопросам жизни и твердо державшихся раз выработанных приемов работы, и выступили главным образом противники массовой агитации, когда возникли горячие споры по поводу выдвинутого вопроса. Как это всегда бывает, новые взгляды окончательно восторжествовали только тогда, когда они наглядно были подтверждены опытом.

В самых старых центрах движения устная агитация в кружках и небольших собраниях ведется уже в 1893—94 гг. Но скоро могучим агитационным средством становятся социал-демократическия прокламации, которые дают возможность захватить самые широкие массы неорганизованных рабочих. В Петербурге гектографированные с.-д. листки появляются уже в январе 1895 г. по поводу стачки на заводе Семянникова. После этого первого опыта, оказавшегося очень удачным, петербургские социал-демократы издали целый ряд печатных прокламаций в течение этого года, который был богат стачками (в порту, на суконной фабр. Торнтона, на табачной фабр. Лаферм и др.). В Москве агитация посредством прокламаций начинается еще раньше. После целого ряда гектографированных листков социал-демократам удалось, наконец, в конце 1894 г. распространить печатную прокламацию, которая имела огромный успех. Какой дружный отклик в самых широких массах рабочих встречала социал-демократическая агитация,— совершенно неожиданно показала первая маевка в Москве в 1895 г. Хотя, по примеру петербургской маевки 91 г., она была отпразднована на тайном собрании, в котором приняли участие всего 250 человек, но слухи об этом собрании распространились по всей Москве. Выпущенные организацией первомайские листки с величайшим интересом читались всем рабочим населением, а участники тайного собрания выступили на другой день истолкователями этих листков и передавали собиравшимся повсюду группам рабочих содержание произнесенных речей. Таким образом, в более

старых организациях и вместе с тем в крупнейших центрах рабочего движения, как Петербург и Москва, социал-демократическая агитация, на-ряду с пропагандой, входит в практику местной работы, как только оказывается достаточное количество сознательных социал-демократов из рабочей среды, которые и являются необходимыми проводниками этой агитации в массах. „Кружковщина“ оказывается более живущей в городах со слабо развитой промышленностью или же там, где поздно занесенная пропаганда не успела еще подготовить достаточного количества рабочих для агитации.

Начало широкому применению агитации даже в более отсталых центрах движения положила знаменитая стачка петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 году. Небывалая по своим размерам (более 30000 чел.) и по своей стойкости и выдержанности, эта стачка имела большое значение не только для Петербурга, но и для всей России, т.к. повсюду встретила огромное сочувствие и будила классовую солидарность в рабочих массах. Зараженные этим боевым настроением, забастовали московские железнодорожные рабочие, которые, вслед за петербургскими ткачами, выставили неприятное для правительства требование уплаты за коронационные дни. О русском рабочем движении заговорили во всем мире, и правительство не только не может уже замалчать „рабочий вопрос“, но в своем „Правительственном Вестнике“ в первый раз сообщает во всеобщее сведение о деятельности с.-д. организаций. Оно горько жалуется на социал-демократов, которые стараются „придать стачкам социальный характер и в этом смысле руководить забастовщиками“. И действительно, петербургская и московская с.-д. организации, еще раньше пустившие корни в рабочие массы, теперь успешно вели усиленную агитацию, так что во время стачки по правительственному сообщению появилось „25 различного содержания подметных листков“.

Петербургская стачка окончательно рассеяла сомнения некоторых социал-демократов в том, что стачки, при наших полицейских порядках, могут оканчиваться успешно и приносить какую-нибудь пользу рабочему движению. Опыт этой стачки ясно обнаружил, каким могучим средством воспитания классового сознания может стать руководство со-

циал-демократов экономической борьбой рабочего класса и агитация на почве этой борьбы, при наших политических условиях.

Эти новые приемы массовой агитации получают теперь всеобщее признание и скоро повсюду входят в практику социал-демократической работы.

Применяясь к новым задачам, складываются новые, более сложные организации. Наряду с пропагандистскими кружками организуются рабочие кассы для поддержки стачек, помощи заключенным, покупки нелегальной литературы и т. п. Вокруг этих касс группируются более широкие слои сознательных рабочих, а руководителями и организаторами выступают все более сами рабочие. Если в первой половине 90-х годов социал-демократическая работа по необходимости ограничивалась главным образом пропагандой и отливалась в форму „кружковщины", то, начиная со второй половины этого десятилетия, вместе с поразительно быстрым ростом рабочего движения и расширением практической деятельности социал-демократов,—стали быстро вырастать прочные социал-демократические организации. В 1895 г. в Петербурге все местные социал-демократические группы об'единяются в С.-Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", за подписью которого и распространяются прокламации. В этом же году образовался „Иваново-Вознесенский Рабочий Союз", который оказался, однако, на первых порах слишком слабым для широкой агитации и, опасаясь разгрома неокрепшей еще организации, не решился принять участия в крупной стачке, которая возникла в этом году на Ив.-Вознесенской ткацкой мануфактуре. В 1896 г. в Москве многочисленные с.-д. группы об'единялись в „Московский Рабочий Союз", который в скором времени насчитывал уже до 1000 рабочих В этом же году Московский Союз послал своим представителем В. Засулич на Лондонский международный социалистический конгресс, на котором нашей делегацией было подробно доложено о только что минувшей стачке петербургских ткачей, о росте рабочего движения и успехах социал-демократии в самодержавной Российской империи. В следующем году „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса" возникают и в трех крупнейших промышленных

центрах Юга: в Киеве, Харькове и Екатеринославе. В этом же году были основаны еще две крупные с.-д. организации: „Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше и Литве“ (Бунд) и заграничный „Союз русских социал-демократов“.

Окрепшие социал-демократические организации повсюду ведут широкую агитацию, как печатную — посредством своих листков, так и устную—через своих организованных рабочих, которые все более тесно связывают организацию с рабочей массой и дают возможность чутко прислушиваться к интересам рабочего движения. Но скоро стали обнаруживаться и недостатки этой работы. У более сознательных рабочих, не входивших в организации, эти листки только разжигали любознательность, но не могли ее удовлетворить. Создать же популярную литературу было делом гораздо более трудным, чем печатать небольшие листки. Дело в том, что тесно сплоченные на местах союзы были совершенно оторваны друг от друга и должны были самостоятельно обслуживать все свои потребности. А между тем, издание брошюр было не под силу ни одной из отдельных организаций. Единственным источником, который обслуживал общие потребности в литературе, была заграничная группа „Освобождение Труда“. В начале 90-х годов этой группой были изданы брошюры Плеханова: „Всероссийское разорение“ и „Задачи социалистов в борьбе с голодом в России“. Наряду с прежними изданиями группы „Осв. Тр.“ эти брошюры, попавшие в соц.-демокр. кружки, имели большое значение для теоретического развития первых наших социал-демократов, только-то приступавших к практической работе. Но они не были доступны широким слоям рабочих. А те немногие популярные брошюры, которые были изданы группой „Осв. Тр.“ („Речь Петра Алексеева“, „4 речи русских рабочих“, „Наемный труд и капитал“ Маркса, а позднее „Машина“ Кольцова, „Десятилетие морозовской стачки“ и др.), далеко не могли удовлетворить огромный спрос со стороны рабочих. Поэтому на ряду с печатными книжками в это время в большом ходу были рукописи переведенных сочинений Энгельса, Лассаля, Бебеля и пр. С 1896 года группа „Осв. Тр.“ стала издавать популярный журнал „Работник“ и „Листок Работника“. По богатству материала эти издания были ценным вкладом в социал-демо-

кратическую литературу, но они попадали в Россию слишком в небольшом количестве и притом не аккуратно. Только с 1897 г., когда образовался за границей „Союз русских социал-демократов“, в который вошла и гр. „Осв. Тр.“, издательство популярной литературы и доставка ее в Россию приняли большие размеры, хотя, конечно, никогда не могли вполне удовлетворить все возраставшему спросу.

Подпольные социал-демократические типографии до самого последнего времени не могли подняться выше уровня „кустарного“ производства. Они превосходно приспособились к изданию прокламаций, распространение которых непрерывно возрастало и, несмотря на частые „провалы“, достигло огромных размеров. Но издание брошюр было редким исключением*). Потребность в живом печатном слове была так велика, что некоторыя организация скоро приступили к изданию своих печатных органов. С конца 1896 г. стала издаваться в Киеве „Рабочая Газета“, а в 1897 г. в Петербурге „Рабочая Мысль“. В этом же году в Варшаве вышел № 1 „Голоса Рабочего“ (на еврейском жаргоне), изданный группою рабочих без ведома организации. Эта газета стала центральным органом „Бунда“. Но регулярное издание газеты оказалось не под силу даже самым сильным организациям. Номера появлялись очень редко и обыкновенно отставали от текущей жизни. Только Бунду удалось издать с 1897 по 1901 г. 25 номеров „Голоса Рабочего“. Из русских социал-демократических газет дольше других просуществовала „Рабочая Мысль“, закончившая существование на 16-м №. Но уже начиная с 3 № издание ея пришлось перенести за границу.

Поразительно быстрый рост социал-демократических организаций в 94—97 г. закончился первым социал-демократическим с'ездом, провозгласившим о существовании Российской Социал-демократической Рабочей Партии. Когда отдельные организации в крупнейших промышленных центрах развили широкую деятельность, и когда они настолько упрочились, что никакие аресты не могли уже остано-

*) Самой большой книгой, изданной социал-демократами в России, была, насколько нам известно, „Эрфуртская программа“ Каутского, отпечатанная в типографии Ц. К. в 1905 г. накануне появления ее в легальном издании „Буревестника“.

вить работу, мысль об об'единении всех организаций в единую рабочую партию возникла сама собою.

Весною 1898 г. в одном из небольших городов Литвы собрались представители всех крупных с.-д. организаций России. С'езд был созван по почину редакции киевской „Рабочей Газеты", которая разослала приглашения во все организации, с которыми она имела связи. На с'езде были представлены след. организации: Петербургский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский и Московский „Союзы борьбы", группа, издававшая „Рабочую Газету", заграничный „Союз русских социал-демократов" и „Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в России и Польше". Ни одна из этих организаций, кроме заграничного Союза, до сих пор не называла себя официально социал-демократическим именем. Они делали это для того, чтобы не отпугивать массы непонятным иностранным словом. Точно так же предпочла избегнуть этого названия и группа „Освобождение Труда", считаясь с предрассудками русской „социалистической интеллигенции". Первый с'езд закрепил это название за нашей партией, когда самое учение социал-демократии стало уже достаточно популярно среди рабочих. С мнением же народнической интеллигенции при таких обстоятельствах считаться не приходилось, да притом же, русские социал-демократы были достаточно ненавистны ей и в качестве „марксистов".

Положив основание партии, первый с'езд не об'явил однако, вполне разработанной партийной программы. „Проект программы русских социал-демократов", выработанный группой „Освобождение Труда", не мог, конечно, быть принят в качестве программы партии, так как он, как мы уже видели, имел в виду только подготовительную деятельность русских социал-демократов и не отвечал бы современному положению вещей в России. Переработать же этот проект или выработать новый, как это и предполагалось некоторыми инициаторами с'езда, не успели. С'езд ограничился опубликованием „Манифеста Российской Социал-демократической Рабочей Партии" *), в котором он указывает на развитие в России капитализма, на неизбежно возникающее

*) См. приложение.

отсюда освободительное движение пролетариата. В самых общих чертах манифест определяет цели и средства социал-демократии и указывает ближайшую задачу партии. „Ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, — говорится в манифесте, — социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной Воли“. Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс“.

Для дальнейшего развития социал-демократии этот с'езд имел большое значение. Хотя он и не принял полной и законченной социал-демократической программы, но в опубликованном „Манифесте Партии“ он выразил основные взгляды российской социал-демократии, которы коренным образом отличают ее от древнего народничества, как партию рабочего класса. Этот 1-й с'езд укрепил, таким образом, идейную связь между отдельными организациями, которые возникли и развивались до сих пор почти независимо друг от друга.

Для руководства и об'единения деятельности всех отдельных с.-д. организаций, переименованных теперь в комитеты партии, с'ездом был выбран центральный комитет и редакция центрального органа партии, которым была об'явлена киевская „Рабочая Газета“. Но эта первая попытка установить прочное организационное единство партии не удалась. Единственным общепартийным делом, кроме „манифеста“, было издание общей первомайской прокламации 1898 г.

Тотчас же после с'езда начались повсеместные аресты, которыми руководил киевский жандарм Новицкий (еще раньше прославившийся удачной охотой на народовольцев). Раз'ехавшиеся по разным городам делегаты 1-го с'езда были выслежены сыщиками и дали таким образом возможность жандармам в разных местах почти одновременно арестовать до 500 человек. В руки жандармов попали почти все участники с'езда (со всеми документами) и в том числе члены только-что выбранных Ц. К. и редакции Ц. О. Арестована была также и типография „Рабочей Газеты“. Этот

массовый разгром разрушил общепартийную организацию в самом зародыше. Однако, местные организации очень скоро оправились после арестов. Так, в Киеве, где было арестовано в это время 176 человек, вскоре после арестов были распространены первомайские прокламации, и работа пошла попрежнему. Местные организации пустили такие глубокие корни и были так прочны, что остановить их работу нельзя было уже никакими арестами. А если так, то ничто, повидимому, не мешало восстановить общепартийные органы. Однакоже, несмотря на то, что работа на местах продолжала развиваться, восстановить общепартийную организацию не удавалось в течение целых 5 лет после 1-го с'езда. К концу 90-х годов организационная разрозненность и разброд, существовавшие до 1-го с'езда, не только не прекратились, но значительно увеличились. Так, с осени 1897 по 1900 г. в одном только Петербурге на ряду с „Союзом борьбы"—комитетом партии одновременно существуют следующие самостоятельные с.-д. организации: группа „Рабочей Мысли" (с 1897 г.), гр. „Рабочего Знамени" (с 1897 г.), группа „Самоосвобождения рабочего класса" (с 1897 г.), „группа 20" (с 1899 г.), „Социалист" (с 1900 г.).

Что же раз'единило эти организации? Мы видели, что 1-й С'езд не дал партии подробно выработанной программы, Но основные положения этой программы были ясны как из манифеста партии 1898 года, так и из всей социал-демократической литературы. Этот же манифест вполне правильно определил общий характер социал-демократической тактики, указав, что „средства и пути, которые избирает социал-демократия", должны согласоваться с „классовым движением организованных рабочих масс". Массовая борьба и широкая агитация всегда были могучим средством социал-демократии, отличительной чертой ее тактики. Но вопрос о том, что должно быть предметом этой агитации, социал-демократами конца 90-х годов решался не одинаково и в большинстве случаев уже не так, как решали его деятели 1894—1897 гг. Массовые аресты, хотя и не могли уже остановить социал-демократической работы, но при частой смене работников они не давали возможности сохранить прочную преемственность этой работы. Возникшее в конце 90-х годов новое направление в среде „молодых" деятелей, пришедших

на смену „старым“, значительно отличалось от взглядов „старых“ на ближайших задачи агитации. В то время как „старые“ полагали, что „борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения“ *), — „молодые“ об'явили, что рабочий класс в массе еще не созрел для „политической агитации“ и поэтому, в интересах сближения с массой, считали нужным ограничиться агитацией на почве созванных массой, экономических интересов. Это направление и стало известно под именем „экономизма“. Хорошо усвоив не только практику, но и теорию брошюры „Об агитации“, „экономисты“ полагали, что в настоящей „стадии“ развития рабочие массы могут интересоваться только событиями и явлениями их повседневной фабричной жизни. Самым ярким выразителем „экономического“ направления была газета „Рабочая Мысль“, которая поставила себе задачей быть „лишь отражением мысли рабочих масс“. Следуя правилу—вести агитацию лишь на почве „непосредственных столкновений“ „Рабочая Мысль“, заполняет свои страницы исключительно сообщениями об условиях труда, о повседневной жизни рабочего и борьбе его с предпринимателем и усердно обходит все другие вопросы общественной и политической жизни. Даже такие крупные по тому времени события, как всеобщая студенческая забастовка 1899 г., не удостоилась внимания этой газеты. Это направление стало господствующим почти во всех с.-д. изданиях.

В то самое время, когда в легальной печати горячо обсуждались вопросы текущей жизни, когда велся ожесточенный бой с народниками, когда в широких кругах интеллигенции велись горячие споры о значении капитализма и роли рабочего класса, — нелегальная литература, предназначенная для рабочих, отличалась поразительной скудостью материала и отсутствием живой политической мысли. „Экономическая борьба,— рассуждали „экономисты“,— рано или поздно приведет рабочих к непосредственным столкновениям с полицией и другим начальством, и только тогда можно будет приступить к политической агитации“. Из отчета Екатеринославского комитета 1900 г. мы узнаем, что местная организация все еще не может приступить к по-

* „Рабочая Газета“ № 2. 1897 г.

литич. агитации, т. к. полиция пока не вмешивается в борьбу рабочих с капиталистами. Работа социал-демократов этого времени сводится, главным образом, к организации стачек, устройству фабричных касс,—словом, не идет дальше программы профессиональных союзов в свободных странах. В эти годы выработался тип „практика“, который только в такой деятельности видел настоящее „рабочее дело“.

Отказываясь итти в своей агитации дальше „сознанных массой интересов“, „экономисты“ принижали, таким образом, сознание социал-демократии до уровня стихийного рабочего движения. „Мы свою программу, свою тактику, свою борьбу приспособили к массе“ *),— похвалился один еврейский социал-демократ на майском собрании агитаторов в Вильне в 1895 г.

Чтобы понять это направление социал-демократической мысли, нужно иметь в виду, что целое поколение русских социал-демократов конца 90-х годов воспиталось под влиянием „легального“ марксизма, который по цензурным условиям не мог изложить теорию научного социализма во всей полноте. Но этого мало. „Легальный“ марксизм из недоговоренного до конца учения социал-демократии трудами „критиков“ скоро превратился у нас в идеологию прогрессивной буржуазии. И если незрелая часть социал-демократов-практиков могла по недоразумению, или, лучше сказать, по неразумию, подпасть под влияние этого „легального“ марксизма, то некоторые вполне зрелые представители этого „марксизма“ сознательно развивали оппортюнистическую сторону „экономизма“, желая видеть в рабочем движении простой придаток к либеральному освободительному движению. В „экономическом направлении“ сказалось, таким образом, влияние *буржуазного либерализма*, который всегда и везде, а не только у нас в России—стремился сузить задачи рабочей партии, свести рабочее движение к чисто-экономической борьбе. лишить его революционного, классового характера. Большую смуту должна была вносить буржуазная идеология таких, напр., „теоретиков“ социал-демократии, как Петр Струве, который не только своими легальными произведениями,но также и личным участием в делах социал-

*) „Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения“.

демократических организаций оказывал влияние на взгляды молодых *).

С другой стороны, укреплению „экономического“ направления способствовали внешние условия. Наша промышленность в конце 90-х годов переживала лучшие времена. Заваленные заказами фабриканты гораздо охотнее, чем в другое время, шли на уступки, и стихийное рабочее движение естественно направлялось в сторону наименьшего сопротивления, т.-е. борьбы с отдельными предпринимателями за улучшения условий найма. Руководство с.-д. организаций экономической борьбой рабочего класса много содействовало росту классовой солидарности и сознательности рабочих масс. Благодаря этому руководству стачки нередко носили такой организованный и выдержанный характер, который без этого руководства был бы немыслим при наших полицейских порядках. Но эти же быстрые и видимые успехи помешали социал-демократам правильно отнестись к самой главной ближайшей задаче рабочего движения,—завоеванию политической свободы, без которой не прочны и экономические завоевания рабочих.

Как бы то ни было, в 90-е годы социал-демократия сделала большие успехи. Пропаганда в начале этого десятилетия дала не мало вполне сознательных социал-демократов из рабочей среды. Социал-демократическая агитация середины 90-х годов находит дружный отклик в рабочих массах и будит в них классовое сознание. Из тесных кружков вырастают организации, которые становятся во главе рабочего движения. В период „экономизма“ эта связь социал-демократии с рабочей массой и ея руководство рабочим движением еще более упрочиваются. Но влияние социал-демократов на ход рабочего движения происходит уже насчет революционного содержания социал-демократии и увлек ее за собою. И к концу 90-х годов, несмотря на огромный рост рабочего движения и быстрое развитие социал-демократии, мы не находим еще широкого и организованного *социал-демократического* движения. С.-д организации не могли вызвать к жизни такого движения до тех пор, пока оне отодвигали на задний план политические задачи социал-

*) В Киеве принимали участие в делах местн. комитета В. Водовозов и Бердяев.

демократии. Именно по этой причине (а не вследствие случайных арестов первых Ц. К. и Ц. О.) не удалось упрочить организационное единство партии. Прочною связью всех с.-д. организаций могли быть только общие политические задачи рабочего класса, а не разрозненная экономическая борьба с отдельными предпринимателями. К концу 90-х годов русская социал-демократия оказалась еще не в силах на практике разрешить тот вопрос, который давно был решен ею в теории: вопрос об отношении социализма к политической борьбе.

„Искра“ и II с'езд партии.

„Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом.

„Искра“ № 1.

„Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки; теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать“.

Из письма рабочего к товарищу, 1901 г.

Когда „экономизм“, распространившийся в большинстве социал-демократических организаций, вполне ясно определился, как отсталое и оппортюнистическое направление в социал-демократии, то революционному меньшинству ничего не оставалось больше, как начать открытую борьбу с этим направлением. Первою выступила в поход группа „Освобождение Труда“. Еще в 1898 г. на с'езде заграничного „Союза Русских Социал-демократов“ в Женеве она вышла из союза, состоявшего почти целиком из „экономистов“, и веко-

ре об'явила о возобновлении самостоятельного издательства*). Союз, состоящий теперь исключительно из „молодых", издает популярный журнал „Рабочее Дело", который является в это время единственным общепартийным органом. Хотя и не так последовательно, „как Рабочая Мысль", этот журнал стоял на точке зрения экономизма, которую его редакция впоследствии пыталась обосновать теоретически**). Однако даже значительно позже, в разгаре борьбы с гр. „Освоб. Тр." Союз видел в этой борьбе только организационный спор и неоднократно заявлял, что у него нет с группой серьезных принципиальных разногласий.

Первая основательная критика „экономизма" была дана Плехановым в брошюре Vademecum (путеводитель) для редакции „Рабочего Дело", появившийся в 1899 г. Плеханов убедительно доказывает здесь, что вся литературная и практическая деятельность „экономистов" слишком далеко отошла от задач революционной социал-демократии, что уклонение от политических задач на практике неизбежно ведет к политическому порабощению пролетариата демократической буржуазией. Брошюра эта, написанная в очень резком тоне, встретила целую бурю негодования со стороны „молодых", очень плохо понимавших опасность той позиции, которую занял „экономизм". Особенно нападали на автора за то, что он опубликовал частные письма некоторых лидеров „экономизма", с такими откровенными оппортюнистическими признаниями, что уверения „экономистов", будто у них нет принципиальных разногласий с группой „Осв. Тр.", становились явно нелепыми.

Из заграничных социал-демократов к гр. „Осв. Тр. примкнула только небольшая часть, образовавшая органи-

*) Столкновения группы с „молодыми" за границей начались еще раньше. „Молодые" обвиняли ее в том, что она в своих изданиях не удовлетворяет спросу на популярную рабочую литературу, и требовали участия в редакции. „В то же время, при постоянных практических столкновениях между „молодыми" и „старыми" членами союза начали выясняться и различия их взглядов на характер массового рабочего движения и ближайшие задачи Российской Социал-демократии. Группа „Осв. Тр." решительно отказалась от всякого участия в редакции и администрации союза, предоставив его „молодым". Акимов. „Оч. разв. с.-д. в России" стр. 154.

**) См. бр. Мартынова: „Социал-демократия и рабочий класс 1902.

зацию „Социал-Демократ“. В России только очень немногие организации не мирились с узостью „экономизма“. Так, в Петербурге возникшая почти одновременно с гр. „Рабочей Мысли“ группа „Рабочего Знамени“ стала издавать с 98 г. под этим названием свою газету с ярко политическим характером *). Позднее в 1900 г. сложилась организация „Социалист“, которая в своей „Социал-Демократической Рабочей Библиотеке“ и в своих прокламациях ведет политическую агитацию. На Юге отдельной группой была основана в 1900 г. газета „Южный Рабочий“, которая в своих интересных и популярных статьях очень живо отзывалась на текущие политические вопросы и имела большой успех среди рабочих. Но огромное большинство работавших в России социал-демократов крепко держалось выработавшейся „экономической“ практики. Погруженные в эту практику „экономисты“ не придавали значения борьбе гр. „Осв. Тр.“ с заграничным Союзом, видя в этой борьбе лишь личные раздоры.

А между тем, в это самое время в России политическое возбуждение быстро росло не только среди рабочего класса, но и в широких слоях демократической буржуазии. Начинавшееся демократическое движение все более выступало на революционный путь и угрожало оставить позади себя рабочие массы, руководимые „экономистами“. Во время возникших в 1900—1901 гг. студенческих волнений рабочие, независимо от с.-д. организаций, дружно поддерживают студентов, принимают участие в их демонстрациях, и тем самым как нельзя лучше опровергают то мнение, что „рабочий класс не созрел для политической агитации“. Но это стихийное вовлечение рабочих масс в политическую борьбу все более угрожает превратить их в оружие демократической буржуазии.

При таких обстоятельствах борьба группы „Осв. Тр.“ против „экономизма“ скоро находит сильную поддержку

*) Кроме Петербурга, эта группа имела свои отделения в Киеве и Белостоке. Она пользовалась поддержкой „Польской Социалистической Партии“. В газете „Рабочее Знамя“ помещались боевые революционные статьи, но ее политическая агитация велась очень неумело, нередко переходила в простую брань по адресу правительства. Прочных связей с рабочими эта группа никогда не имела.

со стороны наиболее сознательной и революционной части социал-демократии.

В конце 1900 г. возвратившаяся из ссылки группа социал-демократов, вместе с группой „Освобождение Труда“ основала за границей газету „Искра“, которая сыграла крупную роль в дальнейшем развитии русской социал-демократии. В состав редакции, кроме всех членов гр. „Осв. Тр.“ (за исключением Л. Дейча, вступившего в администрацию „Искры“), вошли: Ленин (Вл. И. Ульянов), Мартов (Цедербаум) и Старовер (Потресов), все трое—участники „С.-Петербургского Союза Борьбы“ 1895 г.

Начав свою деятельность в то время, когда в рядах русских социал-демократов царила теоретическая смута, посеянная „легальным“ марксизмом, и организационный разброд,—группа „Искры“ поставила себе задачей подготовить идейное об'единение революционной социал-демократии как в области теории, так и на почве практических задач политической борьбы, и, таким образом, создать условия для прочного организационного об'единения партии.

В декабре 1900 г. вышел первый № „Искры“, в передовице которого говорилось: „Задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить политические идеи и социалистическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную со стихийным рабочим движением“. Политические задачи социал-демократии усиленно подчеркиваются редакцией, в противоположность „экономизму“: „Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса наша главная и основная задача“.

Сосредоточив в себе крупные литературные силы, „Искра“ с первых же номеров стала выполнять намеченную программу. В противоположность агитации „экономистов“, не выходившей за пределы „непосредственных столкновений“, Искра отзывалась на все важнейшие вопросы текущей общественной и политической жизни. В нашей партийной практике это был первый опыт большой социал-демократической газеты.

Для защиты теоретических позиций революционной социал-демократии та же группа стала издавать научно-политический журнал „Заря“. После того, как были закры-

ты в России „Новое слово“ и „Жизнь“ и легальную печать снова заполонили народившиеся потомки старого революционного народничества, в роде Южакова, Кривенко и пр., а также необыкновенно расплодившиеся „критики“ Маркса,— „ортодоксальный“ марксизм нашел теперь на страницах „Зари“ свое блестящее выражение. Не стесняясь цензурными рамками, „Заря“ обличает истинную природу „критиков“, в роде Струве, Булгакова, Бердяева, Прокоповича и др., которые только в мутной воде „легального“ марксизма, могли скрывать свой подлинный буржуазный облик и оказывать даже известное идейное влияние на некоторых малоопытных практиков социал-демократии*).

Теоретическая разработка вопросов программы и тактики социал-демократии, предпринятая „Зарей“, имела большое значение еще в виду того, что на ряду с либеральной бужуазией на сцену политической жизни выступила революционная мелкобуржуазная партия так называемых „социалистов-революционеров“. Воскрешая в своей расплывчатой и туманной „социалистической программе“ старое народничество, подновленное ревизионистскими теориями, эта партия ищет опоры для своего политического радикализма во всех общественных классах и группах и, под флагом социализм, не прочь использовать революционное настроение пролетариата. Идейная борьба с этим архаическим социализмом и защита классовой точки зрения пролетариата становятся теперь необходимы для охраны политической независимости рабочей партии.

Организационному разброду и „кустарничеству“, которое, собственно говоря, нисколько не мешало „экономической“ практике, группа „Искры“ и „Заря“ противопоставила свой план организационного об'единения партии. Этот план, изложенный в первый раз в статье: „С чего начать?“ в одном из первых номеров „Искры“, был потом подробно развит Лениным в брошюре „Что делать?“.

---

*) Критика ревизионизма была дана в след. статьях „Зари“ Плеханов: „Критика наших критиков“ (разбор критических произведений П. Струве); Ленин „Г.г. критики в аграрном вопросе“ (разбор книги Булгакова „Капитализм и земледелие“); Засулич: „Элементы идеализма в социализме“ (против Бердяева); Ортодокс: „О некоторых философских упражнениях“ (против Струве).

„Кружку кустарей,—говорится в брошюре,— недоступны политические задачи, пока эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились от него“. Начать организационное строительство нужно с прочной постановки крепкой организации революционеров, с помощью которой „мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социал-демократические и собственно трэд'юнионистские (т.-е. экономические, профессиональные) цели“ (стр. 91). Ядром будущей единой партии должна стать „общерусская центральная организация, об'единяющая в одном общем натиске все и всяческие проявления политической оппозиции, протесты и возмущения,—организация, состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа“ (стр. 75). Центром, вокруг которого должна сплотиться эта общерусская организация, и являлась „Искра“. Об'единяя все партийные комитеты и группы на почве выдвинутых жизнью общих политических задач социал-демократии, „Искра“ должна была все теснее связывать их между собою и, такям образом, положить начало действительному идейному и организационному единству партии, которое окончательно закрепит будущий партийный с'езд.

Брошюра „Что делать?“ появилась в марте 1902 г., т.-е. после более чем годовой деятельности „Искры“, и к тому времени имела уже большой успех. В борьбе с „экономизмом“ она имела приблизительно такое же значение, как, в свое время, брошюра „Об агитации“—в борьбе с „кружковщиной“. Но первые номера „Искры“ в большинстве с.-д. организаций были встречены враждебно. За границей к ней примкнула одновременно с нею основанная „Лига революционной русской социал-демократии“, которая взяла на себя материальную поддержку газеты и доставку ее в Россию. Эта же организация стала издавать на ряду с заграничным „Союзом русских социал-демократов“, популярную литературу. В России „Искра“ имела в более крупных городах своих представителей, которые поддерживали ее связи с местными с.-д. организациями, доставляли материал для редакции, распространяли газету на местах и пр. Но резкая критика „экономизма“ сильно вооружала большинство местных социал-демократов, и представителям „Искры“ не ред-

ко было очень трудно добиться даже распространения „Искры“ в организациях *). Позднее, на ряду с местными „экономическими“ комитетами партии в некоторых городах возникли „Организации Искры“, которые самостоятельно вели местную работу в духе новых взглядов. Эти организации поставили в России несколько подпольных типографий, на которых, кроме прокламаций, было издано несколько брошюр и некоторые статьи из „Искры“ и „Зари“.

Борьба „искровцев“ с „экономистами“ (или „рабочеделенцами“) в 1901—1902 г. велась очень упорно. Но по мере того, как стихийно росло политическое возбуждение в рабочих массах, „экономизм“ стал терять одну позицию за другою. Дольше всех отстаивал свои „экономические“ взгляды заграничный „Союз Русских социал-демократов“, но к началу 1903 г. он утратил уже в России всякое влияние и, лишенный поддержки, должен был прекратить свои издания, уступив место „Лиге рев. р. с.-д.“. Полный успех „Искры“ был обеспечен самым ходом событий в России.

Начало 900-х годов, которое ознаменовалось новым затяжным промышленным кризисом, было новым этапом в развитии рабочего движения. Стачки перестали уже быть единичными фактами и стали распространяться на целые производства и целые области. С ростом же классового сознания русские полицейские порядки дают себя знать с небывалой остротой, и рабочее движение все более решительно вступает на революционный путь. При таких обстоятельствах вопрос о расширении политической агитации, о самостоятельной политической организации рабочего класса становится вопросом жизни и смерти для российской социал-демократии.

Как быстро нарастало революционное настроение в Петербурге и насколько отсталой и устарелой оказывалась уже „экономическая“ практика, показали Петербургские события весною 1901 г. Еще в первых числах мая, в связи с маевкой этого года, вспыхнули волнения на Выборгской стороне,

*) Насколько затруднительно бывало иногда положение представителей „Искры“, можно судить по примеру ее киевского представителя, тов. К., который, чтобы поладить с враждебно настроенными „экономистами“ Киевского Комитета Партии, прибегал даже к таким чрезвычайным средствам, как вырезывание „нетактичных“ статей и оставление под спудом целых номеров.

которые окончились кровавым столкновением с войсками. 7 мая на Обуховском заводе возникла стачка по поводу увольнения рабочих, праздновавших 1-е мая. Несмотря на то, что в день маевки на работу не явилось до 1000 человек, администрация уволила только немногих, которых считала зачинщиками. Об'явив забастовку, рабочие выставили требования: возвращение уволенных товарищей, 8-часовой рабочий день, вежливое обращение и др. В то время, как рабочие мирно обсуждают свое положение во дворе завода, из Петербурга появляется отряд казаков и после отказа рабочих разойтись происходит жаркая битва. Градом камней казаки обращаются в бегство, и отступив на почтительное расстояние, открывают огонь. Обуховцы, несмотря на большие потери убитыми и ранеными, продолжают дружно защищаться и строят баррикады. Только после 9-часовой геройской обороны, в которой приняли участие дети и жены рабочих, они были окончательно разбиты, и тогда вступило в свои права русское правосудие, отправившее на каторгу и в тюрьму многих оставшихся в живых обуховцев.

И сражение на Выборгской стороне, и знаменитая Обуховская оборона, оставившие по себе неизгладимую память, не были случайными вспышками. Чувство горечи и обиды, накопившееся за долгие годы притеснений, теперь ждало только первого случайного повода, чтобы вырваться наружу, вывести протест за стены фабрики, на широкий простор уличной массовой борьбы, где рабочий не чувствует себя одиноким. „Вы не знаете,—писала одна работница после Выборгской истории,—вы не знаете, как мне обидно, и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройтись на Невский или в город, уж очень горько умирать, как собакам, в угле, чтобы никто не видал даже... Вот что еще хотела я сказать вам, хоть и очень многих у нас взяли, может их нет больше совсем, а все-таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись; теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет: теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется. Б. (один рабочий) говорит, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет, и пистолетов достанут“...

Понятно, что при таком настроении рабочих попадавшая к ним „Искра“ производила сильное впечатление и

имела несравненно больший успех, чем „экономическая“ „Рабочая Мысль“. Один петербургский рабочий, вскоре после Обуховских событий, пишет своему товарищу по поводу прочитанного им номера „Искры“: „Я многим товарищам показывал, и весь номерок истрепался, а он дорог, много дороже „Мысли“, хоть и нет там наших строк. Так про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь. — Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать“.

Таково было настроение рабочих не в одном только Петербурге. Мысль о том, что теперь „свободы нужно добиваться, грудью брать ее“, проникала уже в широкие массы и рабочий народ „загорался“, то здесь, то там.

Но о том, чтобы нанести „экономической“ практике окончательный удар, чтобы скорее вывести рабочих на путь политической борьбы,—на ряду с „Искрой“ позаботилось русское правительство. После жестоких расправ с рабочими за самые мирные, экономические забастовки оно должно было убедиться, что ему не только не удалось задушить рабочее движение, но что это движение становится все более грозным для самодержавия. Министр финансов, г. Витте, почуяв опасность, готов даже позавидовать Зап. Европе, где, как ему думается, пропаганда ведется исключительно на экономической почве и в движении принимают участие ученые, государственные деятели, члены парламентов и др., тогда как у нас „пропагандисты принадлежат к подонкам анархизма и нигилизма“ *). И вот, чтобы показать рабочему движению настоящую дорогу, на сцену выступает „государственный деятель“, начальник московского охранного отделения г. Зубатов.

Правительства всех стран всегда старались утихомирить рабочее движение, свести его с революционного пути.

---

*) См. „Материалы по изданию закона 2 июля 1897 г.“

Но едва ли в какой-нибудь стране эта правительственная политика принимала такой гнусный, провокаторский характер, как российская „зубатовщина“.

Как горячий сторонник „рабочего дела“, Зубатов начинает свою агитацию прежде всего среди политических заключенных, с которыми ему приходится сталкиваться „по делам службы“. Он старается внушить сознательным рабочим, что борясь за политическую свободу, они только играют на руку буржуазии и не приносят пользы рабочему классу, и что в своей мирной, экономической борьбе с капиталистами рабочие найдут поддержку в самодержавном правительстве. При помощи небывалых льгот и обещаний ему удается соблазнить некоторых неопытных или запуганных заключенных и привлечь их на свою сторону. Новообращенные зубатовцы, после своего освобождения, не за страх, а за совесть берутся организовать всевозможные рабочие союзы под общим руководством охранного отделения и при благосклонном покровительстве высших властей (моск. обер-полициймейстера Трепова, московского генерал-губернатора и, наконец, министра вн. д. Плеве).

В 1901 г. в Минске зубатовцами была основана „независимая рабочая партия“, поставившая целью только „экономическую“ борьбу и об'явившая войну социал-демократам.

В Москве в этом же году охранным отделением было основано „общество взаимопомощи механических рабочих“ и „общество взаимопомощи ткачей“. На зубатовских собраниях ораторы из охранного отделения, а также убежденные зубатовцы из рабочих распинаются пред темной массой о вреде „политики“ и громят социал-демократию, как „буржуазную“ партию. Само собою разумеется, что наиболее горячие из сознательных рабочих, пытавшиеся возражать зубатовцам, попадали потом в тюрьму.

19 февраля 1902 г. зубатовцам удается даже привлечь рабочие массы к патриотической манифестации перед памятником Александра II. Рабочий Слепов перед тысячной толпой раскрывает здесь широкие горизонты полицейского социализма: „Правительство обещает вам 8-часовой рабочий день. Оно заберет со временем все фабрики в свои руки и отдаст их вам. Для этого не нужно конституции; наоборот,

только самодержавное правительство может это сделать конституция же нужна интеллигенции, а не вам" и пр. и пр.

Эти успехи зубатовской провокации не могли быть прочными и в конечном счете должны были обрушиться на голову самодержавия. Экономическая агитация зубатовцев вызвала ряд забастовок и сообщила, таким образом, толчок рабочему движению, которое неизбежно должно было выйти за пределы, предусмотренные и разрешенные полицией. Озлобленные же московские фабриканты стали угрожать правительству, что—в случае дальнейшего вмешательства охранного отделения в дела промышленности, — они вынуждены будут добиваться ограждения своих прав конституцией.

Самые тяжелые удары зубатовская провокация нанесла социал-демократическим организациям Москвы. После поразительно быстрых успехов, которые сделала здесь социал-демократия в середине 90-х годов, со времени основания „Московского Рабочего Союза", организованная социал-демократическая работа в конце 90-х и начале 900-х годов в Москве сильно отстает даже от второстепенных центров, а временами почти прекращается. При помощи огромной армии шпионов и провокаторов, рассеянных на заводах, Зубатову удавалось выслеживать и подавлять с.-д. организации в самом зародыше. Частые провалы, а также необыкновенно развившаяся среди социал-демократов осторожность и подозрительность делали совершенно невозможной сколько-нибудь широкую постановку работы; и тем не менее, эта работа, хотя потерявшая планомерность и организованность, никогда совершенно не прекращалась. Попытка же Зубатова одурачить широкие рабочие массы полицейским социализмом—кроме Москвы, Одессы и района деятельности Бунда, нигде не имела даже временного успеха. Вскоре после московской манифестации 19-го февраля Зубатов был переведен в Петербург чиновником особых поручений при министре внутр. дел, чтобы и здесь применить свою политику по „рабочему вопросу",—политику, которую правительство хотело уже возвести в государственную систему. Но, благодаря неустанной агитации, которую вели „Искра" и Петербургский Комитет Партии, первые же шаги зубатовцев в Петербурге встретили дружный отпор со стороны рабочих.

„Зубатовщина“ пришла слишком поздно, чтобы вывести рабочее движение из революционного русла. Школа стачечной борьбы 90-х годов не прошла даром. Те времена, когда рабочие искали заступничества у начальства и подавали прошения в участок, отошли в область преданий. Зубатовские общества скоро распались или же были закрыты самим правительством, которое обожглось на „рабочем вопросе“. Временный же успех зубатовщины только помог даже самой отсталой части социал-демократов окончательно освободиться от „экономических“ предрассудков и вступить на путь широкой политической агитации. Дальнейшее воздержание от этой агитации не только способствовало бы обращению рабочего класса в орудие либеральной буржуазии, но давало бы возможность правительству использовать „рабочий вопрос“ в интересах самодержавия.

Впрочем, огромное большинство с.-д. организаций приступает к широкой политической агитации еще раньше в 1901 г. После обуховской обороны даже заграничный „Союз Русских Социал-демократов“ признал устаревшей обычную „экономическую“ практику*).

По мере того, как политические задачи социал-демократии настоятельно выдвигались самой жизнью, „Искра“ стала пользоваться все большим успехом, и с.-д. комитеты один за другим приступают к массовой политической агитации. Руководя попрежнему экономической борьбой, они стараются не только каждое отдельное столкновение рабочих с предпринимателями и администрацией, но также всякое выдающееся явление общественной жизни ставить в связь с общим политическим режимом. Благодаря этой агитации,

*) Нужно заметить, однако, что заграничные теоретики „экономизма“, признав нужным изменить „экономическую“ тактику, вовсе не считали ее ошибочной по существу. В обуховских событиях они видели лишь такой момент, когда партийная работа должна вступить в новую „стадию“. Статья Кричевского в „Рабоч. Деле“: „Исторический поворот“, написанная по поводу обуховской истории, призывала „изменить нашу тактику в 24 часа„ и „вести рабочие массы на штурм самодержавия“. В этой стремительной перемене фронта сказалась вся незрелость с.-д. мысли у представителей „экономизма“. С одной стороны, для политической агитации представлялись, конечно, тысячи поводов и до обуховской истории; с другой—призыв вести рабочих на штурм самодержавия был лишь противоположной и еще более вредной крайностью.

политические требования социал-демократии популяризуются в самых широких слоях не только рабочих, но и всего городского населения. Нужно заметить, что социал-демократы не сразу применились к своим новым задачам, и эта агитация нередко носила слишком отвлеченный характер.

Успеху политической агитации социал-демократов в самых широких слоях пролетариата в это время много содействовал ход развития экономической жизни. В то время как в период расцвета промышленности, даже при русских полицейских порядках рабочие могли успешно вести стачечную борьбу—теперь, с началом промышленного кризиса, путем стачки нельзя было даже удержать за собою завоеванные улучшения. При таких условиях гнет капитала, полная невозможность организоваться и вести хотя бы оборонительную борьбу, наконец, произвол администрации над личностью рабочего (как напр., насильственная высылка безработных на родину)—все это, помимо всяких прокламаций, должно было уяснить самому темному рабочему связь между его бедствиями и общими политическими условиями. И это смутное сознание своего политического бесправия об'единяет одинаково рабочих всевозможных фабрик и профессий, будит дух солидарности еще больше, чем стачечная, экономическая борьба. Вот почему стихийная революционная вспышка на этой почве находит дружный отклик в широких массах, с поразительной быстротой распространяется на большую округу.

Но такие неорганизованные вспышки, как обуховская, как бы ни революционировали они сознание рабочих и как бы ни обостряли его ненависть к своим врагам, все же неизбежно должны оканчиваться кровавыми поражениями, должны надолго истощать и обессиливать ряды наиболее сознательных и революционных пролетариев. Новой задачей социал-демократии было не только будить и углублять политическое сознание, но также руководить стихийно прорывающимся наружу революционным возбуждением, придать ему характер осмысленного и организованного политического протеста. Очень удачная форма такого организованного протеста была найдена в демонстрациях, которые стали могучим средством политической агитации и придали широкий размах всей партийной работе.

Первый пример демонстраций в 1901 г. показали студенты в Петербурге (4 марта), Харькове (19 февраля) и в Москве (23-26 фев.); уже эти первые демонстрации дружно были поддержаны рабочими, хотя с.-д. организации не решались еще принять в них участие. Начатые студентами, демонстрации скоро привились в практике рабочего движения, которое все более стремилось выступить на путь открытой политической борьбы. Самый почин демонстраций скоро перешел от студентов к с.-д. комитетам. И по мере того как ряды демонстрантов все более заполняются рабочей массой, демонстрации приобретают внушительный вид и ярко выраженный политический характер. Робкие лозунги студенчества („академическая свобода“) сменяются революционными пролетарскими требованиями, а полиции уже не удается превратить демонстрацию в бойню. Первые опыты имели большой успех, и скоро с.-д. организации повально стали увлекаться демонстрациями и отдавать им все свои силы.

Так, киевским комитетом была организована большая демонстрация 2-го февраля 1902 г. Она продолжалась 2 дня подряд. Число демонстрантов вместе с сочувствующей публикой доходило до 1500 человек. Рассеянные в одном месте, демонстранты скоплялись в другом; были выкинуты 3 красных знамени с надписями: „8-часовой рабочий день“, „свобода“, „долой самодержавие“. До поздней ночи раздавались революционные песни и возгласы: „да здравствует политическая свобода. Да здравствует социал-демократия!“ Подавляющее число демонстрантов, особенно на второй день, состояло из рабочих.

В этом году демонстрации обошли все крупные центры рабочего движения: Петербуг, Москву, Екатеринослав, Одессу, Ростов на Д., Харьков, Н.-Новгород (Сормово). Каждая с.-д. организация спешила применить эту новую форму протеста и с увлечением отдавалась организации демонстраций. В следующем году волна демонстраций прокатилась уже по всей России, не исключая Сибири и Кавказа, и захватила даже такие мелкие и глухие городки, как Клинцы, Чахотуры (Кутаис. губ.), Александровск и пр.

Не трудно понять, почему с.-д. организации отдавались с таким увлечением устройству демонстраций, несмотря на

большие потери, которыми неизбежно должно было сопровождаться всякое открытое выступление. Они выводили революционную работу из подполья и давали выход революционному чувству рабочих масс. Открытое заявление революционных требований социал-демократии и громкое провозглашение анафемы всем вражьим силам в огромной степени поднимало дух организованных рабочих, которые в то же время находили здесь приложение своей революционной энергии. Наконец, демонстрации будили политическую мысль в самых широких кругах обывателей, куда никогда не доходили с.-д. прокламации.

Как только демонстрации вошли в практику рабочего движения, они стали на ряду с забастовками неизбежными спутниками 1-майского праздника, который получает теперь массовый пролетарский характер. В Сев.-западном крае 1-майские демонстрации начались еще с 1898 г. В коренной России раньше других, именно в 1900 г., удалось устроить маевку Харьковскому Комитету партии. В первомайских листках и брошюрках, заранее изданных и распространенных комитетом, выставлялись требования: 8-часовой рабочий день, повышение платы, свобода стачек и союзов, свобода слова и печати, участие народа в управлении страной. Маевка сопровождалась забастовкой, демонстрацией и многолюдным митингом.

В 1901 и 1902 гг. 1-майские демонстрации и забастовки устраиваются уже многими с.-д. организациями, и повсюду к этому дню приурочивается массовая агитация, как за международное пролетарское требование 8-часового рабочего дня, так и за основные политические требования российской социал-демократии — коренное изменение всего политического строя. Только Петербургский „экономический“ комитет в 1901 г. ограничился в своей первомайской прокламации неопределенным требованиям „политической свободы“ *). Но на ряду с этой прокламацией Петерб. Комитета

*) Нужно заметить, что „экономисты“, следуя „теории стадий“ в своей агитационной практике считали нужным сперва выставлять лишь требования „ближайших политических прав“, в которых масса непосредственно заинтересована, как напр., свобода стачек, союзов, собраний. Они считали преждевременным выдвигать вопрос об общем политическом режиме, покоющемся на всеобщем бесправии, т. к. массы могут-де не понять такого требования.

в это же время были распространены 1-майские листки „Рабочего Знамени“ и группы „Социалист“, в которых политические требования были формулированы более определенно.

На почве все возрастающего революционного настроения политическая агитация дает возможность оказывать влияния на широкие массы еще больше, чем то было возможно при „экономической“ практике. В то время как агитация на почве профессиональных интересов об'единяла рабочих одной фабрики или одной профессии, теперь удачно выпущенный листок или хорошо организованная демонстрация об'единяла во всеобщий протест революционное настроение рабочих всевозможных фабрик и профессий. До каких огромных пределов могло расширяться влияние с.-д. организации на массы населения, скоро показали ростовские события, разыгравшиеся в ноябре 1902 г.

4-го ноября в мастерских Владикавказской железной дороги была об'явлена стачка. С первого же дня забастовки рабочие стали собираться во дворе мастерских для обсуждения своих требований. К ним скоро присоединились и забастовавшие рабочие других производств (железоделательные заводы Пастухова, Токарева и Дутикова, пекарни, табачные фабрики и др.) и комитет стал посылать на собрания забастовщиков своих агитаторов. Собрания разрослись до громадных размеров и были перенесены за город, на так называемый Темерник. В начале обсуждались лишь общие требования, и попытки говорить на политические темы встречали ропот, особенно со стороны стариков, но через некоторое время огромное большинство собрания стало требовать именно таких речей и выражало ораторам большое сочувствие. В течение целой недели на глазах у полиции ежедневно происходили, таким образом, огромные митинги (20 — 30.000 чел.), которые, по своей обстановке, живо напоминают октябрьские дни 1905 г. Комитет ежедневно выпускал прокламации, которые совершенно открыто распространялись тут же на собрании. Растерявшаяся администрация не принимала никаких мер*). За эти дни комитетская типография отпечатала более 30.000 листков. Всякие воззвания, не снаб-

*) Дело в том, что в это время казаков в городе почти не было, а черная сотня, очевидно, еще не была изобретена.

женные красной печатью Донского Комитета, упорно бойкотировались. Явившегося на собрание жандармского офицера толпа слушать не пожелала. Все это движение носило замечательно организованный характер и попытки провокаторов вызвать драки и буйство встретили дружный отпор со стороны рабочих.

Ростовские события произвели глубокое впечатление во всей России. Они совершенно неожиданно обнаружили, как сильно выросло политическое сознание широких „серых" масс рабочего народа, а пример Донского Комитета открывал социал-демократам новые способы и приемы агитации.

То, что было в Ростове в 1902 г., повторилось на следующий год, уже в громадных размерах. Еще весною 1903 г., под влиянием предмайской агитации социал-демократов, во многих городах возникли стачки и демонстрации. Революционное настроение рабочих непрерывно росло, и скоро отдельные вспышки слились в один могучий поток, в одно общее движение, небывалое по своим размерам и по своему характеру. То была всеобщая политическая стачка, охватившая весь промышленный Юг России. 1-го июля одновременно начались забастовки в Баку, на керосиновых промыслах и Одессе, в порту и на Большом вокзале. При том напряженном, боевом настроении, в котором рабочие повсюду находились уже с весны, эти забастовки в двух различных, далеких друг от друга местах быстро распространились не только на все производства Одессы и Баку, но перекинулись в целый ряд Южных промышленных центров: Киев, Елисаветоград, Николаев, Керчь, Екатеринослав, Тифлис, Батум. Общее количество бастовавших достигло небывалых размеров—225.000 человек. Бастовали рабочие решительно всех профессий: машинисты и стрелочники, типографщики и дворники, приказчики и извозчики. Промышленная и торговая жизнь в таких крупных городах, как Одесса и Киев, совершенно замерла. Рабочие тысячными толпами ходят по городу и зовут присоединиться ко всеобщей забастовке, которая повсюду вызывает сочувствие: „не хотим работать, когда другие бастуют!"—говорили даже массовые рабочие. Столкновения с полицией и войсками только подливали масла в огонь и делали забастовку всеобщей там, где она еще не стала такою. Так, в Киеве после залпов рабочие

говорили: „Вчера на вокзале стреляли, а сегодня мы не будем работать; как не бунтовать? На фабриках прижимки и обирательство, кругом—всякое нахальство".

Об'являя стачку, рабочие выставляли экономические требования, в большинстве случаев одинаковые: 8-часовой рабочий день, повышение платы, отмена штрафов и пр. Но повсюду они уже ясно сознавали недостаточность одних этих требований, и все это движение резко отличалось от прежних обычных забастовок. Здесь сказались уже результаты предыдущей политической агитации социал-демократов. Это особенно ясно обнаружилось, напр., в Одессе, где попытка зубатовцев свести движение к чисто-экономическим требованиям встретила отпор даже со стороны наиболее серых масс, ими же, зубатовцами, организованных в „независимую партию". „Долой обман, долой мелкие требования, хотим большего!"—говорилось в одном листке, написанном самими рабочими.

Это „большее" формулировали социал-демократические прокламации, которые распространялись в эти дни десятками тысяч совершенно открыто: „Свобода стачек и союзов, свобода слова и печати, свобода совести, неприкосновенность личности, наконец, созыв народного законодательного собрания"—вот те требования, которые теперь распространялись в самых широких массах и вносили в смутное чувство политического гнета ясное политическое сознание.

Рабочий класс своим массовым выступлением отвоевал себе на эти короткие дни полную свободу действий. Во многих городах происходили демонстрации и многотысячные митинги, на которых раздавалось свободное слово ораторов социал-демократов, в числе которых выступало уже много рабочих.

Во время всеобщей забастовки, как и в период демонстраций 1902 г., социал-демократам пришлось вести упорную борьбу с социалистами-революционерами, которые призывали к вооруженным выступлениям. При полной неподготовленности к открытому вооруженному восстанию было необходимо во что бы то ни стало предотвратить подобные попытки, которые могли привести к кровавому подавлению всего движения.

1903 год был настоящим предтечей 1905. Всеобщая стачка затихла сама собою. Она не принесла никаких непосредственных результатов. Но она сплотила рабочие массы, далеко подвинула вперед его политическое сознание и упрочила его связь с социал-демократией. Наконец, она обнаружила всю огромную силу всеобщей политической забастовки, указала и дала возможность испробовать то оружие, которым через два года рабочий класс нанес решительный удар самодержавию.

Переход к усиленной политической агитации по необходимости сопровождался ломкой внутренней организации. Старая организация местного комитета, унаследованная от „экономистов“ и приспособленная к профессиональной борьбе, совершенно не отвечала новым усложнившимся задачам работы. Прежде социал-демократический (интеллигентский) комитет был, собственно, исполнительным органом местной рабочей организации, по заказу которой он составлял листки, заведывал техникой, сбором денег, доставкой литературы, сношениями с другими организациями и т. п.; всею же непосредственной работой организации руководил „рабочий комитет“, который выбирался организованными рабочими. Теперь же, когда работа значительно усложнилась, большинство членов этих рабочих комитетов оказалось недостаточно подготовленным к руководству этой работой. Теперь во главе всей местной работы становилась одна центральная группа—комитет, которая руководила как идейной, так и технической стороной работы. А так как лиц, вполне подготовленных для такого руководства, вообще было слишком мало, то выборы теряли всякий смысл. К тому же эти выборы не могли гарантировать не только подготовленности, но и революционности кандидата, так как выбирать могло лишь небольшое ядро организованных рабочих, которое при „экономической“ практике составлялось главным образом из обученных и лучше оплачиваемых слоев рабочего класса, руководившихся профессиональными интересами.

Борьба „экономистов“ с „искровцами“, проникавшими в комитеты, в области организационных вопросов сводилась главн. обр. к борьбе за „демократическое“ или за „выборное“ начало и нередко приводила к разрыву комитета со старыми рабочими организациями.

По мере того, как рабочее движение вступало на путь политической борьбы, партия стала расти несравненно быстрее, чем прежде. В 1900 г. в своем докладе Парижскому международному социалистическому конгрессу она насчитывала всего 6 комитетов (Петербургский, Московский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский и Иваново-Вознесенский) и три группы (Одесская, Николаевская и Саратовская). Со времени 1-го с'езда число организаций увеличилось таким обр. на 4. С 1901 по 1903 г. число местных организаций возросло до 36. Из крупных промышленных центров социал-демократическое движение распространилось на второстепенные, из Европейской России проникло в Сибирь и на Кавказ.

О количественном росте движения дает также представление статистика арестов. За трехлетие 1898—1900 г. было арестовано 385 человек, тогда как с 1901 по 1904 г. число арестованных равняется 1203.

Было сослано в Сибирь и отдаленные губ. за первое трехлетие 454 ч., за второе—1783 ч. *) Из общего числа арестованных значительное большинство составляют социал-демократы, из которых большая половина приходится на рабочих **).

Но один только количественный рост социал-демократии вовсе еще не выражал ее действительной силы, как политической организации пролетариата. Такая организация нуждалась прежде всего в тесном идейном и организационном об'единении всех своих частей,—об'единении, которое должно придать планомерность всему социал-демократическому движению в целом и тем в огромной степени содействовать его успешности.

До сих пор об'единяющим центром была „Искра". Ее идейное руководство, признанное почти всеми комитетами, сказалось в единообразном направлении работы всех разрозненных сил социал-демократии. Прочно выработавшееся, по-видимому, единство взглядов на общие ближайшие задачи

---

*) Вычислено по данным „Доклада Амстердамскому соц. конгрессу" 1904 г.

**) Там, напр., в киевской тюрьме за 1903 г. из общего числа всех политич. заключенных (600 ч.) рабочие составляют 60 проц.

партии казалось теперь достаточно прочным основанием для создания единой и сильной партийной организации.

Еще в марте 1902 г., на конференции представителей „Искры“ и нескольких местных с.-д. комитетов было решено основать „Организационный Комитет“, который должен подготовить и организовать II с'езд партии. До этого с'езда „Орг. К.“ брал на себя выполнение функций будущего центрального комитета партии по отношению к тем местным организациям, которые выразили на это согласие. К осени этого года возникший О. К. развил уже большую деятельность по транспортировке и изданию в собственной типографии общепартийной литературы. Одна только 1-майская прокламация 1903 г. была издана им в количестве 300.000 экземпляров.

Летом 1903 г. за границей собрался II с'езд Р. С.-Д. Р. П. На нем были представлены: 36 местных комитетов и групп (по 1 гол.), организация „Искры“ (2 гол.), группа „Южного, Рабочего“ (2 гол.), Центральный Комитет „Бунда“ (3 гол.), группа „Освобождение Труда“ (2 гол.), „Лига Революционной русской Социал-демократии“ (2 гол.), „Заграничный Союз русских Социал-демократов“ (2 гол.) „Заграничный Комитет Бунда“ (2 гол.) Всех делегатов было 43 ч. с 51 решающим голосом. Кроме того на с'езде присутствовало 14 лиц с совещательным голосом.

Одним из важнейших дел с'езда было принятие партийной программы. Группой „Искры“ и „Зари“ еще задолго до с'езда был выработан проект программы, который был опубликован в № 21 „Искры“. Немногочисленные представители „экономического“ направления, испытавшего, как мы видели, влияние „ревизионизма“, безуспешно боролись против „ортодоксальной“ редакции программы. Все 22 оппортюнистических поправки, предложенные делегатом заграничного „Союза Русск. Соц.-Дем.“, были отвергнуты. После долгих прений с'езд утвердил в качестве партийной программы проект „Искры“ с некоторыми незначительными изменениями.

На II с'езде российская социал-демократия впервые дала, наконец, в своей программе полную и точную формулировку своих конечных целей и ближайших требований. В противоположность старым социалистическим учениям,

проникнутым духом анархизма, эта программа с особенной полнотой развивает ближайшие политические требования. В истории революционного движения в России российская социал-демократия первая выставила в своей программе требование демократической республики и созыва учредительного собрания, как единственного пути к полному осуществлению ближайших политических и социальных преобразований.

Закрепив в партийной программе принципы революционного марксизма, с'езд перешел к организационному строительству партии. В интересах об'единения партийной работы на местах, с'езд распустил те организации, существование которых, на ряду с официально признанными партийными органами, становилось излишним. Так были распущены за границей: гр. „Освобождение Труда", „Союз Русских Социал-Демократов" и группа „Борьба" *). Единственным партийным органом за границей была признана „Лига Революционной Русской Социал-демократии", в которую должны были войти члены распущенных организаций. В России была распущена гр. „Южного Рабочего", деятельность которой по существу не отличалась от деятельности местных комитетов партии. Для об'единения и руководства всех местных партийных организаций были созданы два самостоятельных учреждения: Центральный Комитет и Центр. Орган партии, которым была признана „Искра". Согласовать деятельность обоих этих руководящих органов должен был „Совет Партии", из 5 членов, при чем 2 члена должны выбираться Ц. К., 2—Ц. О. и один—с'ездом, который является высшей инстанцией партии.

В то время, как программа партии была принята в общем очень единодушно **), вопросы организации вызвали упорную борьбу различных течений, при чем возникла до-

*) Эта небольшая заграничная группа образовалась почти одновременно с гр. „Искры" и „Зари" и занималась исключительно литературной деятельностью. Ею были изданы: критический этюд Рязанова: „Проект программы „Искры" и задачи русских социал-демократов"; Социал-демократический календарь 1902 г.", бр. Невзорова: „Отказываемся ли мы от наследства" и несколько популярных брошюр. На II съезде она представлена не была.

**) Окончательная редакция программы была принята всеми решающими голосами при одном воздержавшемся (Акимов).

вольно сложная группировка фракций („большинство“ и меньшинство“ „искровцев“, „экономисты“, гр. „Южного Рабочего“ и, наконец, „дикие“). Совершенно особую позицию заняли на с'езде делегаты Бунда, в котором ко времени с'езда уже резко определились националистические стремления. Они не соглашались на признание Бунда автономной частью партии (по решению 1-го с'езда) и требовали, чтобы II с'езд признал его единственным представителем еврейского пролетариата и чтобы Бунд был об'единен с партией лишь на федеративных началах. Когда с'езд не согласился на эти требования, делегаты Бунда ушли со с'езда и, таким обр., Бунд откололся от партии.

Наконец, в целом ряде резолюций (о либералах, о профессиональной борьбе, о фабричных старостах и пр.) II с'езд впервые выработал руководящие указания для всей партии по вопросам партийной тактики.

V.

„Большинство“ и „меньшинство“.

„На долю русской социал-демократии выпала своеобразная, беспримерная в истории социализма задача: в самодержавном государстве выработать тактику социал-демократическую, т.-е. соответствующую классовой борьбе пролетариата“.
Р. Люксембург, „Neue Zeit“.

II С'езд Р. С.-Д. Р. Партии, который подвел итоги 5-летнему развитию русской социал-демократии после I с'езда был новым этапом в развитии партийной жизни. Уже во время ноябрьских событий в Ростове на/Д. и особенно во время всеобщей стачки на Юге ясно обнаруживалась невозможность для партии овладеть ходом событий и руководить рабочим движением в целом, несмотря на рост с.-д. организаций. Стремление отрешиться от организационного разброда и „кустарничества“, сплотить разрозненные силы социал-демократии на почве выясненных политических задач ра-

бочего класса, словом, создать единую и централизованную рабочую партию стало всеобщим среди социал-демократов. II с'езда ждали с нетерпением, на него возлагали большие надежды. И с'езд, действительно, имел большое значение для развития социал-демократии.

„Наш партийный с'езд,—писал Ленин весною 1904 г.,— был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет Божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее сколько-нибудь заметной части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идей и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой обособностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами целого: *партии*".

Однако, этот с'езд далеко не оправдал тех надежд, которые на него возлагались, не дал тех результатов, которые рисовались в представлении большинства социал-демократов. Прежде всего на с'езде не обнаружилось того единства во взглядах на ближайшей задачи партийной работы, которое, казалось, так прочно установилось за почти трехлетний „искровский" период. Но самое главное препятствие по пути к действительному и полному об'единению партии, которому с'езд стремился положить прочное основание, заключалось в тех традициях „кружковой распущенности и революционной обывательщины", которые прочно укоренились за период разброда и, конечно, не могли быть ликвидированы с'ездом, несмотря на все воодушевленные об'единительные стремления.

Разногласия, начавшиеся на с'езде скоро проникли во все партийные организации. Разделив сплоченное до сих пор ядро „искровцев" на „большинство" и „меньшинство", они еще на с'езде положили начало жестокой фракционной борьбе из-за состава центральных учреждений партии, а

потом, распространившись на всю партию, привели к полному расколу. К чему же сводились эти разногласия? Как на самом с'езде, так и долго после с'езда они не выходили за пределы организационных вопросов.

Главным предметом споров на с'езде был § 1 партийного устава, определявший принадлежность к партии. В проекте, предложенном Мартовым и защищавшимся „меньшинством", этот § гласил: „Членом Р. С.-Д. Р. Партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций". Проект Ленина, который поддерживался „большинством" искровцев, отличался от проекта „меньшинства" тем, что требовал от члена партии (кроме признания программы и материальной поддержки) *„личного участия в одной из партийных организаций"*. Сам по себе этот § устава, вызвавший горячие споры на с'езде, практического значения в жизни партии никогда не имел. Но большое значение имели разногласия, обнаружившиеся при его обсуждении.

Практический вопрос о членстве партии вырос до принципиального вопроса о том, какова должна быть сама партия, ее характер, ея состав. ее отношения к окружающей, неорганизованной массе. И при решении этих вопросов уже на с'езде более или менее ясно определились два направления в русской социал-демократии, которые существуют в ней до настоящего времени.

„Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, — говорит Аксельрод, защищая взгляды „меньшинства,—но мы должны, раз мы, партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя, быть-может, и не совсем активно, примыкающих к этой партии". Мартов доказывает, что вовсе не нужно, чтобы всякий член партии непременно входил в партийную организацию, так как контроль над его деятельностью „возможен, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней" *). „Заговорщицкая организация",—говорит он,—„для меня имеет смысл постольку,

---

* Протоколы II съезда, Женева, 1903 г., стр. 245.

поскольку ее облекает широкая социал-демократическая партия" *). „Чем шире будет распространено название партии, тем лучше". „Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет об'явить себя членом партии" **). Эти же взгляды развиваются и обосновываются „меньшинством" после с'езда в „Искре" и отдельных брошюрах.

Иначе смотрит на задачи организации „большинство"

„Чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себе *действительных* социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет *внутри* партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих *масс* ***). К рабочей партии, как к передовому отряду — особенно в революционные периоды — примыкает весь или почти весь рабочий класс, но именно потому, что мы—партия класса, мы должны делать различие между *входящими* в партию и *примыкающими* к ней. От широкого распространения названия партии нет никакой пользы. Мы прекрасно знаем, что каждый стачечник не может *быть* социал-демократом. Контроль за деятельностью не входящих в партийную организацию лиц, которые получали бы лишь отдельные поручения от комитета,—есть фикция. К тому же, такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по отношению к массе рабочих. Необязательность участия в партийных организациях открыла бы только широкий доступ в партию интеллигентов-одиночек, которые в общем, как особый общественный слой, невыгодно отличаются от пролетариата тем, что менее его способны к организации и дисциплине ****).

В тесной связи с этими организационными взглядами обнаружились также разногласия между „большинством" и „меньшинством" по вопросу о централизме партии. Говоря вообще, „большевики" требовали большей централизации и потому настаивали на больших полномочиях Ц. К., который, сосредоточивая в себе лучшие силы партии, мог бы придать

*) Там же, стр. 239.

**) Там же, стр. 229.

***) Ленин: „Шаг вперед, два назад", Женева, 1904 г., стр. 42.

****) См. там же, стр. 42—48.

всей партийной работе большую выдержанность и продуктивность. Они подчеркивали поэтому необходимость строгой партийной дисциплины и разделения труда, как в каждой отдельной организации, так и во всей партии в целом. Напротив, „меньшевики“ полагали, что эта централизация может совершаться лишь медленно и постепенно, и видели опасность для самодеятельности местных организаций в наделении Ц. К. большими полномочиями по уставу партии (право Ц. К. распределять силы партии, обязательность всех постановлений Ц. К. для всех партийных организаций и пр.). Они хотят, чтобы Ц. К. мог „влиять на местную деятельность только с согласия местных комитетов“, так как „местные комитеты, даже в том виде, в каком они существовали до сих пор, гораздо ближе к рабочей массе и гораздо меньше способны, чем всемогущий Ц. К., „совлечься“ с пути социализма“ *).

Таковы были организационные разногласия между „большинством“ и „меньшинством“. Несмотря на то, что обоими фракциями они признавались слишком незначительными, чтобы помешать совместной работе, фракционная борьба возгорелась с такой силой, что затормозила не только об'единение партии, но и работу отдельных организаций. Групповая „обособность“ сказалась тотчас же после с'езда в бойкоте Центральных учреждений партии, состав которых был проведен „б-ством“. Один из трех выбранных с'ездом редакторов Ц. Органа, Мартов, отказывается от участия в редакции, а бывшие редакторы старой „Искры“ Аксельрод, Старовер и Засулич (сторонники „меньшиства“) отказываются от сотрудничества в газете. Между оставшимися в редакции Плехановым и Лениным возникают разногласия по вопросу о соглашении с „меньшинством“, которые приводят к выходу Ленина из редакции. Плеханов кооптирует в редакцию весь прежний состав „Искры“. „Меньшинство“, овладев Ц. О., открывает кампанию в защиту своих организационных взглядов. Сторонники „меньшинства“ в России, об'единенные „Искрой“, бойкотируют „большевистский“ Ц. К. и обособляются в партии организационно: устраивают самостоятельный транспорт литературы, организуют „Бюро Меньшинства“,

*) Череванин „Организационный вопрос“ Женева, 1904 года, стр. 44.

которое заменяет для южных меньшевистских к-тов партийный Ц. К. и пр. При таких обстоятельствах деятельность Ц. К. и местных организаций с первых же шагов по пути к организационному об'единению встретила огромные препятствия. Вот как описывает Ц. К. в своем отчете III с'езду положение вещей в партии после II с'езда: „Раскол, происшедший в конце с'езда, вызвал всеобщее разочарование его результатами. Настроение за границей было подавленное. Это отразилось на извещении Ц. К. о II с'езде, написанном за границей. С об'явлением с'езда шла канитель. Отсутствие протоколов крайне вредно отразилось на смуте. В общем нужно констатировать отсутствие малейшего энтузиазма после II с'езда. Между тем, в России началась агитация меньшевиков. Передача связей от Организационного Комитета шла туго. Всем известна кампания „Искры“ против Ц. К. На него сыпались обвинения в бездеятельности, формализме, бюрократизме. Кругом создалась атмосфера всеобщей апатии, недоверия, скептицизма, обструкции.

„К центру пред'являлись преувеличенные требования. II с'езд не создал центра: партия на нем лишь пожелала, чтоб он был создан и дала ему некоторые указания и права, при чем большая часть последних почти никем не признавалась.

„Прежде всего Ц. К-ту пришлось констатировать недостаток людей. Предыдущий кустарный период нашей истории не подготовил достаточного числа социалисттов. Не было опыта по ведению общепартийного дела. Не было, наконец, чисто технических навыков. Приходилось людей вырабатывать, создавать. Интеллигентский характер партийных организаций обусловливливал недостаток деловитых людей. Во всем сказывалась интеллигентская небрежность, отрыжка нигилизма“ *).

При всех этих неблагоприятных условиях фактически начавшийся уже раскол вносил в партию большую дезорганизацию. Весь 1904 г. проходит в ожесточенной борьбе фракций как в России, так и за границей, где эта борьба

---

*) Протоколы III съезда С.-Д. Р. Партии, Женева, 1905 г. стр. 374—375.

особенно обостряется в атмосфере эмигрантской жизни *). Летом этого года Ц. К., состав которого значительно обновился вследствие ареста и устранения работы некоторых наиболее непримиримых („твердых“) его членов—„большевиков“, делает попытку примирить борющиеся фракции и путем взаимных уступок восстановить единство партии. В своей июльской декларации он извещает о состоявшемся соглашении с меньшинством **) и призывает организации к совместной работе. Но эта попытка не удалась. Тотчас же после июльской декларации Ц. К. выделяется непримиримое („твердое“) „большинство“, которое восстает против уступчивости Ц. К. по отношению к „меньшинству“, считая требования последнего (кооптация представителей м-ства в центр. К.) резко противоречащими партийному уставу и духу организации. „Твердые“ большевики начинают в Женеве самостоятельное издательство в защиту принципиальной позиции большинства и ведут агитацию за созыв III с'езда партии, видя в нем единственный нормальный выход из того положения, в которое попала фактически расколовшаяся партия с центрами, не соответствующими ее настроениям и желаниям. Возникает „борьба за с'езд“. Совет парти, редакция „Искры“ и все „меньшинство“ в России ведут кампанию против с'езда. Против с'езда высказывается также и Ц. К., который все еще надеется восстановить единство путем соглашения с меньшинством.

В конце 1904 г. комитеты „большинства“ на 3-х конференциях — Южной, Кавказской и Северной — организуют „Бюро Комитетов Большинства“, которое ведет агитацию за с'езд, а потом, опираясь на многочисленные голоса комитетов приступает к созыву III партийного с'езда „революционным путем“.

Так разгоралась борьба внутри партии, поглощавшая массу сил. А между тем, надвигались события, которые

*) Заграничные междоусобия, особенно в центре скопления русских эмигрантов – Женеве—очень напоминают в этом отношении положение вещей в Союзе Коммунистов в Лондоне в 1850 г., когда возникшие там раздоры и дрязги Маркс и Энгельс объяснили тем, что „были революционеры, но не было революции“.

**) Ц. К. согласился на кооптацию нескольких меньшевиков, а меньшинство передало Ц. К-ту свой транспорт литературы из-за границы.

скоро должны были потребовать от всей партии напряженной работы. Уже осенью 1904 г. необыкновенно оживилось либеральное движение, открылась эпоха с'ездов и банкетов. Либеральная буржуазия организовалась, формулировала свои конституционные требования и скоро, устами г-на Струве, заявила, что она готова „стать во главе революции". Тактика по отношению к либералам стала практическим вопросом дня.

9 января открывает новую эпоху революционного движения и ставит на очередь такие вопросы, решение которых еще недавно казалось делом отдаленного будущего. Рабочий класс неудержимо стремится к массовому революционному выступлению. Каковы должны быть ближайшие задачи этого выступления? Что должно стать лозунгом предстоящей борьбы? Как придать этим выступлениям наиболее организованный и вместе с тем самостоятельный, классовый характер?,—вот вопросы, которые партия должна была решить немедленно, чтобы не быть подавленной ходом событий буржуазной революции. Эти новые, вставшие пред партией задачи вызвали новые, более глубокие разногласия между „большинством" и „меньшинством". В октябре 1904 г. редакция „Искры" предложила организациям свой „план земской кампании", в противовес либеральному движению. В этом плане „Искра", советовала социал-демократам устраивать рабочие демонстрации в земских собраниях, произносить речи, заявлять революционные требования, призывать земцев присоединиться к социал-демократическим резолюциям.

Этот план был решительно отвергнут большевиками, которые указывали на то, что революционные демократические требования рабочих совершенно неприемлемы для земских либералов, что в борьбе за эти требования, за программу-минимум социал демократии, рабочий класс должен выступить самостоятельно, не обманываясь надеждами на союз с либералами. Своим самостоятельным и решительным выступлением, говорили большевики, пролетариат в то же время скорее побудит и либералов „полеветь", насколько они вообще на это способны. Так возникли первые тактические разногласия, выяснением которых скоро занялась, основанная большевиками газета: „Вперед".

Весною 1905 г. делегаты от 29 комитетов прибыли за границу на III партийный с'езд. Он был созван „Организационным Комитетом", который составился из „Бюро Комитетов Большинства" и присоединившегося к нему в марте месяце Центрального Комитета Партии. Приехавшие делегаты „меньшинства" (оказавшиеся снова в меньшинстве) *) не приняли участия в с'езде и удалились, чтобы устроить вместе с редакцией „Искры" и делегатами „Лиги" „I конференцию Партии". III с'езд и I конференция самым фактом своих одновременных и отдельных заседаний как бы закрепили и узаконили раскол в партии. В то же время, в своих дебатах и резолюциях они подвели итоги и дали более или менее полное выражение двум направлениям в российской социал-демократии и, главным образом, двум тактическим взглядам. Центральным пунктом разногласий между „большинством" и „меншинством" явился теперь вопрос об отношении к Временному Правительству. В резолюциях III с'езда и I конференции о Временном Правительстве наиболее полно выражены взгляды „большинства" и „меншинства" на роль социал-демократии в демократической революции. Поэтому мы приведем здесь эти резолюции целиком.

Резолюция I конференции о завоевании власти и участии во Временном Правительстве.

„Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением Временного Правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего под непосредственным

---

*) На III съезде приняли участие делегаты следующих 20 организаций: Совет партии (2 члена по 1 гол.), Центральн. Ком. (1 чл. с 2 гол.), Кавказский Союз (5 делег. с 8 гол.), Комитеты Воронежский, Курский, Московский, Николаевский, Нижегородский, Орловский, Одесский, Полесский, Петербургский, Рижский, Самарский, Саратовский, Северный, Северо-западный, Тверской, Тульский, Уральский (по 2 гол.).

Из прибывших на съезд не приняли в нем участие делегаты 9 комитетов: Донского, Горнозаводского, Киевского, Кубанского, Терского, Харьковского, Смоленского, Екатеринославского, Сибирского. Не получено было ответа О. К-том на приглашении на съезд от 2 комитетов: Астраханского и Крымского союза.

давлением революционного народа организовать Всенародное Учредительное Собрание.

„И в том и в другом случае такая победа послужит началом новой фазы революционной эпохи.

„Задачей, которая стихийным образом ставится этой новой фазе об'ективными условиями общественного развития, является окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью.

„Поэтому и Временное Правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру, буржуазной революции, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя.

„При таких условиях, социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет ей рук в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранить ее от растворения в буржуазной демократии.

„Поэтому социал-демократия *не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во Временном Правительстве*, а должно оставаться партией крайней революционной оппозиции.

„Эта тактика, конечно, нисколько не исключает целесообразности частичного,эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства.

„Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удерживать ее в своих руках,—именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Евро-

ны, в которой достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований.

„Строя свою тактику на расчете сохранения за социал-демократической партией в течение всего революционного периода положения крайней революционной оппозиции ко всем сменяющимся в ходе революции правительствам, социал-демократия всего лучше может подготовиться и к использованию правительственной власти, если она попадет в ее руки".

Резолюция III с'езда о Временном Революционном Правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России при данном общественно-экономическом ее строе не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—

III с'езд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления

временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (прогрмма-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, *допустимо участие во Временном Революционном Правительстве уполномоченных нашей партии,* в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям.

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давленя на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

Взгляды обеих фракций на ход и исход буржуазной революции и на роль в ней социал-демократии тесно связаны с их отношением к непролетарским классам и партиям. Обе фракции признают, что демократический переворот не может быть совершен силами одного пролетариата, что социал-демократия, руководя политической борьбой рабочего класса и отстаивая его интересы в этой борьбе, должна поддерживать всякое оппозиционное и революционное движение буржуазией, направленное против существующего строя. Но далеко не одинаково оценивается ими революционное значение союзников пролетариата.

Нужно заметить, что во всей обширной литературе м—ства, посвященной вопросам тактики, вопрос о значении в революции различных общественных классов и групп в России и их взаимном отношении остается мало разработанным. Свой взгляд на роль социал-демократии в буржуазной революции м-ство основывает лишь на тех общих истинах, что буржуазия, как класс, необходимо должна бо-

роться против самодержавия, но что революция должна упрочить классовое господство буржуазии, и делает отсюда тот вывод, что пролетариат не должен играть руководящей роли в буржуазной революции. В подтверждение этого вывода м-ство ссылается также на опыт прежних европейских революций (1848 и 1871 г.), когда пролетариат, желая играть такую роль, потерпел поражение*). Но в политической практике м-ства его отношение к различным непролетарским классам и партиям выступает вполне определенно. Оно придает гораздо большее значение в ходе революции не крестьянству, а либеральным партиям (прежде—земской, а потом—конституционно-демократической), т.-е. партиям городской и главным образом помещичьей буржуазии. В них видит м-ство наиболее передовую и активную силу на политическом горизонте, с их стремлениями оно находит нужным считаться, их оно прежде всего хочет поддерживать**). На этом отношении к либералам был построен „план земской кампании", а также и вся позднейшая тактика „меньшинства"—тактика „толкания либералов влево". Отсюда же и представление м-ства о вероятном исходе победоносной революции не только путем народного восстания и Временного Правительства, но также и путем „решения того или иного народного представительства созвать Учред. Собр. под непосредственным давлением революционного народа".

„Б-ство", указывая и критикуя неустойчивость либеральной буржуазии, всегда готовой вступить в сделку с реакцией, видит наиболее надежного союзника пролетариата в крестьянстве. В данный момент оно не столько заинтересовано в охране частной собственности, сколько в от-

*) Обоснование тактических взглядов м-ства см. в статьях „Искры": Мартов, „Рабочая партия и захват власти" (№ 93); Плеханов, „К вопросу о захвате власти" (№ 96); Мартынов, „Революционные перспективы" (№ 90). Эти статьи перепечатаны в „Искре" „За два года". СПБ. 1906 г.

**) Более определенно, чем в прежней литературе м-ства эти взгляды развиваются в последнее время в „Нашем Деле", особенно в передовицах Череванина в №№ 1 и 3. Указывая на невежество, политическую отсталость и неподвижность крестьянства, т. Череванин, для осуществления ближайших задач партии (избирательной борьбы против реакционных сил) зовет к „соглашению с буржуазными партиями вроде кадетов" (№ 1). „Кадеты,—говорит т. Ч.,—в своих политических

нятии у помещиков земли, одного из главных видов этой собственности. Не переставая, конечно, быть мелко-буржуазным, крестьянство может выступить, однако, самым решительным сторонником полного демократического переворота, т. к. только полное народовластие может закрепить за ним земельные реформы, которые ему необходимы и которых оно добивается*). На это обстоятельство большевики указывают, как на существенное отличие русской революции от прежних европейских революций, например которых ссылается „м-ство“

Отсюда практический лозунг „б-ства“: *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в интересах полного демократического переворота, для проведения в жизнь нашей программы-минимум.*

С развитием революционного движения главные пункты разногласий и споров между „б-ством“ и „м-ством“ передвинулись из области организационных вопросов в область тактики. Но не трудно заметить, что так наз. организационные разногласия выражали, в сущности, различные взгляды на те же самые тактические вопросы. Формы движения и партийной организации определялись различным пониманием ближайших задач партии и ее роли в рабочем движении и буржуазной революции.

„М-ство“, усиленно подчеркивая, что „российская социал-демократия, партия пролетарская по своей теоретической основе и программе—далеко еще не таковая по своему социальному составу и характеру своей организации“**)—в своей практике стремится расширить рамки партийной организации, проводит в жизнь демократическое начало,

---

стремлениях стоят пока не позади большинства крестьянства, а впереди его“ (№ 3). Противопоставляя „кадетов“ „большинству крестьянства“, автор, конечно, сравнивает вещи совершенно несравнимые и ни на шаг не подвигается вперед в деле сравнительной оценки революционного значения разных классов. Почему он, говоря о „кадетах“, умалчивает о трудовиках и с.-рах, и говоря о „большинстве крестьянства“, не упоминает о большинстве помещиков, которые ведь также остаются позади кадетов и интересы которых, так резко сталкиваются с интересами крестьянства,—остается его секретом.

*) См. Ленин. „Две тактики социал-демократии в демократической революции“. Москва, 1905 г.

**) „Искра“ № 55, ст. Аксельрода. „Об'единение российской социал-демократии“.

борется против централизма большевиков. В этом отношении она близко примыкает к „экономистам“, от которых ведет свое историческое происхождение. Эти организационные взгляды м-ства могли иметь в виду лишь общее идейное влияние социал-демократии на рабочий класс, как единственно-возможную задачу партии.

„Б-ство“, настаивая на необходимости большей принципиальной выдержанности и активности членов партии, большей сплоченности и централизации партийной организации, считает задачей партии не только идейно, но и практически руководить борьбой рабочего класса, считает необходимым, напр., во время революции взять на себя инициативу, организацию и руководство вооруженным восстанием, в то время как „м-ство“ ограничивается агитацией в пользу самовооружения масс. Приспособление к массовому характеру движения приводит „м-ство“, так же как и „экономистов“, к широкому применению способа „наглядного обучения“ в своей тактике. Бойкоту Думы 6 августа, выдвинутому „б-ством“, „меньшевики“ противопоставляют параллельные выборы на основе всеобщего и т. д. права. Бойкоту Думы 1 декабря, как протесту против подделки народного представительства и стеснения свободы выборов—участие в выборах, чтобы „повести массу в избирательные собрания, дать ей самой наткнуться на все те препятствия, которые ставит закон“ и пр.*).

Таковы в общих чертах разногласия по вопросу о тактике социал-демократии в буржуазной революции. Мы видим, что разногласия внутри партии росли вместе с партией, по мере того, как расширялось и обогащалось содержание партийной жизни. О сколько-нибудь серьезных разногласиях на I с'езде нам неизвестно. Участники этого с'езда как и все работавшие в то время социал-демократы, могли быть единодушны на почве общих принципов с.-д. учения и несложных в то время практических задач, т.-е., главн. обр. пропаганды этого учения. Разногласия на II с'езде ограничивались организационными вопросами, но лишь потому, что политическая жизнь не выдвинула еще таких практических вопросов, на которых существующие в зародыше тактиче-

*) Дан, „Госуд. Дума и пролетариат“, 1906 г., стр. 13.

ские разногласия могли бы вполне ясно определиться. III с'езд и I конференция, состоявшиеся в разгаре революционного движения, дали полное выражение двум тактическим взглядам в российской социал-демократии. На IV с'езде возникли даже некоторые разногласия по вопросам программы (аграрная программа партии).

Сами по себе эти разногласия и идейная борьба внутри партии не только не препятствуют развитию российской социал-демократии, но, напротив, служат показателем этого развития. Ни одна из существующих сколько-ниб. крупных и жизненных партий не развивалась иначе, как путем внутренней борьбы всевозможных направлений и оттенков мысли и настроения. Как ни однороден состав рабочих партий в Европе, во всякой большой партии всегда можно различить группы более сознательные и передовые и—более отсталые, более революционные и—оппортюнистические.

Однако же, сразу бросается в глаза, что фракционная борьба в российской социал-демократии далеко не соответствовала серьезности разногласий. Борьба фракций нередко так обострялась, принимала такие формы, что порою тормозила всякую партийную работу. Только такими неестественными, уродливыми формами идейной борьбы можно об'яснить полный организационный раскол ко времени III с'езда, когда политические условия требовали самого тесного об'единения работы всей партии. Эта темная сторона партийной жизни не могла, конечно, не отразиться на успехах движения. Действуя самым угнетающим образом на сознание даже передовых рабочих, она вносила большую дезорганизацию в партию.

„Слыханное ли дело, товарищи", пишет один рабочий вскоре после III с'езда, „имело ли место в истории пролетарских партий других стран, чтобы вожди разорвали партию из-за разногласий такого рода?!!!

„...И особенно теперь, когда близкий конец самодержавной России логикой событий заставляет новую, „буржуазную Россию" различных оттенков и взглядов сгруппироваться, сплотиться в единую силу для того, чтобы занять себе подобающее место в будущем свободном Российском государстве,—ту буржуазную Россию, которая наверно не преминет,

в интересах своих, уже теперь же взять под свое буржуазное крылышко революционно настроенные рабочие массы“*).

Как самые разногласия, так и те „неслыханные“ формы, в которыя нередко отливалась фракционная борьба, носят на себе печать тех исторических условий, при которых приходилось развиваться российской социал-демократии. Сторонники „кружковщины“ и агитации, „экономисты“ и „искровцы“, „большинство“ и „меньшинство“ стремились преодолеть эти условия, стремились—каждый по-своему—решить одну и ту же задачу: „в самодержавном государстве выработать тактику социал-демократическую“.

В самом деле: с самого своего возникновения российская социал-демократия должна была приспособляться к условиям азиатского деспотизма, чтобы выработать формы европейского рабочего движения. Массовый характер этого движения не мог мириться с тесной „заговорщицкой“ организацией, которая до самого последнего времени была необходима для того, чтобы обеспечить революционное содержание социал-демократической работы.

В узких рамках подпольной кружковой пропаганды и агитации, при случайном составе рабочих кружков, в которые не всегда попадали наиболее способные рабочие, наконец, при отсутствии того широкого поля открытой практической деятельности, какое имело перед собою, напр., „Международное Общество Рабочих“ или любая из возникавших з.-европейских рабочих партий,—только очень медленно могли вырабатываться из рабочей среды организаторы и вожди движения, стоящие на уровне современного социализма. Состав руководящих с.-д. организаций по необходимости ограничивался почти исключительно „интеллигенцией“. Близкое участие и идейное руководство этой интеллигенции рабочим движением имеет свое оправдание в том, что она обогащала содержание этого движения, внедряла рабочему классу идеи научного социализма. Вольное и невольное устранение с.-д. „интеллигенции“ от рабочего движения всегда вопровождалась упрощением с.-д. программы, понижением сознательности движения.

---

*) „Рабочие о партийном расколе“. Женева, 1905 г., издание Партии.

В то же время, все условия подпольной работы—невозможность постоянного и тесного общения руководителей движения с рабочей массой, частое изменение состава организаций, наконец, необходимость сосредоточить издание руководящей литературы за границей и отсюда—отчуждение „теоретиков“ от „практиков—все эти условия очень мало могли способствовать воспитанию партийных навыков и духа дисциплины у руководителей движения, которые по своему социальному происхождению обладали этими качествами в гораздо меньшей степени, чем пролетарии. Самые горячие стремления к единству действий часто разбивались о политическую невоспитанность работников, воспитавшихся в удушливой атмосфере подполья.

И только постепенно, применяясь к этим условиям и преодолевая их, развивалась более широкая партийная деятельность, складывалась партийная организация. Как бы то ни было, партийная работа со времени II с'езда значительно выросла. Избранному с'ездом Ц. К-ту, несмотря на все неблагоприятные условия, удалось многое сделать для об'единения практической деятельности партии. Он установил прочные и постоянные связи с местными комитетами; распределение сил партии стало совершаться более планомерно через его центральное и районные бюро. Особенно большую деятельность Ц. К. развил по части снабжения местных комитетов „нелегальной“ литературой. В течение года (с апреля 1904 г. по март 1905 г.) им было издано в России и перевезено из-за границы около 300 пудов литературы. Только в собственных типографиях Ц. К. издал на русском, армянском и грузинском языках всего 69 названий брошюр и прокламаций в количестве более миллиона экземпляров. В сравнении с периодом „кустарничеств“ конца 90-х и начала 900-х годов это было, конечно, огромным шагом вперед, и делегат Ц. К. на III с'езде мог с полным правом сказать, что „в деле печатания и распространения нелегальной литературы в России Ц. К. нашей партии сделал больше, чем было сделано какою бы то ни было нелегальной организацией, не исключая „Народной Воли“ с ее громадными материальными средствами, с ее строго централистической организацией“*). Если прибавить сюда издания

*) Протоколы III с'езда, стр. 378.

„Бюро Меньшинства“, которое также отпечатало в своих типографиях огромное количество прокламаций, а также издания всех местных комитетов, то общая сумма распространенной в России социал-демократической литературы с 1903 по 1905 г. должна достигнуть таких размеров, которые еще до революции завоевали уже значительную „свободу печати“.

Но дальше об'единения общепартийных технических предприятий, укрепления связей между отдельными организациями и более регулярного распределения сил,—об'единение „нелегальной“ Р. С.-Д. Р. Партии не подвинулось. Ц. К. не удалось осуществить самый главной функции, по возложенной на него с'ездом: общего политического руководства партией. В своей непосредственной политической деятельности местные организации оставались попрежнему связанными лишь „силой идей“. Но эта сила была велика.

Несмотря на отсутствие деятельного и единого руководящего центра и на раздиравшую партию фракционную борьбу, можно отметить одно общее дело, которое дружно велось всеми организациями независимо от фракций; это—агитация по поводу японской войны. Патриотической агитации правительства—демонстрациям во славу русского оружия, социал-демократия противопоставила свою революционную агитацию против войны и правительства. Устная и печатная агитация социал-демократов достигла огромных размеров. Ц. К. и все местные комитеты распространили сотни тысяч прокламаций не только среди рабочих, но также среди „общества“ всех степеней, крестьянства, новобранцев и солдат*).

Социал-демократические прокламации скоро появились даже в действующей манчжурской армии и, вместе с русскими генералами, революционизировали целые полки, пре-

*) Одною только редакцией „Искры“ до июля 1904 г. были изданы след. прокламации: 1) „За что должен умирать русский солдат?“ 2) „Война против войны“, 3) „Ко всему рабочему народу“, 4) „Международный жандарм“, 5) „Ко всем запасным рядовым“, 6) „Патриотический грабеж“, 7) „Жертвуйте русские люди!“, 8) „К обществу“, 9) „Кому помогать“, 10) „Правдивое слово министра финансов“, 11) „Зачем нужны еврейские погромы?“, 12) „Кризис, безработица, война“ 13) „Уроки войны“, 14) „К солдатам“, 15) Пора!“, 16) „Кто должен победить?“.

вратили их в скопище „политических преступников“, одно возвращение которых на родину внушало страх правительству. В своей массовой агитации во время войны социал-демократы впервые стали усиленно проводить свое требование: созыв всенародного Учредительного Собрания.

При росте политического сознания в широких массах народа эта восточная авантюра самодержавия не прошла уже для него безнаказано, и японская война стала прологом к Русской революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Буржуазная революция и социал-демократия.

Российская революция—самая поздняя из буржуазных революций Европы. Российская социал-демократия—самая молодая из европейских рабочих партий. Но „великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным“, как говорит наша программа.

Этот международный характер пролетарского движения сближает и уравнивает пролетариев всего мира, сглаживает разницу между старыми и молодыми рабочими партиями—подобно тому как и международный капитал вводит повсюду единые способы производства, повсюду с одинаковой силой обобществляет труд и выжимает прибавочную стоимость.

Поэтому российский пролетариат, который борется в этой поздней революции под знаменем социал-демократии,—оказывается почти ровесником своих западных собратьев, переживших уже не одну революцию. Поэтому поздняя русская революция так сильно отличается от прежних революций в Европе.

Во время великой французской революции 1789 года, как и во время июльской революции 1830 года, рабочие массы шли послушно за буржуазией, боролись под ее знаменем: тогда буржуазия была революционна, а пролетариат был бессознателен.

В мартовские дни 1848 года в Германии революция остановилась на полдороге, чтобы заключить договор с реакцией и помириться на жалкой конституции: тогда буржуазия была уже менее революционна, а пролетариат был недостаточно сознателен и совершенно неорганизован.

Наконец, во время Парижской Коммуны 1871 года пролетариат пытался выступить, как самостоятельная революционная сила, но он потерпел поражение: тогда буржуазия была уже реакционна, но буржуазная реакция была лучше организована, чем социальная революция.

С тех пор классовое сознание рабочих выросло не в одних только старых промышленных странах. Опыт пролетарской освободительной борьбы не прошел бесследно и для русского рабочего класса.

В настоящей революции он не становится послушным орудием буржуазии, но в то же время не питает и социалистических иллюзий.

Но чем сознательнее и решительнее выступает рабочий класс, тем неподвижнее и боязливее становится буржуазия. Порабощенная политически, она мечется между революцией и реакцией. И в борьбе за свои классовые интересы, рабочий класс больше чем когда-либо берет на свои плечи дело политической свободы, дело буржуазной революции.

Еще в недрах самодержавной России рабочий класс выступил самой крупной политической силой. Молодая российская рабочая партия — самая старая из современных партий России.

Еще задолго до революционных дней и до образования буржуазных партий сознательный пролетариат громко требовал Учредительное Собрание. Опираясь на успехи своей борьбы он вынудил принять это „неумеренное“ требование даже более умеренные слои буржуазии.

Самое средство политической борьбы — всеобщая стачка, была в руках только рабочего класса; она доставила победу революции в октябре и вызвала сочувствие и подражание.

Но уже требование 8-часового рабочего дня и революционное проведение его в жизнь оказалось достаточно „неумеренным“ для того, чтобы отпугнуть „красным призраком“ даже самых крикливых друзей свободы.

Это мощное и сознательное участие в революции пролетария, который видит в политической свободе не „увенчание здания“, а лишь средство к дальнейшей борьбе, и потому пред'являет к ней „свои неумеренные“ требования— так сильно отличает нашу революцию, придает ей такой упорный, затяжной характер.

Такова роль рабочего класса в русской революции. В росте его классового сознания, в успехах его борьбы сказались результаты многолетней работы российской социал-демократии.

С началом революции и массовых выступлений рабочего класса на путь открытой политической борьбы оканчивается первый, „заговорщицкий“ период ее истории.

Идеи современного научного социализма, насаждавшиеся из подполья, еще задолго до революции распространились далеко за пределы подпольной организации. В течение же революционного года они сделали больший успех, чем за все предыдущие годы, стали достоянием широких рабочих масс, которые проводили их в жизнь и таким образом, взяли дело своего освобождения в свои собственные руки. И сама российская социал-демократия из „заговорщицкой“ и по преимуществу „интеллигентской“ организации превращается в действительную рабочую партию, которая не только по своей программе, но и по своему составу и характеру своей организации является современной социал-демократией, т.-е. соединением рабочего движения с социализмом.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Манифест Росс. С.-Д. Рабочей Партии (1893 г.)

50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 г.

Впервые на сцену выступила—как крупная историческая сила—современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако, было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене—с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капиталистом, растет вместе, крепнет и, по мере своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплуататорами. По мере развития капитализма, размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали

с окончательным развитием международной социал-демократии как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские организации всегда в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социал-демократических идей. Силу и знание рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитая стачка петербургских ткачей и прядильщиков в 96 и 97 гг. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2-го июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон—как бы ни были велики его недостатки—останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывает на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он *требовал*, и впредь будут давать лишь то, чего он *потребует*.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний,—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение,—против частной собственности, за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она—основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только *сам*.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг

к осуществлению великой исторической миссии пролетариата, к созданию такового общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком.

Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, и в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора об'единить местные силы, кружки, и организации русской социал-демократии в единую „Российскую Социал-демократическую Рабочую Партию“. В сознании этого, представители: „Союзов Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“, группы, издающей „Рабочую Газету“, и „общееврейского Рабочего Союза в России и Польше“ устроили с'езд, решение которого приводится ниже.

Местные группы, соединяясь в Партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение и направление социалистическое, Российская Социал-демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач Партии в ее целом завоевание позитической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной Воли“. Но средство и пути, которые выбирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остается классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что „освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом“, и будет неуклонно сообразовать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

До войны.

После 1905 года.

I.

Книжка тов. Батурина была написана более десяти лет назад. С тех пор российская социал-демократия успела пережить и полосу злейшей реакции, наступившей после 1906 года, торжество революции в марте 1917 года, и наконец, пролетарско-крестьянскую революцию в октябре 1917 г. Попытаюсь дать самый краткий очерк рабочего движения и жизни нашей партии за время до войны.

Но прежде всего напомню о событиях революционного 1905 года.

До 1905 года в Росси царило голое самодержавие, не прикрашенное даже помещичьей государственной думой. Оно давило не только пролетариат и крестьянство, но и среднюю буржуазию. Бюрократически организованное правительство включало в себя лишь верхи дворянского сословия, верхи самого крупного землевладения. Но русская дворянская аристократия давно уже познала сладость капиталистической эксплуатации и в своей экономической политике неразрывно связала себя с интересами самых верхних слоев финансовой и торгово-промышленной буржуазии. Политическим результатом такого положения было то, что самодержавный строй поддерживался верхами и помещичьего дворянства и буржуазии.

А в оппозиции были не только средние слои буржуазии, но и средние и мелкие земледельцы. Таким образом, образовался длительный политический конфликт между правительством, с одной стороны, и земствами и городскими думами,—с другой.

Разразилась в начале 1904 года русско-японская война. Это была чистейшая авантюра самых верхушек дворянства и буржуазии. Неудача за неудачей преследовала русскую армию во время этой позорной войны. Всеобщее недовольство росло. И больше всего волновался пролетариат и крестьянство.

Но рабочие, даже в Петербурге, в массе своей еще верили в царя-батюшку. На почве этой веры, под руководством попа Гапона, созрела среди петербургских рабочих масс мысль итти к царю с просьбой (петицией) о своих нуждах. Социал-демократы предупреждали рабочих о бессмысленности всяких петиций, но рабочие нас не слушали. И 9 января сотни тысяч рабочих Петербурга,—с иконами, хоругвями и с царскими портретами вместо оружия,—двинулись к царскому дворцу со всех концов города.

Произошло то, о чем социал-демократы предупреждали рабочих: царские войска встретили рабочих ружейными залпами. Убитые и раненые,—мужчины, женщины и дети,—падали на снег сотнями. Число погибших точно неизвестно, но во всяком случае их было более 1.000 человек.

В день 9 января царскими войсками была навсегда расстреляна старинная вера народа в царя.

И после 9 января начинает быстро расти революционное движение по всей России,—можно сказать, во всех слоях населения.

Под влиянием этого роста буржуазия и помещики, даже те, кто стоял за самодержавие, начинают терять веру в способность старого правительства защитить буржуазные и помещичьи интересы. Растет оппозиция земств и городских дум. Получается впечатление общенационального возмущения против самодержавия. Широкой волной разливается по России забастовочное движение рабочих и аграрное (за землю) движение среди крестьян.

Но общее возмущение против самодержавного правительства имело в своем основании побуждения прямо противоположные.

Рабочие и крестьяне возмущались тем, что самодержавие душит их в угоду буржуазии и помещикам.

А буржуазия и помещики возмущались тем, что самодержавие оказалось неспособным задушить рабочее и крестьянское революционное движение.

Исходя из интересов прямо противоположных, та и другая сторона по видимости одинаково настраивалась враждебно по отношению к самодержавию.

На основе этой видимости единства интересов всех классов создалась особо благоприятная почва для политического влияния того промежуточного слоя населения, который называется интеллигенцией. Это, преимущественно, студенчество, а также высшие и средние служащие всякого рода,—инженеры, врачи, учителя, литераторы, адвокаты и т. п.

Летом 1905 года самодержавие решило сделать первую уступку; оно поручило министру Булыгину составить проект учреждения государственной думы. Булыгинский проект вызвал широкое возмущение и рабочих, и так называемой интеллигенции. Разразилась всеобщая октябрьская забастовка, в которой приняли участие и буржуазные литераторы, и адвокаты, инженеры, чиновники и всякого рода подобная публика.

Результатом этой забастовки явился прославленный манифест 17 октября, обещавший дать государственную думу с законодательными правами, а также суливший свободу печати, слова, собраний и т. п.

Наступили знаменитые „дни свободы“, продолжавшиеся около шести недель. В процессе октябрьской забастовки образовались по городам Советы Рабочих Депутатов. Но значительным влиянием пользовался только петербургский Совет.

В течение 1905 года, до „дней свободы“, разногласие между большевиками и меньшевиками сосредоточивалось главным образом по оценке либерально-буржуазного движения против самодержавия, и на тактике социал-демократии по отношению к либеральной буржуазии. Большевики утверждали, что либерально-буржуазное движение по существу своему контр-революционно, а меньшевики больше всего заботились о „подталкивании“ буржуазии. Меньшевик Г. В. Плеханов выдвигал даже лозунг „изолировать реакцию“ путем „общенационального об'единения“.

В противоположность меньшевикам, большевики выдвигали лозунг „революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“, которая должна быть достигнута путем вооруженного восстания.

„Дни свободы“ застали в России, в сущности, не одну, а две социал-демократических партии: и меньшевики и большевики имели свои особые центры и почти во всех крупных городах—свои особые организации. Центральными органами были у меньшевиков — газета „Искра“, а у большевиков—газета „Пролетарий“, обе издавались за границей. А когда, в „дни свободы“, явилась возможность печататься в Петербурге, то у большевиков тотчас возникла газета „Новая Жизнь“, а у меньшевиков—газета „Начало“.

„Новая Жизнь“ и „Начало“ вели каждая свою линию, избегая полемики. Это значительно смягчило враждебные отношения между фракциями. К тому же у всех существовало убеждение, что причиной острого раскола являлись до сих пор ненормальное, подпольное существованне партии и чрезмерная роль интеллигентских, литераторских верхов, неизбежная при подпольной организации, носящей полузаговорщический характер.

Казалось, что как только в организациях будет проведено выборное начало, как только, благодаря выборности, решающая роль в партии перейдет к рабочей массе, так сейчас же окажется возможным и неизбежным существование единой партии.

В силу этих взглядов тотчас началось об'единительное движение. Первой об'единилась Одесса. В „Новой Жизни“ был дан лозунг „об'единения снизу, на местах“. Окончательное же об'единение предполагалось оформить на общепартийном с'езде.

„Дни свободы“ продолжались недолго. Правительство использовало эти дни, чтобы составить списки выдающихся деятелей революционного движения. В первых числах декабря начались по этим спискам аресты по всей России. В Петербурге полиция явилась на заседание Совета Рабочих Депутатов и всех арестовала. Газеты „Начало“ и „Новая Жизнь“ были закрыты.

На место этих двух газет появились одна—„Северный Голос“, а затем, через день или два „Наш Голос“ (вышел, помнится, только один номер). В этих двух газетах об'единенная редакция (большевиков и меньшевиков) работала почти без трений и разногласий: острота политического момента об'единила на короткое время обе стороны.

В ответ на преследования со стороны правительства,— в Москве, в декабре 1905 года, разразилось вооруженное восстание, длившееся несколько дней и закончившееся победой правительства. Москва была залита кровью тысяч рабочих, погибших в бою, и еще больше—расстрелянных по приказу генерал-губернатора адмирала Дубасова и командира Семеновского полка генерала Мина.

Петербург не смог оказать вооруженной помощи восставшей Москве: он поддержал восстание только всобщей забастовкой.

Поражение Москвы первое время не казалось еще поражением революции. Напротив, большевики считали, что революция поднялась на новую, высшую ступень развития,— что московские события только рассеяли наивную веру в возможность мирной революции, в роде того как день 9 января рассеял наивную веру народа в царя.

Жизнь показала, что большевики были в этом и правы и не правы. Они ошиблись, думая, что вслед за усмирением Москвы скоро поднимется новая волна революции. Напротив, теперь уже известно, что после декабря революция 1905 года пошла на убыль.

Но большевики были правы, когда указывали, что декабрьское восстание 1905 года в Москве привело революцию к высшей ступени развития, к революционной вооруженной борьбе: в феврале 1917 года Петербург, можно сказать, начал революцию с того места, на котором она остановилась в Москве 1905 года.

Возвращаюсь к старому. После расстрела Москвы Дубасовым и после арестов виднейших революционеров по всем городам России, началось для партии время полулегального существования. С одной стороны, за принадлежность к социал-демократической партии царский суд приговаривал к ссылке на поселение и даже к каторге. А с другой стороны, — социал-демократы выступали открыто, — например, во время выборов в государственную думу и в самой думе.

Однако, партийный с'езд оказалось уже невозможно созвать в России. Он собрался в апреле 1906 года в Стокгольме. С'ехались и большевики и меньшевики. Меньшевиков было несколько больше, чем большевиков. Поэтому проходили меньшевистские резолюции, и в Центральный Коми-

тет партии меньшевиков было выбрано больше. С'езд получил название „Стокгольмского Об'единительного С'езда".

В период времени с декабря до апреля споры между большевиками и меньшевиками вращались вокруг вопроса о близости нового революционного под'ема. Считая близкий под'ем неизбежным, большевики боролись против „конституционных иллюзий" (обманчивых надежд) и стояли за бойкот государственной думы, начиная с первой стадии выборов. Меньшевики также стояли за бойкот самой думы, но считали нужным использовать первые стадии выборов для организационной работы в широкой рабочей массе.

И большевики и меньшевики считали, что, благодаря отсутствию свободы агитации и цензовому избирательному закону, дума получится реакционная. Но к апрелю, ко времени об'единительного с'езда, стала обнаруживаться возможность использовать и участие в самой думе для революционных целей. Меньшевики на с'езде провели резолюцию за участие в думе. Большевики на деле также признали необходимость использовать думу.

Первая государственная дума открылась 27 апреля 1906 года. В ней получила руководящую роль кадетская партия. От социал-демократии получили партийное представительство только несколько депутатов с Кавказа, где выборы произошли с опозданием. Но в думе оказалось много крестьян и несколько рабочих, прошедших, как беспартийные. Тогда возникла впервые мысль образовать из этих депутатов „трудовую группу", отсюда и получила свое начало так называемая „трудовая партия" или трудовики.

Когда приехали кавказские социал-демократические депутаты, рабочие, входившие в состав трудовой группы, выделились из нее и образовали вместе с кавказцами социал-демократическую фракцию первой государственной думы.

Эта дума была разогнана правительством через $2^1/_2$ месяца, 9-го июля. Реакция усиливалась с каждым днем. Против разгона думы не последовало достаточно серьезных массовых протестов. Революционное настроение шло на убыль.

Партийное об'единение социал-демократов принесло мало пользы, а часто даже больше вреда, чем пользы: вместо того, чтобы работать отдельно, каждая фракция на свой

лад, обе фракции, об'единенные в одну организацию, тратили время на споры между собою.

Но в вопросе об участии в выборах во вторую государственную думу резкого разногласия не было. И в новой думе, созванной в конце февраля 1907 года, в социал-демократической фракции оказалось много депутатов, — более 50 человек. Уже тогда обращалось внимание на неподходящий для пролетарской партии состав социал-демократической думской фракции: представителей пролетариата было в ней очень мало. А большинство состояло из представителей Кавказа, Сибири и Средней Азии,—вообще окраин, где не развита крупная промышленность и слаб пролетариат, но сильны мелкобуржазные демократические настроения *).

В борьбе за общедемократические требования социал-демократическая фракция второй государственной думы шла впереди других фракций и не мало напортила крови правительству и отчасти кадетам, выдвинувшим вместо борьбы лозунг: „берегите думу!“ Фракция социалистов-революционеров, сильная по числу депутатов, уже тогда, в 1907 году, начала играть жалкую, межеумочную роль и металась между кадетами и социал-демократами.

Вскоре правительство решило разогнать вторую государственную думу, да кстати и расправиться хорошенько с социал-демократической фракцией. С помощью провокаторов был состряпан наскоро „военный заговор“; те же провокаторы явились с.-д. фракцию в качестве делегатов от военной организации; за разговор с этой делегацией были притянуты к суду все депутаты. В ночь на 3 июня 1907 года полиция арестовала тех депутатов, которых сумела захватить. Государственная дума была разогнана. Издан новый закон о выборах в думу, сузивший права рабочих, крестьян и государственных окраин и отдавший думу в руки помещиков и крупных капиталистов.

Разгон второй думы и даже арест депутатов, как и разгон первой думы, не вызвали движения сколько-нибудь опасного для правительства. Началось время полного тор-

*) В этом отношении поучительна история представительства от Иркутской губернии. В 3-й думе от нее был депутатом с.-д. Белоусов, сам отрекшийся потом от с.-д. А в 4-й думе—с.-д. Маньков, которого даже ликвидаторы вынуждены были исключить из фракции.

жества реакции, торжества помещиков и капиталистов. Учреждение государственной думы, с урезанными избирательными правами, сохранилось. Но такая дума не расшатывала правительства, а скорее укрепляла его положение.

Казалось, надолго был раздавлен пролетариат, обезкровлена революция, и нет просвета впереди. Начался период отчаяния, сопровождавшегося эпидемией самоубийств. Партийные организации все больше сокращались, теряя людей и от арестов, и от добровольного их ухода.

В 1907 году произошел новый партийный с'езд (в Лондоне). На нем большевики преобладали. Был избран новый центральный комитет с преобладанием большевиков. Но при отсутствии массового движения он был почти бессилен и постепенно распался. Период революции 1905 года кончился.

II.

Новые условия.

Начало нового революционного под'ема среди рабочих можно отнести приблизительно к 1911 году. Этот под'ем проходил в условиях, существенно изменившихся по сравнению с условиями под'ема, приведшего к революции 1905 года.

Я уже говорил об иллюзии „общенациональной" борьбы против самодержавия перед 1905 годом и отчасти в 1905 году. Такая иллюзия стала невозможной в условиях под'ема 1911 и последующих годов. За период между 1905 и 1911 годами произошло более резкое политическое размежевание, в соответствии с обострившейся противоположностью политических и экономических интересов различных классов населения.

Начало более резкому размежеванию было положено уже в октябре 1905 года, сейчас же вслед за первой победой над самодержавием. Октябрьская победа принесла законодательные права думе и „свободы" населению. Но что значат права и свобода для рабочих, вечно стоящих на краю голода и изнуряемых длинным рабочим днем? Что значат эти права и свободы для закабаленного и обездоленного малоземельного крестьянина? Не таких прав, не такой свободы ждали они от революции, — не права и свободы умирать с голоду.

Естественно, что рабочие и крестьяне не могли остановиться на „общенациональных“, — в сущности на буржуазных, — правах и свободах. Началась борьба за восьмичасовой рабочий день. Вспыхнуло в деревне широкое аграрное движение. И тотчас же обнаружилась противоположность интересов крестьян и рабочих — с одной стороны, и помещиков, капиталистов и интеллигенции — с другой.

Вслед за прекращением октябрьской политической забастовки петербургский пролетариат об'явил забастовку борьбы за восьмичасовой рабочий день, — и вчерашнее единодушие разлетелось прахом.

До этого времени промышленники довольно легко уступали требованию рабочих, при политических забастовках, об уплате заработной платы за забастовочные дни. Теперь же, на требование восьмичасового рабочего дня, промышленники ответили массовым локаутом, главным образом, в Петербурге.

Само собою разумеется, что и так называемое „общество“ отнеслось к требованию восьмичасового рабочего дня более чем холодно.

С этого и началось падение „национального единения“, — кстати сказать, не признававшегося и раньше ни большевиками, ни меньшевиками (за исключением Г. В. Плеханова).

В декабре 1905 года, в дни московского восстания, уже заметно сказывался поворот интеллигенции в сторону от рабочих. Этот поворот был лишь в небольшой степени задержан безграничной жестокостью, вызывавшей негодование даже людей, стоящих в стороне от политики, — той жестокостью, с которой было подавлено московское восстание.

Но мы уже говорили, что буржуазию толкало на путь борьбы против правительства, в значительной мере, неуменье самодержавной власти расправиться с рабочими, подавить рабочее движение. Расправа Дубасова и Мина с московским пролетариатом подняла авторитет самодержавия в глазах буржуазии. А созыв государственной думы сулил в ближайшем будущем дать буржуазии „законные“ пути влияния на правительство и усилить буржуазию в ее борьбе против пролетариата.

Среди мелкой и средней буржуазии, — в том числе среди крестьянства и интеллигенции, — ожидание созыва думы

создало период упований на думу, или период „конституционных иллюзий“, как выражались большевики.

Позже, несмотря на явное крушение конституционных иллюзий, особенно после разгона в 1907 году второй государственной думы, у интеллигенции все же оставались в руках многие остатки завоеваний 1905 года: сравнительная свобода буржуазной печати, такая же сравнительная свобода организаций (в том числе студенческих) и т. п., — в то время как пролетарская печать и рабочие организации были почти совершенно сведены на-нет.

Земские деятели, раньше прославившиеся своей оппозиционностью, были отброшены крестьянским движением в сторону самой черной реакции. И земские служащие,—так называемый „третий элемент“,—не обнаруживали склонности бороться против черносотенных помещиков, хозяев земства.

С своей стороны правительство, выступавшее пред 1905 годом, как кучка самовластных помещичье-бюрократических и финансовых верхов, явно шло навстречу желаниям более широкого слоя имущих классов. Председатель совета министров Столыпин выразил сущность новой правительственной политики, с точки зрения правительства, как „ставку на сильных“. А об'ективно „ставка на сильных“ представляла собою об'единение всех экономически сильных слоев населения вокруг подновленного самодержавия, прикрашенного помещичьей государственной думой. Об'единились на время вокруг правительства и помещики, и промышленники, и торговцы, и деревенская буржуазия (наиболее зажиточная часть крестьянства).

„Интеллигенция“, близкая к буржуазии и к помещикам и по своему происхождению, и отчасти по своему положению, быстро стала забывать свое былое „народолюбие“ и „рабочелюбие“. Этот поворот среди интеллигенции принимал многообразные формы,—отчасти в зависимости от личного характера, отчасти — в зависимости от профессии. Большинство просто отряхало социал-демократический прах от ног своих и устремлялось к буржуазной карьере.

Другая часть старалась, для успокоения своей совести, прикрыться фиговым листиком каких-то новых исканий, — религиозных, эстетических, „проблемой пола“ и т. п. И, наконец, часть интеллигенции, отчасти связанная с рабочим

движением своей профессией (социал-демократические литераторы, адвокаты, деятели профессионального рабочего движения, бывшие „профессиональные революционеры и т. п.) продолжала называть себя социал-демократами; на деле же она, как тогда было сказано в одной партийной резолюции, стала „проводником буржуазного влияния на пролетариат".

Эта роль „проводника буржуазного влияния" была тесно связана с так называемыми „легальными возможностями".

Дело в том, что, несмотря на самый широкий разгул судебных и полицейских преследований, оставалось еще кое-какая возможность легальной организаторской работы среди рабочих. Правда, что и люди, работавшие в рамках строгой легальности (законности), подвергались полицейским гонениям, арестам и высылкам. Но эти гонения все же были слабее, чем по отношению к членам нелегальных, партийных организаций. И до ареста человек успевал кое-что сделать не в тесном нелегальном кружке, а среди более широкого слоя рабочих.

Такими легальными возможностями являлись государственная дума, профессиональные союзы, рабочие клубы, просветительные общества, вечерние школы, участие в буржуазных с'ездах, рабочая легальная печать и позже—рабочие страховые (больничные) кассы. Все эти „возможности" были страшно урезаны.

Рабочие участвовали в выборах в государственную думу. Но открытая агитация за социал-демократических кандидадатов была очень затруднена. В самой думе социал-демократеские речи произносились довольно свободно. Но в наказание за напечатание этих речей часто следовало закрытие газеты, а то и арест и привлечение редакции к суду. Социал-демократы, члены государственной думы, считались „неприкосновенными" (что не помешало, однако, отправке их в 1908 году в каторгу и в 1915 году—в ссылку на поселение). Но лица, помогавшие работе депутатов, а то и просто изобличенные в знакомстве с ними, арестовывались и высылались под надзор полиции.

Профессиональные рабочие союзы разрешались. Но их права урезывались и постепенно сводились на-нет. Достаточно было союзу развить энергичную, вполне законную, деятельность или привлечь много членов, как союз закры-

вался полицией. Сколько-нибудь энергичные члены правления и секретари союзов считались людьми обреченными: их неизбежно ждал арест и ссылка на несколько лет.

Рабочие клубы, просветительные общества и вечерние школы, хотя и с трудом, но кое в каких городах разрешались. Однако, деятелей этих организаций ждала та же участь, что и деятелей профессиональных союзов. Но здесь арестовывались, а частью „запрещались“ не только организаторы, но и лекторы и преподаватели. Скоро дошло до того, что в Петербурге, например, почти нельзя стало найти не „запрещенного“ марксиста-лектора по общественным вопросам. Ясно отсюда, насколько урезанным, стесненным буржуазно полицейскими рамками должно было стать идейное влияние социал-демократов, работавших только в легальных организациях.

Еще в большей мере то же самое приходится сказать и о значении легальной рабочей печати. Не говоря уже о том, что и здесь аресты и высылки сыпались на головы не только редакторов и издателей, но нередко и на простых корректоров или конторщиков, самое содержание статей в рабочих журналах должно было применяться к цензурным рамкам. О задачах классовой борьбы в целом, о задачах и методах революционной социал-демократии, в их полном об'еме, говорить было невозможно.

Участие рабочих в буржуазных с'ездах было редко, случайно; ораторов стесняли и председатели, и чины полиции. Вслед за с'ездом шли обыкновенно все те же аресты и высылки их участников—социал демократов.

В вопросе об отношении к „легальным возможностям“ в партии определилось три течения.

Часть большевиков стояла за бойкот и государственной думы и других легальных организаций, Но в думе (третьей по счету) уже было на лицо социал-демократическая фракция. бойкотисты требовали, чтобы партия отозвала депутатов из думы. Сторонники этого течения получили название „отзовистов“. Через немного лет, ко времени нового под'ема рабочего движения, отзовизм сам собою растаял.

Большинство же большевиков и часть меньшевиков стояли за „использование легальных возможностей“, но при непременном условии существования нелегальной партии,

которая об'единяла бы и дополняла деятельность легальных организаций, руководясь широкими задачами революционной социал демократии. Эта часть партии получила название „партийцев", в противоположность „ликвидаторам". Из числа видных меньшевиков в числе „партийцев" был, между прочим, Г. В. Плеханов. И в годы пред войной намечалось некоторое сближение Плеханова с большевиками.

Наконец, третье течение,—главным образом среди меньшевиков,—провозгласило, что нужно ликвидировать партию. Оно начало открытую борьбу против самого существования нелегальной партии. Естественно, что с появлением этого течения уже не могло продолжаться то „об'единение" партии, которое было достигнуто на Стокгольмском об'единительном с'езде в 1906 году и подтверждено на Лондонском с'езде 1907 года. Вождями и вдохновителями ликвидаторства были А. Потресов, Ф. Дан и другие меньшевистские литераторы, об'единившиеся вокруг петербургского ежемесячного журнала „Наша заря". По отношению к социал-демократической партии наиболее яркий лозунг был высказан Ф. Даном в словах:

— Необходимо уничтожить антиликвидаторство в самом зародыше!

Так распалась единая социал-демократическая партия. Началась борьба против ликвидаторства за самое существование партии.

В дальнейшем, рассказывая о возрождении рабочего движения, о возрождении партии и о борьбе за партийность против ликвидаторства, я буду говорить главным образом о Петербурге. И не только,—потому что имея возможность сам близко стоять к делу, но еще и потому, что Петербург в эти годы играл руководящую роль в рабочем движении. Здесь пролетариат раньше всего оправился от ударов реакции, начавшейся после 1905 года. И отсюда, из Петербурга, раздавалась на всю Россию весть о возрождении революции. Здесь возникла первая ежедневная рабочая газета нового типа,—газета „Правда". Здесь нашел самый звучный отклик ленский расстрел рабочих в апреле 1912 года. Отсюда же вновь начались и здесь с наибольшим успехом протекали политические забастовки,—первомайская, в память 9 января и другие. Здесь же велась и наиболее ожесточен-

ная экономическая борьба. И, наконец, в Петебурге же в наибольшей мере представлялось поле для использования легальных возможностей, начиная с государственной думы.

Что касается заграничного центра партии, то в эти годы он поддерживал наиболее оживленные сношения именно с Петербургом. Идейное влияние центра здесь сказывалось с наибольшей силой. Но о жизни самого заграничного центра я не считаю себя достаточно осведомленным и потому не берусь говорить о ней.

Легальные рабочие организации, существовавшие в Петербурге даже в годы самой черной реакции, несомненно способствовали тому, что петербургские рабочие раньше, чем рабочие других городов, оправились от полицейских ударов правительства и помогавшей правительству буржуазии. Но,—приблизительно к лету 1911 года,—уже стало чувствоваться, что легальные организации, стесненные полицейскими рогатками, не удовлетворяют сознательных рабочих. Не удовлетворяли их и тогдашние профессиональные журналы. Явилась вновь потребность осмыслить жизнь в ее целом и поставить на обсуждение широкие вопросы революционной борьбы. Обострилось стремление к нелегальному печатному слову; заграничная печать стала читаться нарасхват.

По внешности, ликвидаторы играли руководящую роль. Они меньше страдали от полицейских преследований. У них было много литературных, отчасти лекторских и вообще интеллигентских сил. Они считали себя господами положения.

Но летом того же 1911 года заграничный центр партии решил созвать общерусскую конференцию. В Петербург прибыл рабочий-делегат для агитации в этом смысле. И то сочувствие, с которым встретили этого делегата сознательные рабочие,—тот отклик, который получила мысль о конференции в кругу сознательных рабочих, сразу показали, что рабочие только терпели ликвидаторство, но внутренно были далеки от него. Делегат отправился в об'езд по другим городам России и, кажется, скоро был арестован; но по рабочему Петербургу точно пронеслась струя свежего воздуха, всколыхнувшая болото ликвидаторских мелочных задач и ликвидаторского приспособления к легальности.

Может быть в связи с под'емом настроения среди рабочих, а может быть в силу внутренних побуждений несколько раньше всколыхнулась и думская фракция. Третья дума, а с нею и фракция, кончали уже третий год своего существования. Давно уже шла в ней речь о создании газеты. Внутренние разногласия не давали возможности сговориться относительно состава редакции. Только на четвертом году (16 декабря 1910 года) появилась, наконец, еженедельная газета „Звезда".

В „Звезде" печатались статьи и Ленина и Плеханова. В редакционной статье № 1 („Наша задача") указывалось на трудные цензурные условия, не дающие возможности давать „полное и яркое освещение русской жизни". Но,—говорила редакция,—мы уверены в одном: газета не возьмет фальшивой ноты ни при каких обстоятельствах. Она всегда останется верной тому миросозерцанию, которое об'единяет ее сотрудников. Марксизм, как основа жизнепонимания, и последовательный социальный и политический демократизм, как очередная программа,—вот те устои, на которых строится наша деятельность... Поэтому мы не можем ни отзывать себя из круга борющихся в России общественных групп, ни ликвидировать себя в чаянии какого-то лучшего будущего".

Таким образом, „Звезда", а с нею и социал-демократическая фракция третьей думы отмежевывалась и от отзовизма и от ликвидаторства. Заслуживает еще быть отмеченным выражение „последовательный демократизм", которое, по цензурным условиям, приходилось тогда употреблять вместо слоев „революционный социализм": вместо „мы—социал-демократы" приходилось говорить: „мы—последовательные демократы". В ликвидаторской же печати слово „последовательные" скоро стало словом ругательным.

Как газета фракции „Звезда" просуществовала до июня 1911 г. В июне думския заседания были прерваны, депутаты раз'ехались. И газета перестала выходить. Это—достаточное доказательство того, что „Звезда" первого периода своего существования не успела связать себя тесно с рабочей массой; рабочие не поддержали ее на время раз'езда депутатов из Петербурга.

В рабочей среде как раз в это лето, во время перерыва в выходе „Звезды", начались усиленные разговоры о необхо-

димости создать свою ежедневную, чисто рабочую, газету. Конечно, ликвидаторы поддерживали эту мысль

Осенью депутаты с'ехались, но почему-то не смогли возобновить „Звезду“,—и под этим же названием стала выходить (или возобновилась) газета большевистского направления. Тут,—как и в деле о партийной конференции,—сразу обнаружилось, что сознательные рабочие терпели ликвидаторов, но не шли за ними. Почти с первых же номеров по возобновлении, „Звезда“ уже имела возможность давать обширную хронику рабочего движения, доставлявшуюся самими рабочими. Спрос на газету среди рабочих быстро возрастал из номера в номер. И когда за агитацию в пользу ежедневной рабочей газеты взялась „Звезда“,—то задача эта стала быстро итти к разрешению.

В под'еме рабочего движения 1911 года интересы политические оказались тесно связанными и переплетенными с интересами экономической борьбы.

В области политической—усиленный интерес к партии и к партийной литературе, интерес к рабочей газете. А в области экономической—рост экономических забастовок. В начале 1912 г. были опубликованы еще не совсем полные сведения о забастовочном движении; но и по этим неполным сведениям рост забастовок бросался в глаза. Вот эти сведения:

	В 1909 г.	В 1910 г.	В 1911 г.
Всего было забастовок	340	222	422
В забаст. участвовало человек . . .	64.166	46.623	98.054
Число забастовочных дней	418.768	256.368	785.556

В 1912 году и позже, вплоть до войны, забастовочное движение все усиливалось; рабочая печать („Звезда“ и „Правда“) все время оказывали этому движению существенную помощь. А ликвидаторские газеты ругали движение, называя его „стачечным азартом“ и противопоставляли ему, как „высшую форму движения“,—подачу петиций (просьб) в государственную, помещичью, думу.

Характерной чертой экономических забастовок 1911 года является, то, что больше половины их (70%) возникло вследствие требования рабочих об увеличении заработной платы. Таким образом, движение носило не оборонительный, а на-

ступательный характер: рабочие перешли от обороны к нападению. И большинство забастовок 1911 года (57%) окончилось полной или частичной победой рабочих.

По вопросу о забастовочном движении считаю тут не лишним привести целиком заметку „О стачках“ из газеты „Звезда“ от 5 апреля 1912 года:

„Московские газеты сообщили о заседании московского отделения общества фабрикантов и заводчиков 9 марта. Общество „обслуживало“ всего 473 предприятия (если считать также случаи соглашения общества с другими хозяйскими организациями) имеющих 394.055 рабочих. Как видно, это все крупнейшие предприятия, ибо среднее число рабочих на одно предприятие больше 800. „В 1911 году,— по докладу на собрании общества, процент забастовок увеличился почти вдое“. („Утро России“).

„Начавшееся усиление стачечного движения,—так излагает названная газета доклад доверенного лица фабрикантов,—которое сильно падало, начиная с 1906 года по 1910 год, представляет собою неизбежное экономическое явление, находящееся в зависимости от общей промышленной конъюнктуры, и есть ни что иное, как выравнивание стачечной кривой, упавшей в начале 1910 года слишком низко“.

„Выравнивание стачечной кривой—это удачное слово. В 1905 году эта кривая поднялась так высоко, как никогда еще и нигде в мире не поднималась кривая стачек. Около 3 миллионов стачечников в 1905 году, около $1^3/_4$ миллиона в 1906 г., около $^3/_4$ миллиона в 1907 г. С 1911 года исход большинства стачек становится благоприятным для рабочих. Завоевание рабочих в 1905 году были значительны. Затем „конъюнктура“ политическая (контр-революция) и экономическая (локауты, союзы предпринимателей, наступление капитала не только отняли эти завоевания в большой части их, но кое-где еще сильнее придавили рабочих. „Кривая“ упала низко. Кривая выравнивается, следовательно в 1) в отношении числа экономических стачек, 2) в отношении числа политических стачек, и 3) в отношении успешности стачек. Все эти три стороны рассматриваемого явления тесно связаны одна с другою. Сильнее напор, значительнее успех, шире размах“.

Та связь экономики и политики, экономической и политической борьбы, которую мимоходом отмечает автор заметки „О стачках“, постоянно подчеркивалась в „Звезде“ и затем в „Правде“. И нельзя было не подчеркивать ее: факты жизни слишком били в глаза. В то время, как буржуазные организации, боевые организации капитала, не только поощрялись правительством, но местами им же и создавались,—рабочие организации беспощадно преследовались. А представители капитала до такой степени вошли во вкус полицейских преследований, что перестали отделять себя от

органов власти. При конфликтах с рабочими хозяева, управляющие и даже мастера прямо и откровенно грозили рабочим:

— Я вас арестую!

В рабочей хронике „Звезды“ и „Правды“ указания на это встречались очень часто. „Я вас арестую“ „я вас вышлю“,—это говорилось не полицейскими чинами, а частными лицами: чтобы получить право ареста и высылки рабочих, требовалось только одно: быть эксплуататором наемного труда *).

В одной из своих статей тов. Ленин говорил об этой связи капитала с „бюрократией“:

Вполне верно и чрезвычайно ценно подчеркивание... связи „бюрократии“ с верхами торговопромышленной буржуазии. Отрицать эту связь, отрицать буржуазный характер современной аграрной политики, отрицать вообще „шаг по пути превращения в буржуазную монархию“ могут только люди, совершенно не вдумавшиеся в то новое, что принесено первым десятилетием двадцатого века, совершенно не понимающие взаимозависимости экономических и политических отношений в Росси и значения третьей думы.

Этой связи не признали ликвидаторы. В этих газетах постоянно замечалось стремление отделить экономику от политики **).

Тесная связь экономики с политикой в рабочем движении после 1911 года естественно повела к тому, что „интеллигенция“, чуждая по своему положению пролетарским экономическим интересам, все более отходила от социал-демократиц или, что то же, переходила к ликвидаторам. Отсутствие интеллигенции, однако, не убило рабочего движения, а повело только к тому, что рабочие скорее стали на свои ноги.

---

*) Подробнее об этом см. мою статью в журнале „Просвещение“ 1913 г. № 2.

**) В 1917 году это сказалось в стремлении „меньшевиков“ ограничить задачи революции узко-политическими, буржуазными рамками.

III.

Ленские дни.

В истории рабочего движения и социал-демократии, в период под'ема после 1911 года, знаменитый „ленский расстрел“ сыграл такую крупную историческую роль, что на нем необходимо остановиться подробнее.

В далекой лесной (таежной) пустыне, за 7.000 верст от Петербурга, за 2.000 верст от железной дороги и более чем в 500 верст от большой водной дороги (реки Лены) раскинулся на сотни верст ленский золотопромышленный район Капитал здесь царит безраздельно. „Экономика“ и „политика“ об'единены здесь в самой откровенной, самой наглой форме: все органы политической власти—полиция, суд, военное начальство, школа,—находятся в руках или на откупу у капиталистических, золотопромышленных фирм. И между этими фирмами царит самодержавно над всем районом „Ленское золотопромышленное товарищество“.

Самодержавие Ленского товарищества находилось в прямой связи не только с петербургским самодержавием, но и с международным империализмом. Значительная часть акций Ленского Золотопромышленного Товарищества принадлежала англичанам, французам и американцам; а в Петербурге во главе акционеров стоял бывший министр промышленности и торговли В. И. Тимирязев. Акционерами Ленского товарищества состояли и крупнейшие „бюрократы“ *), и представители профессорской интеллигенции (называли профессора Озерова), и представители либерализма называли Гессена). В состав правления входил директор Государственного Банка Н. И. Бояновский и член горного ученого комитета В. Н. Лишин.

На приисках ленского товарищества полностью царили нравы „доброго старого времени“, нравы крепостного права,—вплоть до права высших чинов располагать по своему произволу женами и дочерьми рабочих. А пред забастовкой лен-

*) В запросе с.-д. фракции гос. думы сказано: „Ленское Товарищество“, в делах которого заинтересован ряд крупных капиталистов и высокопоставленных лиц“...

ское товарищество систематически ухудшало положение рабочих: уменьшало заработок, увеличивало штрафы, поднимало цены на с'естные припасы (кроме хозяйских лавок их негде купить), обсчитывало, расплачивалось талонами вместо денег, ухудшало рабочие жилища и оборудование шахты.

20 февраля 1912 года рабочие пред'явили следующие требования:

1) восьмичасовой рабочий день вместо 10 часов;
2) увеличение платы на 30 процентов;
3) отмена штрафов;
4) отмена расплаты, вместо денег, талонами на лавку;
5) признание рабочей комиссии, следящей за правильностью замера забоев и выработки породы;
6) увольнение рабочих с согласия рабочей комиссии;
7) неприкосновенность делегатов рабочих;
8) вежливое обращение;
9) улучшение медицинской помощи;
10) оплата сверхурочных работ по соглашению и оплата времени хождения в отдельные пункты, как за работу;
11) выдача рассчетных книжек на руки;
12) регулярная уплата денег за дни болезни и увечья по вине предприятия;
13) увольнение 27 лиц из администрации.

Затем было еще требование о размещении женатых рабочих отдельно от холостых.

Войска в районе приисков было недостаточно, и первое время администрация приисков держала себя уклончиво, соглашаясь даже на удовлетворение более мелких требований. А между тем войско уже было вызвано. Из Иркутска был послан жандармский ротмистр Трещенко и прокурор. Были арестованы выборные от рабочих, избранные по предложению исправника и окружного инженера. 4-го апреля рабочие отправились на Надеждинский прииск для переговоров с прокурором по поводу этих арестов. Они шли узкой лесной дорогой; свернуть некуда, — всюду глубокий снег. Навстречу рабочим вышел инженер Тульчинский и стражник. Во время разговора с ними, без всякого повода и предупреждения, началась, по приказанию Трещенко, стрельба по рабочим. При первом же выстреле безоружные рабочие бросились на землю; солдаты продолжали расстре-

ливать лежачих. По первым сведениям убито было 150 человек, ранено около 250. На самом деле жертв оказалось больше. Помощи раненым почти не оказывалось, и они умирали десятками. На следующий день рабочие с женами и детьми окружили кучу убитых, сваленную у ледников, и искали своих родных и близких. Страшное возмущение овладело рабочими, когда они убедились, что вместо оказания медицинской помощи, раненых сваливали в сани, как бревна, и развозили по трем больницам, находящимся на расстоянии 23 верст. В больницах же в повалку бросали на пол, где раненые и на следующий день лежали без всякого присмотра. Умерло от ран, благодаря этому, более ста человек, 8-го апреля похоронено 250 человек, а 9-го еще свыше ста человек.

Убитых и умерших от ран хоронила полиция. Рабочих близко к похоронам не подпускали.

Расстрелы рабочих во имя барышей капитала и раньше в России не было редкостью. Во время усмирения московского восстания было проявлено усмирителями еще больше свирепости, чем 4 апреля на ленских приисках. Для истории же рабочего движения новостью явился не расстрел, а то как встретили этот расстрел рабочие массы по всей России.

Встретили они его не молчанием, а горячим, деятельным протестом.

О силе впечатления от известий о ленских событиях лучше всего могут дать понятие выдержки из статей „Звезды“. Номер „Звезды“ 8 апреля вышел в траурной рамке во всю первую страницу. В меньшей траурной рамке было коротко сказано:

> На ленских приисках
> убито 270,
> ранено 250.

Далее—все статьи на первой странице посвящены этому событию. Статья „Культурные способы“ начинается словами:

„В мрачную историю русского рабочего движения, богатую невероятными образцами самого бессмысленного,

изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница... „Не нужно ни песен, ни слез мертвецам!“ Стойкая, сознательная, планомерная, организованная работа русского пролетариата для завоевания таких условий, при которых кровавые побоища будут и бесполезными, и невозможными—вот лучший памятник убитым на Лене рабочим“.

Вторая статья („Кровавый кошмар“) заканчивается так: „Кто... против кошмара кровавых дней, тот пусть ратует за полную демократизацию управления страной. Вот единственная правильная линия поведения всех последовательных демократов“.

Далее, в статье „Жертвы больших барышей“, говорится:

„Когда говорят, что капитал пьет кровь рабочих, то противники рабочих считают это измышлениями, преувеличениями и т. д. Но в этом кровавом событии это становится до боли, до ужаса ощутительным и понятным. Когда началась забастовка на ленских промыслах, акции ленского общества стали падать и ценились 3.425 р., после же расстрела сразу поднялись до 3.540 р. Пролитая там, в далекой Сибири, кровь рабочих перелилась сюда, в карманы ловких спекулянтов, звонким золотом“.

Дальше в газете сообщается о том, что готовится запрос в государственной думе, и о том, как заметают следы ленские заправили: барон Гинцбург, В. И. Тимирязев и главноуправляющий приисками И. Н. Белозеров.

О ленских событиях стало известно в Петербурге 7-го апреля, уже в номере „Звезды“ от 8-го апреля появились протесты рабочих: Балтийского завода, печатки Яковлева, наборщиков типографии Березина. Балтийцы в своем протесте говорят:

„Мы, служащие Балтийского завода, не можем молчать, не можем пройти мимо гнусной расправы при помощи штыков для набивания и теперь уже туго набитых карманов господ промышленников. Мы протестуем, но знаем, что наш протест не найдет отклика от большинства третьей думы; а потому обращаемся к пролетариату России с призывом добиваться свободы собраний, стачек, слова, коалиций, отмены смертной казни и третьеиюньского закона“.

В заседании государственной думы 11-го апреля обсуждался запрос о ленских событиях. И тут министр внутренних дел Макаров дал под аплодисменты правых депутатов свой знаменитый ответ:

— Так было и так будет впредь!

Телеграф разнес ответ Макарова по всей России. Никакая революционная агитация не произвела бы такого сильного впечатления, какое произвели эти слова министра. Не только со всех заводов Петербурга, но и со всех концов России полетели по телеграфу известия о резолюциях и забастовках протеста: из Киева, Харькова, Николаева, Кадиевки, Томской губернии, Саратова, Одессы, Херсона, Екатеринослава, Риги, Гельсингфорса, Вильны, Юзовки, Киренска, Нахичевани, Архангелска, Нижнего-Новгорода, Хабаровска, Сосновиц, Варшавы, Белостока, Юрьева, Вологды, Бобруйска, Баку, Самары, Ростова на Дону, Луганска, Сормова и других городов.

В Москве забастовки протеста приняли форму перекатывающейся волны; сегодня бастуют одни, завтра—другие. Забастовки захватывали здесь самые крупные предприятия, преимущественно металлургические: Гужона, Бромлей, Густав Лист и другие, а также Мытищинский вагоностроительный завод. Забастовки проходили дружно и превращались в митинги и демонстрации. Почти везде отчислялся однодневный заработок в пользу семейств ленцев.

В Петербурге, кажется, не было предприятия, рабочие которого бы не выразили протеста в той или иной форме. Забастовка сплошь и рядом стихийно превращалась в уличную демонстрацию с пением „Вы жертвою пали“ и с красным знаменем. Иногда демонстрации предшествовал митинг („массовка“).

Следует отметить, что не только среди рабочих, но отчасти и среди студенчества ленский расстрел встретил тогда отклик. А в Петербурге студенты и курсистки приняли очень заметное участие в демонстрации 15-го апреля на Невском проспекте.

14-го апреля по высшим учебным заведениям и по заводам были распространены воззвания с призывом к демонстрации. С утра на следующий день на Невском появились отряды казаков, жандармов и городовых; но еще раньше их

собралось много „гуляющих“: рабочих, студентов и курсисток. Вскоре началась обычная во времена самодержавия картина демонстраций на Невском: то здесь, то там „гуляющие“ соединялись в группы, раздавалось пение, появлялся красный флаг. К группе бросалась полиция, разгоняла, арестовывала. Это продолжалось в течение 2 или 3 часов.

Были демонстрации и в других местах: на Садовой, на Знаменской площади, на Надеждинской улице, на Петербургской стороне *).

Ответ на ленский расстрел, по своему духу протеста и по единодушию рабочих, явился повторением того ответа, который был дан рабочими после расстрела 9-го января в Петербурге. Стало ясно, что воскресает революция задушенная пять лет назад.

Где великое и трагическое, там же обычно—гнусное и мелкое. Так уже идет жизнь человеческая. Иначе не могло быть и в „ленские дни“. Роль „презрительного Терсита“ приняли на себя в те дни газеты „Новое Время“ и кадетская „Речь“. Не хотелось бы омрачать рассказ о ленских днях напоминанием о поведении этих двух газет, если бы этим поведением не об'яснялась кадетская тактика и в период революции 1917 года.

После первых слов лицемерного негодования по поводу ленского расстрела „Речь“ и „Новое Время“ задались целью сейчас же скомпрометировать и ошельмовать новый под'ем революционного движения. Они прибегли к тому же

*) В „Ленские дни“ в Петербурге, мне лично приходилось проводить вечера и ночи в типографии, где печаталась „Звезда“. Ежеминутно приходили новые и новые делегации рабочих с протестами и с просьбой их напечатать. Сначала резолюции печатались, а потом приходилось давать только их перечень или приводить отдельные фразы. При этом приходилось очень считаться с цензурными требованиями и выбрасывать более яркие места. Тем не менее в № 33 „Звезды“ проскочила, в резолюции ремонтной мастерской землечерпательного каравана, фраза: мы призываем всех... встать с оружием в руках и твердо заявить, что мы—хозяева своей жизни“. Фраза эта была нами замечена, когда уже половина номеров вышла из типографии. Призыв „встать с оружием в руках“ должен был повлечь за собою очень серьезное преследование со стороны правительства. Но цензура в общем переполохе, проглядела эту фразу. Вообще, „Ленские дни“ в Петербурге, по настроению, сильно напоминали революционные дни осени 1905 года.

гнусному способу, к какому прибегали и раньше и которым не в меру злоупотребляли в связи с революцией 1917 года: они поспешили об'явить, что ленский расстрел был провокацией, а рабочие, поднявшие протест, являются жертвами или пособниками провокации. По этому поводу тов. Р. Раскольников писал в статье „Две клеветы".

„Возмущенные чудовищно-кошмарным расстрелом рабочие всей России организуют стачки траура и протеста А либеральная печать только и находит сказать, что эти знаменательные события будто бы отвечают желаниям черной сотни, будто бы доставляют ей „удовольствие". Всякий не зараженный буржуазными предрассудками, близкий к рабочей среде, знает, что стачки протеста направлены против современной дворянско-абсолютистской политики, а значит и против Замысловского, как думского представителя дворянских интересов. С другой стороны, эти массовые наступления рабочих означают собой нарушение порядка, в сохранении которого заинтересованы господа Замысловские. Следовательно, и с этой стороны им стачки невыгодны и даже опасны. О каком же „потирании рук" может итти разговор? Эта борьба с движением демократии помощью клеветнических измышлений крайне характерна для кадет. Эти приемы употреблялись и во время революции. Затем, студенческая демонстрация 11 ноября 1910 года была названа „шагом в руку" правительству. Все студенческое движение прошлого года было представлено кадетами, как грандиозная провокация Пуришкевича и Кассо".

IV.

Рабочая газета (Правда).

Я уже говорил, что еще летом 1911 года среди петербургских рабочих начал обсуждаться вопрос о рабочей газете. Одновременно заговорили и о постройке „рабочего дворца" в Петербурге. Накопившаяся у рабочих потребность в общем деле искала выхода. Осенью вопрос о газете перешел на страницы „Звезды" и первоначально был поставлен так: что полезнее и что скорее осуществимо: рабочая газета или рабочий дворец? Мысль о газете скоро взяла верх над проектом рабочего дворца. Но далее предстояло

решить вопрос: какой же характер должна носить рабочая газета? Этот вопрос был поставлен ребром в № 1 „Звезды“ за 1912 год.

Автор статьи (помнится, это был Н. Батурин, автор настоящего „Очерка истории с.-д. в России“) указывает, что раньше чем начать повсеместные сборы на газету, нужно уяснить себе ее характер, ее направление. До сих пор социал-демократические газеты в России разделялись на интеллигентские, далекие от рабочей жизни, и на „газеты для рабочих“, отставшие от жизни, упрощавшие сложные вопросы и избегавшие говорить о вопросах острых, вызывающих разногласия. Оба эти типа газет теперь не годятся. Нужна газета рабочая, а не „газета для рабочих“. Конечно, статьи должны быть написаны простым языком, Но они должны касаться всех важных вопросов, и газета должна быть выразительницей классовой борьбы во всей ее полноте. Не нужно уделять место „фракционным дрязгам“, но направление должно быть определенно—партийное. Идейные течения внутри самого рабочего движения должны получать определенное освещение. Оппортунизм и анархизм, как отклонения от правильного классового пути, должны подвергаться серьезной критике.

„Уклоняться от серьезной и деловой критики этих течений, избегать „фракционной полемики“ в интересах популярности, — это значило бы отказаться от прямой задачи рабочей газеты итти по пути той литературы „для рабочих“, из которой они давно уже выросли“,—говорил Н. Батурин в конце своей статьи.

Статья эта, как вероятно уже заметил читатель, защищает, применительно к цензурным условиям, мысль о рабочей партийной социал-демократической газете, в противоположность ликвидаторам, которые носились с мыслью создать орган беспартийный и под флагом беспартийности проводить свой, ликвидаторский груз.

Статья т. Батурина нашла отклик среди рабочих. В редакцию стали поступать письма с указанием, что рабочая газета должна быть марксистской, „последовательно-демократической“, „стоящей на строго классовой позиции“, должна быть такого направления, как „Звезда“; предполагалось „Звезду“ превратить в ежедневную рабочую газету и т. п.

Правление союза булочников высказало, что „беспартийная“ газета не может отвечать интересам рабочих, и все старания „инициативной группы“ (ликвидаторской) будут напрасны. Тем не менее ликвидаторы не слагали оружия. В их газете было напечатано приглашение от имени „группы рабочих Невского района“ приносить деньги на рабочую газету в ликвидаторский орган или в некоторые профессиональные органы, но не в „Звезду“, так как „наша газета будет не фракционной“ и „не имеет ничего общего с газетой, которую будет издавать „Звезда“.

Всем этим опровергается утверждение ликвидаторов, будто рабочие несли деньги в „Звезду“ по недоразумению. Впоследствии ликвидаторы пытались даже, — конечно, безуспешно, — агитировать за то, чтобы рабочие требовали из „Правды“ свои взносы обратно.

„Ленские дни“ чрезвычайно повысили интерес рабочих к газете и усилили приток пожертвований (всего до 4.000 р.). 10-го апреля в „Звезде“ было напечатано об'явление о выходе с 15-го апреля ежедневной рабочей газеты; а 12-го апреля уже появилось об'явление о подписке на ежедневную рабочую газету „Правда“. В числе сотрудников значились 9 депутатов государственной думы (не дали своих имен Чхеидзе, Гегечкори, Кузнецов и еще кто-то,—всего четверо); а из партийных литераторов—Н. Ленин (В. Ильин), Г. Плеханов и некоторые другие. Фактически руководителями и основателями газеты были депутат И. Покровский и особенно депутат Н. Г. Полетаев, избранный в думу от петербургских рабочих.

Первый номер „Правды“ вышел 22-го апреля*).

Благодаря громадному сочувствию рабочих, с нетерпением ждавших своей газеты, „Правда“ сразу стала на ноги и начала окупать себя, несмотря на то, что номер продавался газетчиками только по 2 коп.

---

*) В этот же день на № 33 (69) покончила свое существование „Звезда“. Дело в том, что она еще в январе была приговорена судом к закрытию, но продолжала выходить, пока шли разные формальности. А на № 33 ее закрыла сама редакция из опасения последствий за призыв встать „с оружием в руках“. Вместо „Звезды“ стала выходить „Невская Звезда“ (до конца августа).

В июле, в статье „Итоги полугодовой работы“ („Правда“ №№ 78—81) была приблизительно подсчитана степень участия рабочих в создании своей газеты. Всего было собрано до 5-го мая 4.288 р. 84 к. Но справедливо указывалось, что в данном случае важна не столько сумма денег, сколько количество рабочих групп, активно работавших над сбором денег. На основании напечатанных отчетов было точно подсчитано, что групповые рабочие сборы были произведены: в январе—14 раз, в феврале—18, в марте—76, в апреле—227, в мае—135, в июне—34,—и всего в сборе приняли участие 504 рабочих группы (не считая единоличных пожертвований). Это было явление, небывалое в истории газетного дела и рабочего движения в России.

Одновременно, как мы уже знаем, и ликвидаторы вели агитацию за сборы на газету; и по их же отчетам оказывалось, что на эту агитацию за полгода отозвались только 15 рабочих групп. Это сопоставление (504 и 15) с непререкаемой очевидностью обнаружило, что ликвидаторы, являются кучкой полубуржуазных, многошумящих литераторов почти не имеющих опоры в рабочей массе. Интересно притом сопоставить количество групповых рабочих сборов по местностям. Этих сборов за полгода дали:

	Ликвидаторам		„Правде“:	
Петербург с окрестностями	10 груп.	раб.	415 груп.	раб.
Юг	1 „	„	51 „	„
Москва и ее район	2 „	„	13 „	„
Север и Запад	1 „	„	12 „	„
Урал и Поволжье	0 „	„	6 „	„
Кавказ, Сибирь и Финляндия	1 „	„	7 „	„

Этими данными вполне определилось сразу же направление первой русской ежедневной рабочей газеты. Но этим далеко еще не кончились трудности, стоявшие на пути „Правды“. Увидав, что потеряли доверие рабочих, ликвидаторы стали бороться против газеты двумя способами: с одной стороны, они пытались захватить ее в свои руки, а с другой—подорвать доверие к редакции. Для захвата была пущена в ход агитация за „привлечение всех живых сил рабочего движения“ и за контроль над газетой со стороны профессиональных союзов и просветительных обществ.

Относительно „контроля“ в „Правде“ был напечатан ответ с указанием, что контроль над политической газетой возможен только со стороны организаций, созданных для той же самой политической цели, что и газета (этим указывалось, что признается только контроль партии). Из этого ответа на вопрос о контроле сам собою вытекал отрицательный ответ и на вопрос о „всех живых силах“.

Любопытно, что потерпев неудачу в этой новой агитации, ликвидаторы поспешили сами себя разоблачить, напечатавши в своей газете и перепечатавши в своем журнале статью П. Б. Аксельрод, в которой говорилось „Осуществимо ли это намерение (издавать нефракционный орган) и безупречно ли оно вполне, по существу, в принципиальном отношении? Я без колебаний отвечаю на этот вопрос: нет... Но мысль о таком органе при настоящих внутрипартийных отношениях заключает в себе и прямо вредную, чтобы не сказать реакционную, тенденцию... Спрашивается, сможет ли проектируемый рабочий орган занять нейтральную позицию между этими двумя противоположными лагерями, и допустима ли в принципе такая позиция? Очевидно, нет, потому что игнорирование жгучих вопросов и разногласий, разделяющих русскую социал-демократию на два главных лагеря, равносильно было бы игнорированию самой русской социал-демократии“...

А по вопросу, о котором в статье П. Б. Аксельрода указывалось, что контроль „комиссии прессы“ предполагает „наличность такой же идейной солидарности в ней и среди ее избирателей, какая необходима для издания самими рабочими газеты“.

Рядом с попытками обморочить рабочих „контролем“ и „живыми силами“ шла борьба путем клеветы и сплетни. Тут на подмогу ликвидаторам явились и черносотенцы, и кадеты. В черносотенной газетке „Гроза“ говорилось, что „Правда“ издается на полицейские деньги. А кадетская „Речь“ пыталась пустить в оборот свою вековечную мысль о провокации. Какими-то темными путями подобные же клеветы проникали и в рабочую среду.

Встречались на пути „Правды“, — особенно в первое время, — серьезные трудности и в деле добывания литературного материала. Интеллигенция уходила от пролетари-

ата не только сознательно, но и бессознательно. Дает, бывало, статью старый „товарищ“, оторвавшийся от рабочих; оказывается, статья чисто кадетская; автор уже начал мыслить по-кадетски, искренно продолжая в простоте душевной считать себя большевиком. Но гораздо чаще интеллигенты прямо отворачивали свое лицо от пролетарской газеты, подобно тому, как в конце 1917 года они отвернулись от пролетарской революции. А главные литературные силы (Ленин, Зиновьев, Каменев) жили за границей, и трудно было наладить правильное получение от них рукописей.

К тому же, для „Правды“ приходилось вырабатывать новый литературный язык и новый тип статей: не скучную „популяризацию“ и не интеллигентщину. В этом отношении бывало положение трагическое. Один заграничный товарищ с редким для литератора самоотвержением присылал статью за статьей, но из пятнадцати статей напечатаны были только две: остальные были забракованы за „литературщину“. Другой товарищ слал статьи, пересыпанные фразами на французском, немецком и даже испанском языках.

Наконец, остро стоял и вопрос о цензуре. Нужно было доказать во что бы то ни стало, что издание рабочей газеты возможно. А цензура по отношению к „Правде“ особенно свирепствовала. Чуть не над каждой фразой приходилось сидеть, обдумывая, в какой бы форме выразить мысль автора так, чтобы цензура не задушила газету*). В этом отношении постепенно был приобретен навык настолько, что, за редкими исключениями, редакция знала, на что выпускает номер: на штраф, на конфискацию или на привлечение к суду. Часто (например, в связи с 1-го мая, 9-го января и (т. п.) приходилось сознательно итти на репрессии. Но первые три месяца на это не шли и были до крайности осторожны. Тем не менее, „Правда“ за это время была 8 раз конфискована, оштрафована на 2300 рублей, и 5 редакторов один за другим угодили под арест.

---

*) Например, нельзя было говорить о с. д. партии, и вместо слова „партия“ употреблялось слово: „подпо́лье“ или „целое“ или „старое“ и т. п. Поэтому говорилось: „контроль целого“, „связь с целым“, „признание старого“ и проч. Это очень затрудняло борьбу с ликвидаторами, которые открыто могли писать против партии.

Несмотря на самую горячую поддержку рабочих, положение „Правды“, вследствие правительственных преследований, казалось таким шатким, что работающие в газете спрашивали себя: „Доживем ли до сотого номера?“ А когда сотый номер стал приближаться, возникла мысль отпраздновать его появление, как номера юбилейного, составивши краткий обзор положения газеты за $3^1/_2$ месяца. Конечно, читатели и сотрудники газеты еще с большим напряжением ждали потом первой годовщины „Правды“. Этот день пришел: во вторник, 23-го апреля, появился юбилейный № 92 (296) „Правды“.

И с полным основанием один из сотрудников газеты писал в этом номере:

„Правда“ и массовое движение сознательного пролетариата в России неразрывно связаны между собою: работать в „Правде“, значит работать в массовом движении, а работать в массовом движении, значит прямо или косвенно работать в „Правде“. И наоборот: порвать с „Правдой“ значит порвать с массовым движением; выступить против „Правды“, бороться против нее, значит бороться против массового движения сознательного российского пролетариата“.

Справедливость этих слов подтверждалась всей жизнью истекшего года: и ростом стачечного движения, которое обслуживалось „Правдой“ и против которого, как против „стачечного азарта“, вопили ликвидаторы; и постепенным переходом на сторону „Правды“ почти всех профессиональных рабочих союзов; и массовой поддержкой „Правды“ со стороны рабочих; и выбором в государственную думу по рабочей курии всех шести депутатов из числа сторонников „Правды“.

К юбилейному номеру „Правды“ были подведены некоторые итоги ее годовой деятельности. Всего было напечатано за год 1335 статей; из них 226 было посвящено борьбе рабочих с капиталом. Далее, страховой рабочей компании было посвящено 80 статей, вопросам организации рабочих — 48, фабричной инспекции — 11; выборам в государственную думу — 141, самой думе и гос. совету — 55 и и думской с.-д. фракции — 11; полемике с либералами и октябристами — 137 и ликвидаторству — 52.

В корреспонденции также первое место отводилось борьбе рабочих. Стачечное движение обслуживалось газетой чрезвычайно полно. Рабочие сами считали обязательным сообщать о ходе каждой стачки, особенно в Петербурге. Часто бывало и так: что рабочие, уже решившие бастовать, приносили в газету сообщение о тяжелых условиях труда в их предприятии и вообще обо всем, что толкнуло их к забастовке. „Правда“ печатала, а на следующий день начиналась забастовка более дружно, чем было бы, если-б не появилось корреспонденции. Со стороны казалось, что забастовка вызвана „Правдой“, и это возбуждало в хозяевах особенную злобу к газете.

В юбилейном номере было приведено количество корреспонденции о забастовках за год. По Петербургу их было: о забастовках у металлистов — 450, у текстильщиков — 140, у золотосеребренников, бронзовщиков и ювелиров — 203, у печатников, литографов и переплетчиков более 369; у булочников—115, у портных — 79, у деревообделочников—142 в других производствах—427.

О забастовках вне Петербурга было сообщений: из северного района — 33, центрального — 92, южного—109, Кавказа, Поволжья и Польши — 49, Прибалтийского края — 73, западных губерний — 41, Урала и Сибири — 43 и Дальнего Востока — 6.

Люди посторонние выражали свое изумление по поводу этой массы сообщений и говорили о чрезвычайно широкой постановке в „Правде“ хроникерского дела; они никак не могли поверить, что никакой хроникерской организации у „Правды“ не имеется, и что все сообщения пишутся самими рабочими.

О том с какой сердечностью и с каким вниманием относились рабочие к своей газете, свидетельствует масса приветствий, поступавших в редакцию как по случаю годовщины, так и в остальное время. Вот для примера письмо от группы рабочих Николаевской железной дороги:

„Приветствуем, родная, что годок ты прожила, и пожелания наши такие, чтобы со своей дороги ты никогда не сошла... Приветствуем всех работников, стоящих у аппарата, свет которого освещает путь для развития классового сознания пролетариата. Работы газетой „Правда“ сделано

за один год столько, что никаким бухгалтерам не удастся подвести итога. Мы желаем, чтобы тот тернистый путь, по которому идет „Правда“, не помешал ей проникать в самые отдаленные и глухие уголки; а в будущем мы создадим такой путь, по которому рабочая газета наша плавно пойдет к заветной цели освобождения всех трудящихся“.

Во многих других приветствиях подчеркивается рабочими не только просветительная роль „Правды“ в духе [марксизма, но и ее организующее значение. „Рабочие собираются вокруг „Правды“, как пчелы вокруг улья; она много их собрала под свое знамя, вооружила их знанием“, — писала группа портных из Москвы.

Влияние „Правды“ стало распространяться и на деревню. — „Хотя мы и не рабочие, но мы прислушиваемся к их голосу и многому у них учимся“, — писали крестьяне. Корреспонденции из деревни стали поступать сначала из промышленных губерний (Ярославской, Костромской, Нижегородской), а затем и из более далеких, — Вятской, Архангельской, Астраханской, из Сибири, Польши и с Кавказа. В газете пришлось завести отдел „Крестьянской жизни“.

Рост рабочего движения во всех его формах, увеличение забастовок, необходимость отвести часть газеты для обслуживания деревенских интересов, — все это делало необходимым и неизбежным увеличение формата газеты. С 29 мая 1913 года „Правда“ превратилась в большую газету. — „Правда“ расширяется, потому что рабочему движению стало тесно в старых рамках своей газеты... Это не бумага изменилась, это не число корреспонденции увеличилось! Нет! Это сделало новый шаг вперед движение всего российского пролетариата“ [„Правда“ от 29 мая № 122 326].

Сделало новый шаг рабочее движение, но спешило ему навстречу с новыми преследованиями и правительство, защищая капиталистов и помещиков.

За первый год своего существования „Правда“ была конфискована 41 раз; оштрафована на 7.800 р.; сверх того 3 редактора подвергнуты аресту без замены штрафом. Теперь этого показалось мало: за один месяц газету подвергли штрафам и конфискации 10 раз. Был конфискован и номер от 29-го мая. 30-го мая редакция вновь напечатала этот же номер, только выбросивши те статьи, за которые он был конфиско-

ван. И газету опять заарестовали, редактора еще раз привлекли, теперь уже за статью, которая вчера не была преступной.

Еще в течение больше месяца билась „Правда“ в тисках репрессий и наконец была задушена 5-го июля, на 440 день своего существования. Всего вышло 356 номеров. Однако, рабочие не надолго остались без своей газеты. Вместо „Правды“ вышла 13-го июля „Рабочая правда“. Ее то же скоро закрыли, и появилась новая газета. Целый год продолжалось это закрытие и возобновление газет в следующем порядке:

„Рабочая Правда“ вышла 13-го июля, закр. 1-го авг. на 17 номере. „Северная Правда“ вышла 1 августа, закрыта 7 сент. на 31 ном. „Правда Труда“ вышла 11 сент., закрыта 9 окт. *) на 20 номере. „За Правду“ вышла 1 октября, закрыта 4 декабря на 51 ном., „Пролет. Правда“ вышл. 7 декабря, закр. 21 янв. на 16 (34) ном. „Путь Правды“ выш. 22 янв., закр. 20 мая на 91 номере. „Рабочий“ выш. 22 мая, вышло 5 или 6 номеров. Затем эта газета была превращена в понедельничный журнал, а газета стали выходить под названием „Трудовая Правда“, она закрыта была 8 июля, перед самой войной, на 35 номере.

Все эти газеты имели внешний вид „Правды“ и даже заголовок печатался одним и тем же шрифтом. Сохранялось и направление „Правды“, и старый состав газетных работников. Поэтому все эти газеты в разговорном языке носят одно название: „Правда“. Таким образом, время существования старой „Правды“ (в противоположность новой „Правде“ 1917 года) нужно считать с 22 апреля 1912 года по 8 июля 1914 года.

Частые закрытия газеты и перемена названий были сопряжены с крупными лишними расходами. А доход падал от непрерывных конфискаций, так как почта не доставляла подписчикам конфискованных номеров, а газетчиков полиция вынудила не продавать их на улице.

Цензурные гонения дошли до того, что подвергались конфискации номера, например, только за одну фразу в стихотворении: Мы — царя-капитала рабы“ или за сообщение,

*) „Правда Труда“ вышла 1, 8 и 9 октября, а „За Правду“—не выходила 8 и 9 октября. Зная заранее о закрытии, редакция выпускала 1 августа и 1 октября и старую и новую газету.

что на таком-то заводе „забастовка продолжается“ (если завод работал на казну).

Ко всему этому, в состав редакции проник провокатор Мирон Черномазов, и создалась та обычная тяжелая атмосфера, когда в организации чувствуется, что не все ладно, и нельзя сразу уяснить, в чем дело. Судя по всему, Черномазову поручено было довести газету до гибели, которая казалась бы естественной: разорить газету и скомпрометировать ее в глазах рабочих. И замечательно, что несмотря на всю силу репрессий, несмотря на частые аресты с очевидной целью сделать Черномазова единоличным распорядителем этой газеты, все-таки цель эта (убить газету изнутри) не была достигнута. В дни черномазовского влияния рабочие, между прочим, говорили:

— Верно, что „Правда“ скверно ведется, а другие газеты — хорошо. Но все же „Правда“ — наша газета, а другие — чужие.

Черномазова заподозрили в провокации и удалили без об'яснения причин в январе 1914 года. А в феврале приехал из-за границы Л. Б. Каменев; газета быстро начала возрождаться,—настолько быстро, что уже день 22 апреля явился для „Правды“ полным триумфом.

Среди сторонников „Правды“ явилась мысль об'явить годовщину выхода № 1 этой газеты,—день 22 апреля,—днем рабочей печати. Устная и печатная агитация в этом направлении встретила горячий отклик среди рабочих. Ликвидаторы,—а отчасти и социалисты-революционеры, видя успех агитации и не смея итти против общего настроения, решили использовать 22 апреля в свою пользу; они также об'явили 22 апреля днем рабочей печати, умалчивая о том, почему именно избран этот, а не какой-либо другой день. А так как в этот день предполагалось произвести усиленные сборы среди рабочих на рабочую печать, то ликвидаторы стали проповедывать, что нужно сделать единый, общий сбор и потом деньги разделить пополам. Социалисты-революционеры, присоединяясь к мысли о едином сборе, требовали разделения его потом на три равные части. Кое-где агитация имела успех (в большинстве случаев она была встречаема смехом со стороны рабочих).

По этому поводу 19 апреля в газете „Путь Правды“ было напечатано „Воззвание к разуму рабочих“. В статье этой указывалось, что в российском рабочем движении имеются два течения: марксистское и ликвидаторское. „Марксисты стоят за старую организацию *), за неурезанные лозунги **), за программу, за классовую пролетарскую политику. Ликвидаторы издеваются над „подпольем“ ***), крестят современное движение „стачечным азартом“, изменяют программу, проводят либеральную политику... День рабочей печати должен быть днем проявления рабочей мысли. В этот день рабочая масса скажет, кому она сочувствует: марксистам или ликвидаторам... И в день рабочей печати рабочие должны заявить: мы сочувствуем марксизму, а не ликвидаторству; мы хотим поддерживать свою рабочую газету, а не газету либеральных рабочих политиков. День рабочей печати должен быть днем выбора своей линии, днем торжества марксизма против ликвидаторства“.

Через 3 дня после „воззвания“ настал и этот „день выбора“, действительный день торжества революционной социал-демократии над ликвидаторскими либеральными рабочими политиками.

22-го апреля „Путь Правды“ (№ 67) вышел в двойном размере. Внешний вид газеты был необычен. На первой странице посредине—портрет К. Маркса и под ним—портрет Фр. Энгельса. Слева от них—фотография № 1 „Звезды“, а справа—такая же фотография № 1 „Правды“. Внизу—начало приветствий от заграничных товарищей: из Брюсселя—от председателя Международного Социалистического Бюро; из Германии—от „Вестника“ генеральной комиссии профессиональных союзов: из Штутгарта—от центрального органа германских металлистов: оттуда же—от редакций газет „Der wahre Iacob“ и „Tagwacht“, а также и от других редакций рабочих газет Германии; из Англии—от социал-демократической партии, от „рабочей партии“ и от „независимой рабочей партии“; из Швейцарии—от национального совета; из Бельгии—от социалистов палаты депутатов; из

*) Т.-е. за партию.

**) Т.-е. за демократическую республику, конфискацию помещичьих земель и 8-ми часовой рабочий день.

***) Т.-е. над партией.

Голландии, Норвегии, Италии—от редакций и от депутата Тревса, который указывает, что рабочие Италии с горячей симпатией следят за русским рабочим движением.

Далее идут статьи: „Мировой прогресс“; „Правда“ и „Рабочее движение“; „Наши сотрудники“, „Рабочие писатели“, „О чем писалось в рабочей газете“, „Правда“ и женщины работницы“ и другие. Затем—ряд отчетов о рабочих газетах в разных городах, и больше двух столбцов заняты только перечислением приветствий от разных заводов и рабочих разных городов.

Шестая страница показывает, „как делается рабочая газета“: описывается контора, редакция, наборная, верстка номера, стереотипное отделение, печатание и экспедиция. Рассказ обо всем этом сопровождается фотографиями: рабочей рукописи, „газета набирается“, „отбивают матрицу“, „отливка полосы“, „газета печатается“ и „пришли за газетой“. И, наконец, последние две страницы заняты отчетами о газете и о пожертвованиях.

Какое впечатление произвел этот номер газеты, показывает рассказ одного рабочего:

— У газетчика покупаю „Путь Правды“. Раскрываю первую страницу, и сердце мое радостно-радостно стучит... Предо мною великие учителя пролетариата: К. Маркс и Фр. Энгельс. Они смотрят на меня, как живые... И взглянув на их портреты, я слился мысленно с великим, всемирным пролетариатом. Налево от портретов смотрит на меня фотография „Звезды“. Сколько воспоминаний встает! Проходят предо мною близкие мои друзья, редакторы „Звезды“. Помнится их суд, тюрьма, встреча после тюрьмы... А вот и фотография „Правды“, которая явилась нам на смену „Звезды“! И маленькое стихотворение, напечатанное два года назад, сегодня встало опять предо мною:

Полна страданий наша чаша!
Слились в одно и кровь, и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!

— Вполне был прав поэт, сказавший эти слова два года назад. Сила рабочих не угасла. Кто создал ту литературу, что сегодня продают газетчики? Да, все наша, рабочая сила! Поглядите, как ярко смотрит юбилейный номер „Металлиста“! Вот газетчик разложил брошюры: „История

рабочей печати в России", а в руках у него „Путь Правды" и „Вездесущее" М. Горького. Торгует бойко. И я, уходя с пачкой журналов и брошюр, позади все слышу голос: вездесущее, вездесущее, вездесущее"!

Спрос на юбилейный номер „Путь Правды" был так велик, что ротационная машина, кончающая обычно печатание ранним утром, работала 23-го апреля и весь день, и весь вечер.

В отчете о втором годе существования „Правды" редакция справедливо указывала, что душу этой газеты составляют рабочие корреспонденции. Их было напечатано за год 11.114,—в среднем по 41 в каждом номере. Если вспомнить, что такие корреспонденции обыкновенно писались не единолично, а целыми группами рабочих, то можно себе представить, какая масса народа была втянута в работу для газеты!

От писания корреспонденций один шаг до писания статей,—и вокруг „Правды", постепенно формировался круг рабочих-писателей: за год было напечатано более 200 статей, написанных рабочими. Газета создавала около себя новую рабочую интеллигенцию, которая еще теснее связывала „Правду" с рабочей массой. И вся обстановка редакционной работы была приспособлена к этой цели: всегда были вечерние часы приема, для „рабочей хроники" отводилась самая большая и лучшая комната, с несколькими столами, у которых всегда несколько человек были заняты исключительно приемом и исправлением рабочих корреспонденций.

Был в юбилейном номере подведен и итог репрессий за год. Из 270 номеров подверглись преследованию 116; штрафов было наложено на 7.800 р., возбуждено против редакторов 36 судебных дел, и кроме того редакторы отсидели в тюрьме $47^1/_2$ месяцев в административном порядке. Подвергались, сверх того, обыскам и арестам даже газетчики, подписчики и просто читатели газеты только за то, что продавали ее, или подписывались на нее, или сохраняли номера „Правды".

Все это вынесли на своей спине рабочие за год, и собрали теперь 18.000 рублей в „железный фонд", чтобы укрепить положение газеты на будущее время. Несомненно, что закрытие „Трудовой Правды" 8-го июля 1914 г., соединенное с арестом и частью ссылкой всех, кто оказался в вечер

обыска в помещении редакции и конторы, не прекратило бы рабочей газеты на сколько-нибудь продолжительный срок. Но разразилась война; пролетариат массами был отправлен на бойню; полицейские репрессии достигли небывалого ожесточения,—и пролетариат притих, чтобы в феврале 1917 года одним взмахом убрать с дороги и полицию, и ее коронованного главу.

На развалинах старого строя в марте 1917 года в Петербурге воскресла „Правда“,—это было первым шагом петербургского рабочего по пути новой, свободной политической жизни.

V.

Вокруг Думы. Политические забастовки.

Понадобился бы большой том, чтобы подробно рассказать о росте рабочего движения и социал-демократии в России в годы пред войной: профессиональное движение, страховая кампания, вовлечение в движение работниц, формы и рост партийных организаций, избирательная кампания 1912 года, деятельность фракции в государственной думе и отклики рабочих на жизнь думской фракции, забастовки на экономической почве, принципиальные забастовки из-за некоторых острых вопросов рабочей жизни, стачки протеста против отдельных случаев произвола и насилия со стороны хозяев, правительства и думского большинства; далее,—очередные забастовки 9-го января, 4-го апреля и 1-го мая, митинги, демонстрации и, наконец, открытая борьба на улицах Петербурга пред самым началом войны,—таковы были главнейшие проявления жизни сознательного пролетариата в те годы.

Не имея возможности исчерпать все это богатое содержание эпохи, я вынужден в дальнейшем ограничиться кратким очерком избирательной кампании и деятельности думской фракции, а затем—также кратким изложением хода главнейших политических забастовок.

Тактика партии в избирательной кампании определялась, с одной стороны, общей платформой, а с другой—ближайшими целями. В январе 1912 года состоялась за границей конференция партии,—та самая, агитировать за которую приезжал в Петербург делегат летом 1911 года. На конфе-

ренции была намечена и избирательная платформа. Она сводилась к трем главным положениям:

1) демократическая республика (ради цензуры в легальных газетах печаталось: „действительная и всесторонняя политическая демократия“);

2) 8-часовой рабочий день (пояснялось, что это требование выдвигается, как основа для всяких других завоеваний пролетариата); и

3) переход помещичьих земель в руки крестьян без всякого выкупа.

Эти три основных требования получили в обиходе название „неурезанных лозунгов“. А ликвидаторы дали им ругательную кличку: „три кита“; они противопоставляли „трем китам“ свободу коалиций и другие политические права.

По вопросу о ближайших целях избирательной кампании также проявилось разногласие. Дело в том, что к этому времени произошло сближение кадетской партии с теми слоями помещиков и крупной буржуазии, которые не носили слишком ярко-выраженного черносотенного характера („прогрессисты“, „левые октябристы“). Кадеты трубили о об'единении оппозиции и уверяли, что на выборах в думу будут бороться только два лагеря: оппозиция и реакция.

В тон кадетам проповедывали и ликвидаторы: они также делили избирателей только на два лагеря: 1) черносотенно-националистско-октябристский и 2) лагерь противников третье-июньского порядка. В силу такого взгляда Л. Мартов дал лозунг: „надо стремиться выбить реакцию из ее думских позиций“. А Ф. Дан добавлял, что лучшее средство ослабить реакционное влияние государственного совета— „вырвать думу из рук реакции“. В „Звезде“ и „Правде“ эти лозунги об'являлись лозунгами либеральной рабочей политики, и доказывалось, что на выборах должны бороться не два, а три лагеря: реакционный, оппозиционный (помещичий и буржуазный) и демократический (крестьянский и рабочий).

Относительно выборной тактики было постановлено на январской партийной конференции, что по рабочей курии партийцы ни в какие соглашения с ликвидаторами не входят; относительно же соглашений по общегородской курии вопрос был оставлен открытым. Это дало ликвидаторам

удобный повод кричать о единстве пролетариата демагогически и агитировать против „раскола“ и этим отчасти привлекать на свою сторону рабочих, не разобравшихся в деле. Тем не менее, в конечном счете ликвидаторы потерпели в рабочей курии промышленных центров жестокое поражение.

Система выборов в государственную думу была очень сложная. Выбирали отдельно рабочие, отдельно крестьяне, отдельно горожане и отдельно помещики. Выборы были двухстепенные и трехстепенные. Но число выборщиков во всех губерниях было подогнано так, чтобы большинство было от помещиков; и это помещичье большинство должно было обязательно выбрать в депутаты несколько крестьян (более угодных помещикам) и рабочих. Крестьян в думу по закону проходило сравнительно много; а обязательных рабочих кандидатур было только шесть на всю Россию,— по одному рабочему от губерний: Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской.

Рабочие в каждой губернии выбирали сначала уполномоченных по заводам; уполномоченные на общем собрании избирали выборщиков (по Петербургской губернии—6 человек). А из числа выборщиков уже помещики должны были избрать одного человека в депутаты. Чтобы лишить помещиков этого права, рабочие-уполномоченные обязывали выборщиков отказываться от кандидатуры, кроме одного, намеченного в кандидаты. Таким образом на собрании выборщиков рабочие этих шести губерний выступали сплоченно, как одно целое, и вынуждали помещиков проводить в депутаты человека, избранного самими рабочими.

Так и произошло на выборах в четвертую думу в пяти губерниях: везде прошли большевики-партийцы. По Петербургской губернии дело осложнилось. Выборы уполномоченных дали большинство партийцам. Но администрация отменила эти выборы. Рабочие ответили забастовкой. Однако, пришлось выбирать вторично уполномоченных, и состав их оказался более пестрым: в выборщики прошли три партийца и три ликвидатора. Сговориться на одном кандидате не было возможности, и избрание депутата из числа 6 выборщиков было предоставлено на волю буржуазно-помещичьего большинства.

Буржуазно-помещичьи выборщики избрали в депутаты от рабочих большевика А. Е. Бадаева, самого молодого, которого они считали наименее опасным (говорят, что справлялись даже в охранном отделении о благонадежности выборщиков). Однако, приходится признать, что выбор А. Е. Бадаева оказался очень удачным для рабочих: он быстро освоился с ролью депутата, проявлял кипучую энергию и приобрел большую популярность среди петербургских рабочих.

Четвертая государственная дума собралась осенью 1912 года. В социал-демократической фракции первоначально оказалось 12 человек. Но раньше чем говорить о судьбе фракции, придется сделать отступление.

В зиму 1911—1912 года поднялся вопрос об организации меньшевистской конференции. В этом деле приняли участие: кавказские меньшевики, бунд, латыши, группа Троцкого; охотно согласились участвовать в конференции и заграничные представители ликвидаторства, все время стоявшие левее своих петербургских товарищей (Л. Мартов, П. Б. Аксельрод и другие). Петербургские же ликвидаторы отнеслись сначала к мысли о конференции вполне отрицательно: только после обмена довольно резкими письмами, питерские ликвидаторы согласились пойти за своими заграничными товарищами.

Конференция состоялась в августе 1912 года. Был избран на ней „организационный комитет“. Группы, вошедшие в новую организацию, получили название „августовского блока“. А большевики сразу начали называть этот блок ликвидаторским. Строго говоря, это было, особенно в начале, неправильно. Большевики исходили из того, что на своей январской конференции они признали желательным об'единение всех социал-демократических течений, кроме ликвидаторского, отрицающего партию. А группы августовского блока стояли за непременное включение ликвидаторов; они предпочли итти без большевиков, лишь бы быть с ликвидаторами. В этом смысле и возможно было называть августовский блок ликвидаторским, если даже оставить в стороне политическую линию блока. Но вскоре оказалось, что и по политическому содержанию своему блок получил ликвидаторский уклон. Орган блока,—газета „Луч“ в Петербур-

ге, — принял сразу чисто ликвидаторское направление. Вскоре вышли из блока латыши. Затем и группа Троцкого вынуждена была основать в Петербурге свой журнал „Борьба“. В этом журнале от редакции было заявлено, что она стояла и стоит за об'единение с ликвидаторами, но не за превращение партии или ее органа в ликвидаторскую партию или в ликвидаторский орган.

Итак, в социал-демократической фракции четвертой думы оказалось в начале 12 депутатов. Из них все депутаты, избранные от рабочих шести губерний с обязательными рабочими депутатами, оказались на стороне партии, связались с партией организационно и решили подчиняться партийным директивам и партийному центру. А остальные шесть депутатов связали себя с августовским блоком. Таким образом в одной парламентской фракции оказались об'единенными представителями двух разных партий, и притом поровну с обеих сторон. Положение невозможное. Произвести раскол, разбиться на две фракции также казалось невозможным по общеполитическим соображениям. К тому же обе партии были нелегальные, связь с ними депутатов — тоже нелегальные, и потому нельзя было об'явить истинную причину раскола. А поскольку дело шло о работе внутри думы, политические разногласия двух половин не могли проявиться с такой яркостью, которая оправдывала бы разрыв.

Вскоре под'ехал иркутский депутат Маньков,—сомнительный социал-демократ, которого позже сама же ликвидаторская фракция исключила из своей среды. Он примкнул, конечно, к ликвидаторам, и их фракция получила большинство (7 против 6). Тогда они ввели в социал-демократическую фракцию варшавского депутата Ягелло, который был избран, как противник польских социал-демократов,—и у них получилось большинство 8 против 6.

Пользуясь этим большинством, ликвидаторская часть фракции вскоре перешла в наступление против рабочих депутатов. Своей первой целью она поставила захват „Правды“, выдвинув лозунг единой газеты. А поводом к наступлению явилось то, что рабочие депутаты Петровский, Бадаев, Самойлов и Шагов, давшие раньше, ради „единства“, свои фамилии в список сотрудников ликвидаторского „Луча“,

пожелали снять их с этого списка. Тогда 7 ликвидаторских депутатов напечатали в „Луче“ обвинительный акт против рабочих депутатов, обвиняя их в расколе. Это воззвание 7 депутатов было перепечатано и в „Правде“, и тут же дан ответ за подписью 6 депутатов. В своем ответе рабочие депутаты указывают, что воззвание их товарищей по фракции является „первым нападением одной части думской с.-д. фракции на другую, первым выступлением брата против брата... Это—первый шаг к расколу с.-д. фракции“.

Далее, рабочие депутаты говорят: признавая необходимость подчинения меньшинства большинству, мы избранники рабочей курии, всегда подчинялись в делах думской фракции решениям семи депутатов, несмотря на то, что часто были несогласны с этими решениями. Но семеро депутатов идут дальше. Они вторгаются в нашу частную жизнь, как социал-демократов; они вторгаются в дело, не имеющее отношения к работе фракции; они требуют, чтобы мы сотрудничали в газете, направление которой мы не разделяем и даже считаем вредным. Этого мы не сделаем и сделать не можем, ибо это противоречит и нашим убеждениям, и воле пославших нас рабочих... Мы выносим на ваш суд, товарищи сознательные рабочие, все это дело о братоубийственной войне, начатой семью депутатами“.

Воззвание семи и ответ шести депутатов сильно взволновали рабочих. Всюду устраивались собрания, посылались резолюции в „Правду и „Луч“. Большинство рабочих явно стало на сторону шести*). Тем не менее рабочие депутаты оставались в составе общей фракции до осени 1913 года. Атмосфера во фракции создалась очень тяжелая. Ликвидаторы не стеснялись использовать свое большинство. Осенью 1913 г. рабочие депутаты сочли невозможным терпеть и пред'явили ультиматум, чтобы решения принимать по соглашению обеих частей фракции. Ликвидаторы отказались, и произошел раскол. В думе рядом с „социал-демократической фракцией“ появилась „социал-демократическая рабочая фракция“.

---

*) В „Правде“ печатались лишь очень немногие из числа этих резолюций.

Первое время раскол этот переживался тяжело; но в целом рабочим депутатам и партии не пришлось сожалеть о разрыве. В ликвидаторской фракции скоро после этого начался распад: вышел из фракции плехановец Бурьянов, позже был исключен Маньков. Из рабочей фракции в мае 1914 г. внезапно вышел Малиновский, сложивший свои полномочия (он оказался впоследствии провокатором). Остальные пять рабочих депутатов*) были арестованы осенью 1914 года и сосланы в Сибирь на поселение,—официально за принадлежность к социал-демократической партии, а на деле—за то, что во время войны остались верны интернационалу. Из Сибири их вернула только революция 1917 года.

Обычно главнейшими боевыми днями русских рабочих были 9-е января и 1-е мая. По этим дням можно было судить о революционном настроении рабочих. После 1912 года прибавился еще день ленского расстрела—4-е апреля; но близость этого дня к 1-му мая делала его не совсем удобным для выступления.

В 1911 году 1-го мая прошло настолько мало заметно, что о нем не было даже отчета в тогдашней „Звезде“: очевидно, размер движения еще не смог разорвать рамок подполья. В 1912 году, по цензурным условиям, только что народившаяся „Правда“ не могла развить первомайской агитации. В самый день 1-го мая в газете появилась лишь на третьей странице статья справочно-исторического характера „1-е мая в России“, да передовица под заглавием „Почему вы так беспокоитесь“, в конце которой, вместо призыва, сказано только: „русский рабочий отпразднует свой праздник. Да здравствует 1-е мая! Свободу и права русскому пролетариату!“

Но если нельзя было развить агитацию легально, зато нелегальная работа кипела. Не сидела спокойно и охранка: производила бесчисленные обыски и аресты по квартирам, а в ночь на 28-е апреля разгромили редакции и конторы „Правды“ и ликвидаторской газеты „Живое Дело“.

---

*) Гр. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бадаев, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов.

Правительственное сообщение о 1-ом мая 1912 года определяло число бастующих по Петербургу в 100.000 человек. На самом деле бастовало больше. Рабочие покидали фабрики с пением революционных песен. Появлялись красные флаги. На Невском проспекте манифестанты проявили большую настойчивость, несмотря на то, что весь день лил дождь, а полиции и казаков было небывалое количество. Вот как описывается манифестация в „Невской Звезде“ и в „Правде“ от 3-го мая:

Меры полиции.

Уже с раннего утра к Невскому проспекту стали прибывать большие наряды полиции. На всех пунктах полицейские посты были усилены, кроме того был установлен ряд новых постов. Скверик у Казанского собора закрыли с раннего утра. Лил сильный дождь. Для того, чтобы не допустить скопления манифестантов в одном месте, чинами полиции были установлены „пробки“ из чинов полиции на всех перекрестках улиц, начиная от Караванной и кончая Конюшенной. На всех перекрестках рабочих с Невского просп. удаляли в промежуточные улицы. Благодаря этому Невский проспект ежеминутно „разгружался“, но эта мера не достигла цели. Например, рабочих около Думы удалили на Думскую улицу. Отсюда они моментально переходили на Перинную линию и по галлерее Гостинного двора возвращались на Невский или же по Думской ул. выходили на Екатерининский канал и попадали на Невский.

Первая манифестация.

Первая манифестация произошла при сильном дожде на углу Невского пр. и Екатерининского канала. В третьем часу дня здесь собралось около ста человек манифестантов.

На Гороховой улице и Владимирском просп.

Оттесненная от Невского просп., часть демонстрантов направилась на Гороховую ул. Первоначально они пробовали собраться на Каменном мосту, но были нарядами пешей полиции удалены с моста. Через несколько минут такая же группа собралась в конце Гороховой ул. и с пением

двинулась по Загородному пр. к Невскому. Была еще попытка устроить демонстрацию на Владимирском проспекте.

На Петербургской стороне.

Довольно серьезное столкновение между толпой и полицией произошло на Каменноостровском пр. На Троицкой дамбе собралась толпа в 500—600 человек. Послышалось пение марсельезы. Из аллей Александровского парка и Троицкой площади навстречу появились конные и пешие городовые и жандармы. Толпа пыталась прорваться сквозь строй полиции. Был выкинут красный флаг. Полиция окружила плотным кольцом толпу. Демонстранты постепенно рассеялись по Александровскому парку, где произвели еще раз попытку собраться.

На следующий день появились телеграммы о первомайских забастовках из Киева, Одессы, Харькова, Саратова, Томска Архангельска, Херсона, Варшавы, Люблина и других городов,

---

В 1913 году весь апрель прошел в повышенном настроении. В годовщину ленского расстрела были в Петербурге и в провинции дружные забастовки с демонстрациями. Затем стали поступать телеграммы из-за границы, Польши, Финляндии и Прибалтийского края, где 1-ое мая празднуется 18-го апреля: везде в этом году празднование прошло с большим под'емом. Не успели умолкнуть эти отзвуки 18-го апреля, как поступило 22-ое апреля — первая годовщина „Правды“. В первомайском номере „Правды“ призыв зазвучал уже более громко, чем год тому назад. В статье „1-ое мая 1912—1-ое мая 1913“ дается обзор „года борьбы“. За этот год, по отчетам фабричных инспекторов, в политических забастовках участвовало:

„Лена“ и 1-ое мая	570	тыс. раб.
Протест против приговора над севастопольскими матросами	250	„ „
„Избирательная“ стачка	75	„ „
Открытие 4-й госуд. думы	50	„ „
Страховая стачка	60	„ „
9-го января 1913 года	150	„ „
4-го апреля 1913 года	135	„ „
Итого . . .	1.290	тыс. раб.

В этой статье „Правды“ указывается, что все это грандиозное движение идет под знаменем трех основных вопросов: рабочего, земельного и общеполитического, то-есть под знаменем „неурезанных лозунгов“ или, как говорили враждебные этим лозунгам ликвидаторы, под знаменем „трех китов“ большевизма.

В статье „Два мира“ (того же номера „Правды“) звучит уже почти прямой призыв, который был невозможен год назад. Там сказано: „в день 1-го мая необходимо с особой силой, с особым ударением подчеркнуть чисто пролетарские цели, то, что отделяет мир пролетарский от всего буржуазного мира“. И наконец, в статье „К 1-му мая“ член думы Г. И. Петровский прямо говорит: „1-ое мая должно показать нам, как велика мощь пролетариата, и что нам нужно осуществлять в ближайшее время“.

На этот раз в одном только Петербурге бастовало 250.000 рабочих, — с неизбежными манифестациями. Вот что писал об этом дне депутат Г. И. Петровский:

„День 1-ое мая я тоже провел на улице. Дома не сиделось, хотелось провести наш трудовой праздник вместе с товарищами. На Невском было людно и оживленно. Но публика была особенная: много рабочих, учащаяся молодежь и почти полное отсутствие невских дам и фланеров. Но вот, между 3 и 4 часами, против Гостинного двора группы рабочих соединились в толпу человек в 100 и запели рабочую песню. Был выкинут красный флаг. Сейчас же налетели конная и пешая полиция... Наше внимание привлекла группа городовых, избивавших одного демонстранта. Волоча его по панели они щедро наделяли его ударами кулаков и шашек... При избиениях мы, с членом думы Бадаевым, протестовали, но на это полицейские чины не обращали внимания. В участке оказалось много арестованной молодежи, изголодавшейся, просившей пить, и только по настойчивой нашей просьбе полиция послала за хлебом. — С такими жертвами проходила самая мирная манифестация рабочих в день трудового праздника! Дико было смотреть на подобное нечеловечное прекращение демонстраций, на избиения, которые, как известно, так прочно вошли в полицейский обиход в столице России. Полицейская грубость и битье, конечно, не отменили рабочего праздника. Вчерашняя забастовка, охва-

тившая почти весь пролетариат столицы, показала, что пролетариат идет вперед своим путем и, несмотря на жертвы и противодействия, умеет праздновать свой рабочий праздник 1-ое мая".

В 1914 году апрель прошел с неменьшим под'емом: к забастовке 4-го апреля прибавилось около 20-го апреля забастовка-протест против изгнания думским большинством социал-демократических депутатов на восемь заседаний.

1-го мая в Петербурге бастовало свыше 250.000 рабочих,— опять почти весь пролетарский Петербург. На этот раз поддержала и Москва, в те годы сильно отставшая от других городов.

Все эти три года агитацией пред 1-ым мая руководил Петербургский Комитет партии, выпускавший нелегальные воззвания.

Что касается дня 9-ое января, то и здесь замечается не меньший под'ем. В 1912 году этот день почти не оставил по себе следа в легальной печати. Были только нелегальные листки. В 1913 году, кроме листков, появились и в „Правде" статьи: „Девятое января" и „Могилы 9-ое января", а также беллетристический фельетон „9-ое января. Бастовало по первоначальному подсчету в Петербурге 72.000; но затем был опубликован дополнительный, длинный список бастовавших предприятий. Всего же в крупнейших городах России 9-ое января 1913 года бастовало около 300.000 рабочих. В 1914 году в одном Петербурге число бастовавших превышало 140.000, а в Москве было около 50.000.

В первых числах июля 1914 года в „Трудовой Правде" был напечатан фельетон „Значение последних забастовок". В заключительной части статьи, носящей подзаголовок „Перед бурей", было сказано:

„Пролетариат России поднимается для новой борьбы. Пусть слепые и глухие не видят буревестника, но он реет и вьется все шире, дальше и глубже... Рабочая Россия молчала семь долгих лет, а теперь опять раздался ее могучий и властный голос, требующий права на жизнь; и голос этот приникает даже в медвежьи уголки России... В Баку и на

нефтяных промыслах об'явлено осадное положение. *А в рабочих кварталах Петербурга уже гремят выстрелы...* Движения последних лет зародились в Питере, вышли из него, перебросились в провинцию, охватывают ее все шире и шире и опять возвращаются в Питер, дабы вовлечь в борьбу отставших... Это только начало борьбы, разливающейся из столицы широким потоком. Армия российского пролетариата должна деятельно готовиться к новой, серьезной борьбе, которая неминуемо наступит".

„В Петербурге уже гремят выстрелы",—говорил автор фельетона, писавший свою статью почти под выстрелами.

Это началось в четверг, 3-го июля, на Путиловском заводе По Петербургу в это время с завода на завод перекатывались митинги и забастовки сочувствия бакинским рабочим. Во дворе Путиловского завода также собрался митинг в количестве около 12.000 человек. Перед окончанием собрания явилась полиция. Заводские ворота закрылись, и началось избиение рабочих, за избиением последовали выстрелы. Двое рабочих было убито и около 50 ранено. Об этом тотчас было дано знать рабочим депутатам и в редакцию „Трудовой Правды". Депутат А. Е. Бадаев поспешил к путиловцам. На завод Бадаева не пустили. А в участке он нашел полную комнату избитых рабочих, приведенных для ареста: многие лежали, будучи не в силах подняться. Иных городовые отливали водой.

— „Мучительные минуты пришлось пережить,—рассказывает Бадаев в „Трудовой Правде" от 5-го июля: стоны и страдания арестованных, грубые лица полицейских, заполнивших весь заводский район и на каждом шагу старавшихся подчеркнуть, что они здесь господа положения, и почти полное отсутствие на улицах рабочих. Жуткая, притаившаяся тишина, поддерживаемая вооруженной силой. Насилие и смерть,—и ликующий полицейский сапог"...

4-го июля уже забастовало в Петербурге 90.000. На следующие дни число бастующих увеличивалось. Чувство всеобщего возмущения вызывало толпы народа на улицы. Рабочие не рассеивались при появлении полиции, а встречали ее камнями. Полиция стреляла. Разгорались революционные страсти.

Партийная организация еще не считала эти дни днями решительной борьбы: она призывала только к трехдневной забастовке протеста. И с большим трудом удалось организованным рабочим успокоить стихию.

Было ясно, что Россия скорым шагом идет к революции. Но через две недели вспыхнула европейская война, давшая самодержавию отсрочку до февраля 1917 года.

М. Ольминский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ВВЕДЕНИЕ. Социализм и рабочее движение. 5

I. Группа „Освобождение Труда“ 14

II. Рабочее движение 70-х и 80-х годов. 35

III. Социал-демократия и рабочее движение 90-х годов. 1 с'езд партии. 47

IV. „Искра“ и II с'езд партии 66

V. „Большинство“ и „меньшинство“ 88

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Буржуазная революция и социал-демократия . 107

ПРИЛОЖЕНИЕ. Манифест Российской Социал-демократической Рабочей Партии (1893 г.) 110

До войны. Статья М. Ольминского 113

Основные руководства для дальнейшего изучения вопроса.

Р. Ц. № 2219. Москва.

HECKMAN
BINDERY INC.
OCT 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000081150 23